

Мильчаков Владимир Андреевич

Мои позывные – Россия

Повесть

Глава 1.

НОЧНОЙ РАЗГОВОР

Черные тяжелые тучи медленно ползли над самой землей. Выше туч, надсадно завывая, шли с запада на восток и с востока на запад косяки бомбардировщиков. Ниже туч, на земле, притихшей, ошестившейся стволами зениток и счетверенных пулеметов, все было залито густой темнотой.

Дождь, начавшийся еще с полудня, к ночи перешел в бесконечный косой от ветра ливень. Ветер бесновался, сердито гудел в тугих телефонных проводах, сгибал почти до земли придорожные кусты, кидал в лица шагавших по шоссе солдат пригоршни холодной дождевой воды.

Было темно и не по-весеннему холодно. Ни одного приветливого огонька не светилось в этой холодной темноте. Казалось, на тысячи верст вокруг нет теплого человеческого жилья. С трудом можно было поверить, что совсем недалеко деловито гудят сотни военных заводов, сосредоточенно готовит победу затемненная, по-фронтному суровая Москва.

Линия фронта уже далеко откатилась от столицы, но на каждом шагу все еще попадались, напоминая о недавних боях, страшные следы вражеского нашествия. Вдоль шоссе, на месте недавно шумных, залитых ярким светом городков и поселков, тянулись развалины. Скорбно смотрели пустыми глазницами оконных проемов обгорелые коробки каменных домов. Поля были изрубцованы десятками километров траншей, эскарпов и контрэскарпов. Частые ряды надолб из отрезков рельсов уходили бесконечными лентами в темноту пустых, незасеянных полей.

По шоссе проносились вереницы тяжело нагруженных машин, тянулись бесконечные колонны пехоты. И машины и люди упрямо двигались в одном направлении — на запад, в погоню за отступающим врагом.

Темнота скрывала от глаз людей все, что лежало в десятке шагов от дороги. Самый зоркий человек не смог бы рассмотреть, что всего в полуверсте от магистрального шоссе раскинулась обширная дубрава. К ней вела неширокая, но хорошо замощенная дорога. Отделившись от шоссе, дорога скрывалась среди стволов могучих берез и, пробежав с километр по дубраве, заканчивалась у высокой каменной ограды. Крепкие тесовые ворота, окованные для прочности железными полосами, в любое время суток охранялись двумя автоматчиками.

Внутри ограды шумел все тот же густой вековой лес. Белоствольные, в два обхвата, березы закрывали своими ветвями одноэтажный дом, раскинувшийся в виде огромной буквы «П».

Снаружи дом казался пустым, необитаемым. Но это впечатление было обманчиво. Никогда не замолкали в доме звуки человеческих голосов, шелест военных карт, звонки телефонов. Здесь всегда много людей. Большинство одето в форму офицеров Красной Армии. Большинство, но не все. Нередко здесь можно встретить людей в потрепанных полушубках, армяках и куртках самых различных фасонов. Их одежда почти всегда пахнет хвоей или сеном, с чуть приметной, но стойкой примесью дымка от лесных костров.

Иногда в коридорах или в какой-нибудь из комнат встречаются давно не видевшиеся друзья.

— Жив?

— Как видишь!

— Оттуда?

- Да!
- Ну, что там?
- Звереют... А ты?
- Скоро снова туда...
- Может, вместе удастся...
- Про это, брат, начальство знает. Как прикажут.

Лаконические фразы произносятся обыденным, деловитым тоном, и только потеплевшие глаза да затянущееся рукопожатие говорят о том, как рады эти двое выпавшему на их долю счастью встретиться живыми и здоровыми на коротком перепутье тайных военных дорог.

Но говор и шум, переполняющие старинное здание, стихают перед большой, обитой войлоком и клеенкой дверью. Около нее день и ночь сидит дежурный офицер. За дверью тишина.

...Мотоцикл с коляской, свернув с магистрального шоссе, промчался по дороге, пересекающей дубраву, и круто затормозил у окованных железом ворот.

Навстречу прибывшим стрельнул зеленый луч карманного фонарика. Вспыхнул и сразу же погас.

— Кто идет? — негромко спросили из темноты, ставшей еще чернее.

— Гвардии майор Лосев. Прибыл по приказанию...

— Проезжайте! Ожидают.

Ворота раскрылись. Подъехав к зданию, мотоцикл остановился. Пассажир вылез из коляски и взбежал на крыльцо, а водитель увел машину куда-то в темноту за здание.

Дежурный лейтенант у обитой клеенкой двери встретил прибывшего как старого знакомого.

— А, товарищ гвардии майор! Сейчас доложу. Генерал уже два раза спрашивал.

— Подожди, не спеши. Что у вас тут, пожар, что ли? Ведь я до десятого — свободный человек. Сам хозяин разрешил. А сегодня...

— А сегодня еще только третья на исходе, — соболезнующе подтвердил дежурный. — Генерал в шестнадцать ноль-ноль неожиданно приказал разыскать вас во что бы то ни стало. Где вас нашли?

Лосев рассмеялся.

— В театре, черти. Между вторым и третьим актом сцапали. Ну, ладно. Жми... Докладывай.

Дежурный скрылся за дверью кабинета. Лосев привычным движением провел рукой по борту кителя, проверяя, не расстегнулась ли пуговица, поправил волосы.

Высокий, худощавый, хотя и с широкой грудью, майор Лосев на первый взгляд не производил впечатления очень сильного человека. Лишь приглядевшись, можно было заметить, как натягивались рукава его широкого кителя, охватывая желваки мускулов, когда Лосев сгибал руку. Ему еще не было и тридцати лет. Волосы почти совершенно белого, льняного цвета вились и никак не хотели покорно лежать на голове майора. Очень голубые глаза, белая кожа, яркий румянец «во всю щеку» и широкие ладони с короткими пальцами — все это выдавало в майоре уроженца русского севера, знакомого со стужей, с тяжелым трудом на морозе.

— Войдите! — пригласил лейтенант, появляясь на пороге кабинета.

В большой полутемной комнате за столом, освещенным настольной лампой под низким плотным абажуром, сидел немолодой грузный человек в свободном, немного мешковатом кителе с погонами генерал-майора.

Лицо генерала, затененное абажуром, было почти невидимо. Тускло поблескивало золото погон.

Откинувшись на спинку стула и положив на стол большие тяжелые кулаки, генерал вглядывался в подходившего майора.

— Товарищ генерал! По вашему приказанию...

— Садитесь! — перебил генерал. — Знаю, что по моему приказанию.

Генерал говорил низким, немного хрипловатым голосом.

Майор сел в мягкое кресло перед столом.

— Я вызвал вас, майор Лосев, для того, чтобы поручить вам одно дело. Дело это сложное и... не совсем обычное. — Генерал замолчал, как бы собираясь с мыслями. Лосев, удобно устроившись в кресле, внимательно слушал, не отводя глаз от лица генерала. В глубокой тишине стало слышно тикание лежащих на столе, карманных часов.

— Каждую ночь, — снова заговорил генерал, — неизвестная, расположенная во вражеском тылу радиостанция передает в эфир шифровку. Шифр — наш, но снят с употребления уже месяцев восемь. Вот, ознакомьтесь...

И генерал через стол протянул майору лист бумаги, на котором четким почерком было написано:

«Немедленно уничтожьте Грюнманбург. Готовится грозная опасность. Бомбите тяжелыми на километр севернее дубового леса. Бомбите немедленно, Грюнманбург — страшная угроза для Советской Родины, способная смести...»

Возвращая прочитанную шифровку, майор удивленно посмотрел на генерала. Тот усмехнулся:

— Удивлены? Думаете, причем тут разведчики, коль можно послать тяжелые бомбардировщики, и они за полчаса от этого Грюнманбурга дырку оставят. Так ведь?

Майор пожал плечами и ничего не ответил, но по лицу было видно, что он думает именно так.

Генерал подошел к занавеси, закрывавшей всю стену, и отдернул ее. Перед майором открылась карта Германии.

— На этой карте, — негромко заговорил генерал, составленной для фашистского генштаба на основании самых последних данных, населенного пункта Грюнманбург нет. А на ней обозначено все, вплоть до путевых будок и отдельно стоящих деревьев.

Майор нахмурился:

— Разрешите спросить, товарищ генерал. Местонахождение передающей станции установлено?

— Очень относительно, — ответил генерал. — Наши пеленгаторы определили, что радиостанция где-то в этом районе. На северо-западе Германии.

Генерал очертил рукой значительный кусок в левом, верхнем углу карты.

— Но ведь тут нет ни дорог, ни крупных промышленных городов... — начал майор.

— Дорога, во всяком случае, уже появилась, — прервал Лосева генерал. — Здесь сейчас новая автострада проложена. С побережья к восточным границам. Вон она нанесена на карту карандашом, от руки. А вот в этом лесном массиве немцы для чего-то построили мощную теплоэлектростанцию. Строительство велось спешно, в условиях полной секретности. Куда идет электроэнергия с этой новостройки, неясно. Во всяком случае, не в центр страны.

Оба замолчали, взглядыываясь в заинтересовавший их участок карты.

— Грюнманбург где-то здесь, — продолжал генерал, — в треугольнике, нижней стороной которого является автострада до ее поворота на юго-восток, а вершиной — вон тот мысок на побережье. Железная дорога пересекает треугольник с севера на юг.

— Но ведь тут в каждой стороне треугольника будет чуть не сотня километров, — на глаз прикинул Лосев.

— Сто двадцать, — поправил генерал. — Уже измерили.

— Да-а, — протянул майор Лосев. — Есть где погулять, пока разыщешь этот Грюнманбург.

И снова установилось молчание. Лосев изучал указанный генералом треугольник карты уже как место своих будущих действий. В натренированной памяти разведчика запечатлелись названия населенных пунктов, извилистые дороги местного значения, голубые линии рек и речушек.

— Вот откуда-то из этого места Германии каждую ночь несется к нам голос друга, — нарушил молчание генерал, задергивая карту, и Лосев услышал в его голосе непривычное волнение. — Неизвестного друга...

— Странное название у этого населенного пункта, — вслух размышлял Лосев. — Грюнманбург — город зеленых людей. Оно или очень старинное, или придумано каким-

нибудь мистиком. И почему ориентиром для бомбежки избран дубовый лес? В городе — и дубовый лес... Странно.

— Странного во всей этой истории немало, а бесспорно только одно: шифровку передает наш человек. Дезинформация исключается по целому ряду причин. Я лично думаю, что автор шифровки — наш советский летчик или радист, захваченный в плен фашистами. Держат сокола за решеткой, а он и оттуда пытается Родину об опасности предупредить. Передачи начинаются в самые различные часы ночи и обрываются всегда неожиданно, иногда на середине слова. Полного текста шифровки принять ни разу не удалось. А координаты Грюнманбурга, видимо, в самом конце текста. Значит, радисту что-то мешает, — продолжал генерал, усевшись на свое место. — Ясно, что в этом самом Грюнманбурге готовят какую-то пакость. Недаром Гитлер обещал хлопнуть дверью, если его принудят уйти со сцены. Газеты-то ихние прямо захлебываются, вопят о каком-то ноём оружии. И, конечно, в первую очередь эта пакость угрожает нам. Хотя что-то уже пронюхали и наши союзники. Они серьезно обеспокоены. Вот, познакомьтесь.

И генерал, достав из папки, лежавшей на столе, документ, протянул его майору.

Пока Лосев внимательно читал поданную ему бумагу, генерал позвонил. Дежурный офицер вошел в кабинет.

— Материалы, которые я приказал подобрать, готовы?

— Так точно!

— Давайте.

Дежурный скрылся и через минуту вернулся с объемистой папкой. Подал ее генералу, он снова вышел, плотно притворив за собою дверь.

— Безусловно, союзники тревожатся о том же, о чем идет речь в шифровке, — задумчиво проговорил майор, возвращая документ генералу. — Только, что это с ними? Ведь они прямо в панику ударились.

— Ну, у нас нервы покрепче, как-нибудь выдержим, не испугаемся. Но шифровка — сигнал серьезный. К сожалению, координаты Грюнманбурга нам не известны. Установить же их необходимо, и в самый короткий срок. — Генерал пристально взглянул на майора, быстро поднявшегося с места. — Установить местонахождение пункта Грюнманбург и разведать, что там фашисты готовят на нашу голову, поручается вашей группе, майор Лосев. Сегодня ночуете здесь. Комната вам приготовлена. Ознакомьтесь с материалами. — Генерал подал майору папку, принесенную дежурным. — Организация переброски вашей группы в тыл противника, связи с вами и прочего поручена, как всегда, подполковнику Черкасову. На всю подготовку даю трое суток — семьдесят два часа. Понятно?

— Вполне, товарищ генерал.

— Забросим вас в район автострады, так сказать, в середину основания треугольника. Здесь сплошные леса, правда, молодые, но в первые дни они вам будут надежным укрытием. Для того, чтобы выполнить задание, кому-нибудь из вас, а может быть и всей группе, придется легализоваться. Познакомьтесь с материалами, уточните детали с Черкасовым, подготовьте группу, а за сутки до переброски доложите мне свои соображения. Вопросы есть?

— Все понятно, товарищ генерал, вопросов не имею, — негромко ответил Лосев.

Генерал подошел к Лосеву и, дружески положив руки ему на плечи, слегка потряс майора.

— Загонял я тебя, Николай Михайлович. Сам дал тебе десять дней отпуска, да, видишь, ничего не вышло. Не обижайся. Некого послать. Лучше тебя с этим делом никто не справится.

— Что вы, товарищ генерал, — растроганно ответил Лосев. — Какая обида! Отдых нам сейчас и не положен. На то и война. Отдыхать после войны будем.

— Ой ли! — лукаво улыбнулся генерал, все еще держа майора за плечи. — Боюсь, что и после войны у нас дел будет не меньше. Кое-кому очень не понравится, что мы бьем, а не нас бьют. Так что после войны... Ну, да это еще когда будет!.. Ты вот сейчас смотри. Береги себя

и людей. Ну, пока, действуй. — И генерал с грубоватой нежностью похлопал майора по плечу. — Иди!

Забрав папку и попрощавшись, Лосев направился к двери. Уже на пороге он услышал окрик генерала: — Николай Михайлович!

— Я слушаю вас, товарищ генерал, — повернулся майор.

— Позывные для радиосвязи я тебе дам сейчас. Твоими позывными будет слово, — генерал на мгновение замолк и затем, понизив голос, торжественно произнес: — «Россия». Понял?

— Понял. Мои позывные — «Россия», — почти шепотом ответил генералу майор Лосев.

Глава 2

В ГОСПИТАЛЕ

Расположившись в отведенной ему комнате, майор Лосев решил перед сном познакомиться с материалами, полученными от генерала.

Папка была объемистой. В ней было много вырезок из иностранных, в том числе и немецких газет, записей перехваченных радиосообщений, копий донесений, несколько брошюр. И все это относилось к району будущей деятельности группы разведчиков майора Лосева.

Увлечшись, Лосев не замечал, как проходила ночь. Уже под утро, взглянув на часы, он с сожалением оторвался от папки и стал раздеваться. Но в этот момент в дверь постучали.

— Войдите, — разрешил Лосев, натягивая на себя только что снятый китель.

В дверях стоял незнакомый лейтенант.

— Вы гвардии майор Лосев? — спросил он. - Да.

— Только что звонил подполковник Черкасов. Он просит приехать в госпиталь номер два. Приказал передать, что в госпиталь доставлен раненый, с которым вам необходимо поговорить.

- А где этот госпиталь номер два? — недоумевая, о каком раненом идет речь, спросил лейтенант Лосев. — И как я туда доберусь?

— Машин, к сожалению, сейчас нет. Вам придется ехать на мотоцикле. Водитель знает дорогу. Да это совсем недалеко. Километров четырнадцать-пятнадцать. Что прикажете ответить подполковнику Черкасову?

— Доложите, что я выехал, — ответил Лосев. «Что это за раненый? — размышлял майор, сидя в

коляске мотоцикла, мчавшегося сквозь ночь и непогоду. — Может быть, найден кто-либо, бывавший в тех местах до войны? А может быть, радист? Да нет, невозможно. Ведь шифровку передавали еще вчера. Кто же?..»

Не найдя подходящего ответа, майор поплотнее надвинул капюшон плащ-накидки, стараясь уберечься от хлеставшего прямо в лицо дождя.

Подполковник Черкасов встретил Лосева в вестибюле госпиталя, разместившегося в двухэтажном здании школы-десятилетки.

Щуплый с виду, подвижной человек лет сорока, всегда занятый десятками неотложных дел, подполковник Черкасов был кадровым офицером. Лучшей из всех существующих на земле профессий -он считал профессию разведчика. Источником постоянной и тайной скорби подполковника было то, что рост его, даже при двойной подошве сапог, не превышал ста пятидесяти сантиметров. Это делало фигуру Черкасова слишком необычной, привлекавшей внимание. А ведь разведчик ничем не должен выделяться, даже малым ростом. Короче говоря, уже более десятка лет подполковник Черкасов не был за рубежом, хотя ни одно ответственное разведывательное мероприятие не обходилось без его незаметного, но совершенно необходимого участия. Затаив в глубине души горечь, подполковник весь свой талант и опыт разведчика отдавал тому, чтобы помогать своим друзьям по оружию, облегчать им путь к успехам.

Схватив Лосева за руку, подполковник потащил его на второй этаж. Там начальником госпиталя Черкасову была отведена на сегодняшнюю ночь маленькая изолированная комната.

— Понимаешь, Коля,— зашептал он, плотно закрыв дверь комнаты. — Тебе здорово повезло. За последние три дня мы перетряхнули почти все лагеря военнопленных. Искали уроженцев того района, куда ты направляешься. Ничего не нашли. И только сегодня стало известно, что партизаны под Винницей захватили немецкую машину. А в ней, оказывается, ехал какой-то Отто фон Бломберг. Так его со всеми чемоданами и портфелями сюда доставили. И, понимаешь, как получилось? Уже на нашей территории этот самый Бломберг под бомбежку попал. Ну, и... в общем, кажется, не выживет. Он бредит. Про Грюнманбург несколько раз упоминал. Понимаешь? Я поэтому и вызвал тебя.

— Где он сейчас, этот Бломберг?

— В отдельной палате, конечно. Там двое наших. С тех пор, как он в госпитале, каждое его слово стенографируют.

Накинув белоснежные халаты, оба офицера вышли в коридор и направились в противоположный конец здания.

Шагая впереди и поминутно оглядываясь на идущего следом майора, подполковник Черкасов с довольным видом говорил:

— Если даже и не удастся привести этого Бломберга в сознание, мы все же многое узнаем из его бумаг. У него в чемодане целая связка писем и альбом фотографий.

— Это хорошо. Но лучше, если бы он сам заговорил...

Коридор был пуст. Из-за плотно закрытых дверей палат не доносилось ни звука. Только в самом конце коридора около крайней двери неслышно шагал взад к вперед пожилой автоматчик.

Офицеры вошли в палату.

В небольшой комнате с широким многостворчатым окном помещалась всего одна койка. На ней неподвижно вытянулся человек, укрытый белой простыней. Только-длинные тонкие руки багровели поверх простыни. Одна рука была вытянута вдоль тела, другая, согнутая в локте, опущена на грудь. Ее пальцы беспрерывно двигались... как бы подбирая что-то лежащее на груди и брезгливо отбрасывая в сторону.

Лосев обратил внимание на холеные ногти фашиста... На безымянном пальце сверкал старинный перстень с печаткой.

«Из крупных, — пронеслось в голове майора. — Аристократ».

Лицо фашиста было пунцово-красным, глаза — широко открытые, но мутные, без всякого проблеска мысли. Запекшиеся губы беспрерывно произносили то бессвязные слова, то целые фразы, обращенные к кому-то отсутствующему. Бред иногда понижался до шепота, то вдруг повышался до крика. Но глаза по-прежнему были бессмысленными, либо неподвижно, и только пальцы конвульсивными движениями все сбрасывали и сбрасывала что-то с груди.

У изголовья раненого на раскладном стуле сидела девушка и, вслушиваясь в бессвязный бред фашиста, заносила на разлинованный лист блокнота размашистые стенографические знаки. Ее напарница отдыхала, сидя на таком же стуле с противоположной стороны кровати.

Рядом с небольшим столиком, поблескивавшим склянками с лекарствами и шприцами, оперлась спиной о стену молоденькая медицинская сестра. Тут же сидел на табуретке врач. Оба с таким напряженным вниманием вглядывались в лицо раненого, что не заметили вошедших в палату офицеров.

— Ну, что? — нетерпеливо спросил Черкасов.

Все так же, — подняв голову, ответил врач. — Агония. Минут через двадцать наступит конец.

Майор Лосев подошел к изголовью фашиста. Одна из стенографисток поднялась со стула, уступая майору свое место. Бломберг что-то шептал. Чтобы не упустить ни слова, Лосев склонился над раненым. Тот уставился на него мутными бессмысленными глазами и вдруг заорал по-немецки:

- Франц! Осел! Давай назад! Партизаны!

Лосев даже вздрогнул от неожиданности, но раненый, уже успокоившись, заговорил ласковым, немногo снисходительным тоном:

- Лотта, девочка, это мой последний выезд на Восток. Мне обещал Гиммлер... Генералу Лютце давно пора в архив... Через две недели мы встретимся в Грюнман-бурге... Сейчас я должен ехать... Опасности никакой. Ведь в Виннице ставка фюрера... фюрера... русские... Я тебе привезу... — и вдруг, без всякого перехода, умирающий замурлыкал джазовую нескромную песенку:

Каждой девочке в наследство от мамы перешло...

Лосев поднялся со стула и подошел к врачу. — Скажите, товарищ, есть ли какая-либо возможность хотя бы на минуту вернуть раненому сознание?

— Никакой! — развел руками врач. — Слепое, проникающее в мозг ранение черепа. Кроме того, уже наступила агония. Если бы его доставили к нам хотя бы на час-два раньше...

Переглянувшись, Лосев и Черкасов попрощались и вышли из палаты. По коридору несколько минут шли молча.

— Кто он такой? — заговорил Лосев, когда друзья вошли в комнату подполковника.

— Полностью, понимаешь, еще не установили, — пожал плечами Черкасов. — Звание у него не малое: что-то вроде генерала, и к тому же эсэсовского, но из новоиспеченных. И притом какой-то странный этот самый без пяти минут генерал. Он, по-моему, химик или физик.

— Да-а? — вопросительно протянул Лосев.

— Да, да! — подтвердил Черкасов. — У меня есть подозрение, не родственник ли он маршалу фон Бломбергу. Хотя... Бломбергов в Германии — как у нас Петровых. Часа через два установим все данные полностью.

— А что за альбом обнаружен в его чемодане? — спросил Лосев, усаживаясь на табуретку.

— Альбом интересный. Этому Бломбергу, видимо, здорово доверяют заправила Германии, в альбоме есть фотографии, на которых Бломберг снят и с Гитлером и с Гиммлером.

— Это, пожалуй, интересно, хотя и не самое главное, — словно размышляя вслух, заговорил Лосев, — А пейзажные снимки в альбоме есть?

— Специально пейзажных мало. Фотографий женщин, снятых на фоне природы, много,

— Очень хорошо, — довольно потер руки Лосев. — Знаешь что, Сеня? Можно будет к утру приготовить мне запись бреда, письма и альбом?

Черкасов рассмеялся:

— К утру? Да ты, дружище, спятил. — Подполковник подошел к окну и отвернул светомаскировочный занавес. На улице было светло, солнечный диск поднимался над омытой ливнем землей. — К утру, понимаешь, никак не могу. Разве к завтрашнему...

— Что ты! — даже привскочил на табуретке Лосев. — К завтрашнему нельзя. Ведь генерал дал на подготовку только семьдесят два часа.

Подполковник подошел и сел рядом с Лосевым.

— Вот что, товарищ гвардии майор, — заговорил он строго, в то время как глаза его смеялись. — Как старший по званию и ответственный за организацию твоей экскурсии, приказываю поехать и немедленно лечь спать. Спать до... — Черкасов взглянул на ручные часы, — до восемнадцати ноль-ноль. Без разговоров, — погрозил он кулаком, видя, что Лосев хочет протестовать. — Когда материалы будут готовы, сам разбужу.

Видя, что возражать бесполезно, Лосев поднялся и стал надевать шинель. Черкасов, не двигаясь с места, смотрел на него ласково, по-отечески. Когда Лосев, уже затянув ремень, надел фуражку, Черкасов вдруг соскочил с табуретки, побежал к майору, обнял за талию и, заглядывая снизу вверх ему в глаза, таинственно зашептал:

Эх, Колька, какую я тебе переброску к фашистам в тыл придумал! Пальчики оближешь. И генерал утвердил. Слова не сказал. — Отступив на шаг, он вдруг строго спросил: — Ты

самолетом-то управлять не разучился?

— Думаю, нет. А что? — удивился Лосев.

— А если придется вести тяжелый? Двухмоторный?!

— И двухмоторный поведу. А что?

— Ничего. Приказываю ехать и спать до моего прихода. Выполняйте приказание, гвардии майор Лосев.

— Есть выполнять приказание! — с подчеркнутой четкостью откозырял Лосев. — Поеду спать, но после? сна я злой бываю. Не будут готовы материалы — съем тебя без остатка, с петлицами и даже с сапогами, — свирепо выкатив глаза, прорычал он на друга, — не посмотрю, что ты подполковник. Учти это, Сеня. Пожалей свою молодость.

Глава 3

ИЗ ЭШЕЛОНА СМЕРТНИКОВ

К станции Зегер подходил товарный эшелон. Двери вагонов были задвинуты и запоры закручены толстой проволокой. Каждый третий вагон был тормозной. На тормозных площадках стояли пулеметы и дежурили эсэсовцы. Груз, запертый в вагонах, охранялся бдительно — можно было подумать, что в этом эшелоне перевозится весь золотой запас Германии.

Однако в вагонах перевозилось не золото и не товары. Когда поезд останавливался на станциях, сквозь стенки вагонов можно было слышать приглушенные стоны и слабые крики. Иногда на остановках запертые в вагонах люди начинали стучать в двери. Тогда ближайший эсэсовец расстегивал черную лакированную кобуру, вытаскивал тяжелый вороненый пистолет, не целясь, стрелял в вагон и даже не интересовался результатами выстрела.

В эшелоне уже третий день без пищи и воды изнывали люди. Набитые, в полном смысле слова, как сельди в бочке, они не могли ни лечь, ни даже сесть. Они могла только стоять, стоять в ужасном строю, где живой был прижат к уже умершему и не имел возможности освободиться от близости мертвеца.

В самом дальнем углу одной из этих тюремных камер: на колесах томилось несколько девушек. Притиснутые к жесткой стенке вагона, измученные жаждой и голодом, девушки все же находились в несколько лучшем положении, чем остальные их товарищи. Металлический лист верхнего люка над головами девушек был сильно погнут и неплотно прилегал в пазах. Оставалась щель всего в два пальца, но и это было уже облегчением. При движении эшелона в щель врывались струйки свежего воздуха, особенно когда, идя под уклон, паровоз набирал скорость. Кроме того, сквозь узкую щель можно было увидеть кусочек неба, пусть даже немецкого пасмурного неба.

Привлекал этот угол еще и тем, что здесь в стенке вагона на уровне глаза человека из доски выпал сучок... Через это крошечное отверстие узники могли выглянуть в мир людей, не запертых в вагоны для скота.

Девушки по очереди дежурили у отверстия, с трудом меняясь местами. Все они говорили по-французски и по-немецки. Белокурые или, русые, они почти все с самого рождения считались бельгийскими подданными. Считались. Сейчас они были на территории фашистской Германии и назывались одним коротким словом «юде» — еврей.

— Что там видно, Марта? — обратилась одна из девушек к подруге, занимавшей место у отверстия.

— Подъезжаем к станции, — отозвалась Марта. — Виден какой-то городок.

Замолчали. В товарном вагоне, переполненном измученными до последней степени людьми, было относительно тихо. Заключенные знали, что они обречены, что избавления ждать неоткуда, просить или умолять о помощи некого. Лязг буферных, тарелок, перестук вагонных колес, скрип разболтанных стоек заглушали бред умирающих, негромкие стоны

измученных людей.

— Ты ведь здешняя, Грета! — снова заговорила девушка. -- Куда мы сейчас приехали?

— По-моему, это Зегер, — отозвалась Грета, высокая стройная блондинка.

Густые русые, редкого серебристого отлива волосы Греты были заплетены в две толстые косы и обвиты вокруг головы. Все невзгоды и лишения не смогли уничтожить или хотя бы обесцветить красоту девушки. Грета даже сейчас была исключительно красива — с гордо поднятой головой, тонкими чертами лица и четко очерченным волевым ртом. Большие синие глаза с золотистыми искорками смотрели внимательно и строго. Поддерживая ослабевшую подругу, Грета повторила:

— По-моему, это Зегер. Здесь военные заводы. Они раньше...

Но что было раньше с этими заводами, подругам узнать не удалось. Вагон вдруг сильно рвануло. Паровоз неожиданно прибавил скорость, видимо, торопясь уйти от какой-то опасности. Одновременно яростно затаивали десятки зениток.

Зегер никогда не считался особенно крупной станцией. Своим существованием и расцветом он был обязан двум небольшим заводикам сельскохозяйственных машин, расположенным друг против друга неподалеку от станции. После захвата власти фашистами заводики быстро превратились в мощные предприятия. «Великой Германии» нужны были танки. Много танков. Оба завода, раньше едва работавшие в две неполные смены, сейчас грохотали круглые сутки. Сотни бронированных черепах одна за другой, лязгая гусеницами, выползали на погрузочные площадки. Поселки заводов слились со станцией Зегер и превратились в один промышленный городок.

Хотя обычно станцию Зегер поезда дальнего следования проходили не останавливаясь, сегодня все ее пути были забиты до отказа. Тут находились составы, груженные продукцией обоих танковых заводов, и пришедшие издалека эшелоны с боеприпасами. На главном пути стоял небольшой правительственный поезд, солидно поблескивавший голубыми вагонами. Почти вплотную к нему приткнулся длинный воинский эшелон, битком набитый солдатами. Такое скопление поездов на небольшой станции произошло не случайно. Дело в том, что прошлой ночью английские летчики вдребезги разнесли ближайшую к Зегеру станцию Род, и путь был на несколько часов закрыт.

Летчики старались изо всех сил и бомбили очень точно. Небольшая станция Род была полностью разрушена. Сгорели и поселок, и госпиталь, и мукомольная мельница — единственное промышленное предприятие на станции. Британские летчики добросовестно выполняли приказ. Они думали, что их бомбы ложатся на военные объекты фашистов.

Железнодорожное начальство было не особенно обеспокоено тем, что пути станции Зегер забиты составами. Ведь день еще только начался, а днем английские летчики не любят выходить на бомбежку. Кроме того, погода установилась совершенно не летная. С утра небо затянуло тучами, и на весь день зарядил дождь. К вечеру же линию наладят, эшелоны пойдут своим путем, и пробка будет ликвидирована.

И в самом деле, мелкий и нудный дождь с утра моросил над северо-западом Германии. А тучи, стоявшие над Зегером, были особенно беспросветны и, по-видимому, совсем не собирались уходить.

Они словно подрядились вылить весь свой запас воды на облезлый, пропахший дымом и ржавым железом городок. Печально и тускло поблескивали красные черепицы высоких остроконечных крыш. Голые ветви зябко дрожали и роняли на землю тяжелые капли дождевой воды. Казалось, деревья плакали о чем-то, столпившись в палисадниках около мрачных, сложенных из коричневого кирпича домов. Дым из заводских и паровозных труб широкими траурными полосами стлался над самыми крышами. Чуть выше этих траурных лент висели серые мокрые тучи. Все было серо, скучно, обыденно, и ни у кого не возникало мысли о возможности воздушного налета.

Поэтому, когда пятерка тяжелых бомбардировщиков с красными звездами на плоскостях вырвалась из-за туч, ни одна сирена не подняла тревоги. Выстрелы из зениток прозвучали в одно время со взрывами бомб в цехах заводов. Но за первой пятеркой бомбардировщиков

появилась вторая и третья, а затем поднялась такая карусель, что все живое попряталось в бомбоубежища и щели, не помышляя о сопротивлении.

Эшелон с заключенными не успел втянуться на станцию. Застигнутый бомбежкой в сотне метров от входных стрелок, огромный состав был брошен на произвол судьбы. Охрана и поездная бригада сбежали и попрятались куда смогли в самом начале налета.

В первые минуты бомбежки заключенные, оцепенев от ужаса, прислушивались к грохоту взрывов и воплям разбегавшихся со станции солдат. Но вот взрывная волна опрокинула и разбила несколько вагонов эшелона смертников. С трудом выбравшись из-под обломков многие из тех, кому удалось уцелеть, ударились в бегство. Многие, но не все. Нашлись и такие, которые даже в эту страшную минуту не забыли своих товарищей. Измученные, истощенные, но сильные духом люди кинулись на помощь друзьям. Окровавленными руками раскручивали ржавую проволоку запоров, раскрывали двери, разбивали стенки вагонов. Им никто не мешал. На станции парила паника. Каждый эсэсовец думал только о собственном спасении, послав к черту немецкую солдатскую доблесть и присягу на верность фюреру.

Улицы сотрясаемого взрывами городка были пустынные, словно вымерли. Все, кто успел убежать, попрятались в бомбоубежища, щели и просто ямы, лежали вниз лицом, прижимаясь к земле и моля о спасении своего германского бога. Грохот взрывов и рушащихся зданий треск пожираемых пламенем сооружений сменили недавнюю тишину. Даже дождь утих, как будто испугался бури, свирепствовавшей на земле. Черный удушливый дым застилал городок и огромным столбом поднимался к низко нависшим тучам.

Только вырвавшиеся из эшелона смертников люди стараясь как можно дальше убежать от своих тюремщиков, мелькали там и тут в дыму и пыли развороченных взрывами улиц, да на склоне холма перед самым въездом в городок стояла открытая военная машина. Трое атлетического вида мужчин в мундирах гестап стояли около нее, хмуро взирая на расстилавшееся перед ними пожарище. В машине рядом с шофером сидела девушка, одетая в эсэсовский мундир с пестрой орденской колодочкой на лацкане. С пренебрежительной на смешливость глядя на гестаповцев, она нетерпеливо постукивала кулаком затянутой в перчатку руки по верхнему краю дверцы.

— Действительно, зрелище не из дешевых, — язвительно проговорила она. — Часа два-три любоваться можно.

— Фрейлейн Шуппе, — почтительно, но встревоженным тоном ответил один из гестаповцев, — надо переждать. Ведь мы отвечаем за вашу особу.

Моя особа должна находиться там, куда ее послал фюрер, — резко отчеканила девушка. — Несмотря ни на что. Вам это понятно?

— Понятно, фрейлейн, но лучше обождать полчаса, ну, в крайнем случае час, — принялся убеждать ее гестаповец. — Сейчас ехать очень опасно.

— Чепуха! — отрезала Шуппе. — Русские бомбят станцию и танковые заводы. А мы проскочим по главной улице. Ганс! — повернулась она к шоферу. — Вперед, и ведите машину как бог. На весь городок я даю вам десять минут.

Гестаповцы нерешительно затоптались возле машины, не зная, что предпринять.

— Садитесь, господа, — подхлестнула их Шуппе язвительной улыбкой. — Неужели я, женщина, должна учить вас храбрости и верности фюреру.

Через минуту машина мчалась по автостраде, проходившей через центр пылающего городка. Выбравшись из разбитого руками друзей вагона, Грета одна пробиралась среди развалин, падая и прижимаясь к земле, когда над головой раздавался свист летящей бомбы. Лицо девушки покрыла пепельная бледность, платье было изорвано, руки — в ссадинах и крови. Две тяжелые серебристые косы расплелись, и длинные космы волос падали на плечи, нависали на глаза.

В голове девушки с бешеной быстротой проносились обрывки мыслей: «Надо успеть, пока бомбежка... Нас будут ловить... Спрятаться у сестры няни...»

Вдруг всполошный гудок машины заставил Грету прижаться к стене дома. Бесперывно

гудя, по улице мчался открытый военный автомобиль, переполненный людьми в черных мундирах.

«За мной! Пропала! — пронеслось в голове беглянки. — Не пойду! Пусть здесь расстреливают!»

Грета широко раскрытыми от страха глазами смотрела на приближавшуюся машину. Но вдруг ужас на ее лице сменился радостным изумлением.

В машине рядом с шофером сидела девушка в ненастном мундире со свастикой. Из-под пилотки ей на плечи опускались такие же, как и у беглянки, серебристого отлива чудесные косы.

Понимая, что этого делать нельзя, что это почти немедленная смерть, но подчиняясь, может быть, голосу крови и воспоминаниям детства, Грета кинулась к подходившей машине с криком:

— Лотта! Сестра! Спаси! Это я, Грета!

Но машина круто вильнула в сторону, объезжая бросившуюся к ней девушку. На лице фашистки промелькнули одновременно удивление и растерянность. Она не сделала ни одного движения, не оглянулась, и машина помчалась дальше, чтобы через сотню метров угодить под разрыв фугасной пятисотки...

Когда Грета, тоже опрокинутая взрывом фугаски, опомнилась и поднялась на ноги, бомбежка все еще продолжалась. Оглушенная, почти ничего не соображающая, девушка медленно пошла вперед по пылавшей улице.

Исковерканный взрывом кузов только что обогнавшей ее машины и раскиданные вокруг тела заставили Грету остановиться. Прямо перед ней, скорчившись, словно все еще ожидая удара, лежала девушка в мундире со свастикой. Испачканная в крови серебристая коса змеилась на земле.

Грета опустила на колени и повернула лежащую вверх лицом.

— Лотта! Это ты? Как же ты так!.. — еще не совсем понимая, что произошло, проговорила Грета.

Рев прошедшего над самой землей бомбардировщика напомнил Грете, кто она и где находится.

Небольшой красного сафьяна портфель лежал недалеко от трупа Лотты. Грета открыла портфель и быстро просмотрела бумаги. Документ об образовании, об ученой степени, нацистское удостоверение, какой-то пропуск и затем еще один документ, отпечатанный на листе толстой лоснящейся бумаги. Девушка развернула его. В глаза кинулось напечатанное крупным шрифтом имя убитой:

«Шарлотта Шуппе направляется в Грюнманбург, в распоряжение генерала фон Лютце, для прохождения дальнейшей службы...»

«Лотта ехала в Грюнманбург? — удивилась девушка. — Зачем! Ведь там негде даже жить. Почему не прямо в имение родителей? Может быть, она ехала на охоту? — Несмотря на необычность обстановки, Грета слабо улыбнулась. — Для того, чтобы поехать на охоту, не нужно удостоверение за подписью рейхсминистра Гимmlера. Ведь в документе прямо сказано, что фрейлейн Шуппе направляется, чтобы принять какую-то лабораторию «А». — Внезапно в голове девушки мелькнула мысль, что перед нею лежит дорога к спасению. — Ведь мы с Лоттой похожи, как близнецы... даже специальность одинакова. Только в Борнбурге меня многие знают. Но к там не была уже семь... нет, девять лет... Да и до Борнбурга далеко. Пока доеду, многое может случиться. Может быть, встречу друзей, установлю связи, смогу уйти в подполье».

Девушка подобрала пилотку, упавшую с головы Лотты, надела ее себе на голову. Оглянувшись вокруг, она оттащила тело Лотты за стену разрушенного взрывом здания.

Улицы были безлюдны — бомбежка продолжалась с неослабевающей силой. Единственным человеком, осмелившимся встать на ноги, была девушка в черном мундире и пилотке, еле державшейся на чудесных серебристых волосах. Она вышла из развалин, внимательно огляделась и легла на землю рядом с красным сафьяновым портфелем. Впрочем, она скорее

упала, чем легла. Все пережитое окончательно сломило силы девушки.

Глава 4

РОДИНА ДОВЕРИЛА НАМ

Подполковник Черкасов недаром слыл очень аккуратным офицером. До восемнадцати часов еще не хватало минуты, когда он вошел в комнату майора Лосева.

Майор сидел у стола и перечитывал материалы из папки, переданной ему генералом. Ведь разведчик ничего не может записать. Записная книжка — это роскошь, совершенно недоступная разведчику, уходящему в тыл врага. Он должен рассчитывать только на собственную память.

Поэтому Лосев тщательно штудировал все, что могло ему пригодиться при выполнении задания, отчеркивал карандашом места, которые должны были особенно глубоко изучить его спутники — капитан Сенявин и старшие лейтенанты Глушков и Колесов.

— Не спишь? — удивился подполковник Черкасов, входя в комнату. — А ведь я сказал, чтобы ты спал до восемнадцати ноль-ноль.

— Я только что встал, Сеня, Выспался очень хорошо, — успокоил друга Лосев.

— Ну то-то, смотри. Скоро спать будет некогда, — Черкасов достал из чемоданчика объемистую папку. Затем оттуда же появился портативный альбом и, наконец, пачка писем аккуратно завернуты в станиоль и перевязанных голубой ленточкой.

— Все, — облегченно вздохнул подполковник, — знакомься. Точных указаний, где находится интересующее нас место, нет ни в письмах, ни в альбоме, ни в записях бреда Бломберга. Но, посмотри, что ты скажешь вот об этом?

И подполковник раскрыл перед майором Лосевым альбом на заранее заложенном месте.

На снимке, выполненном любителем, но с достаточным умением, была сфотографирована молодая девушка в охотничьем костюме, с ружьем, небрежно вскинутым под левую руку. У ног охотницы лежали два застреленных оленя.

За спиной девушки, слева, тянулась опушка, видимо большого и старого дубового леса, справа — пустынная, заболоченная равнина с редкими зарослями камыша и какого-то кустарника. Почти на горизонте, за границами равнины, была видна цепь отлогих, поросших лесом холмов.

Девушка на фотографии была очень красива. Правда, ее сильно портило выражение злой заносчивости, с которой она смотрела на окружающий мир, поставив ногу на голову убитого оленя.

— Кто это? — спросил Лосев.

— Шарлотта Шуппе, невеста Бломберга, — ответил Черкасов, роясь в письмах. — Сейчас я дам тебе ее письмо.

Наконец он нашел то, что искал.

— Прочти вот это. Тут подчеркнуто.

Взяв письмо, написанное по-немецки твердым, с ровным нажимом почерком, Лосев бегло просмотрел всю страницу и, дойдя до подчеркнутого места, задержался.

«Я считаю самым лучшим временем ту осень, которую мы провели в твоем имении. Помнишь охоту на оленей в Грюнманбурге? Ты тогда сфотографировал меня. Сохранилась ли у тебя эта фотография? Я заказала увеличенный снимок, и он уже готов. Говорят, сейчас в Грюнманбурге все изменилось. Рейхсмайстер, предложив мне поехать туда, сказал: «Хотя поверхность Грюнманбурга мы не тронули, но внутри приготовили много сюрпризов. Там сейчас кузница нашей победы».

— Успокоили, — оторвавшись от письма, проворчал Лосев. — Кроме Грюнманбурга, еще и подземелья какие-то искать придется.

— Да, — подчеркнул подполковник. — И, как видно, не одно. Тут, Коля, главное за Грюнманбург зацепиться...

Но Лосев уже не слушал друга, снова углубившись в письмо «Я очень рада, что смогу самостоятельно вести исследования, — читал он, с трудом разбирая незнакомый почерк. — Это лучше, чем состоять в помощниках другого ученого, хотя бы даже крупнейшего ученого Германии. Теперь, по крайней мере, никто не станет получать от фюрера награды за то, что сделано мною. Мои исследования приблизят час победы Германии над русскими варварами. Это прекрасно! Но еще лучше будет, когда во главе Грюнманбурга встанешь ты, мой любимый, мой герой, а не этот старый, противный карлик Лютне. Я его никогда не видела, но мне многое рассказали. Через две недели я опять буду в Грюнманбурге. Приезжай скорее и ты».

Лосев взглянул на дату. Письмо было отправлено из Берлина всего полмесяца тому назад.

— Интересно, — задумчиво протянул он. — А кто по профессии эта самая Лотта Шуппе?

— Физик, — подсказал Черкасов. — И, по имеющимся данным, крупный физик. Неоднократно награждена, а последнюю награду ей вручал лично Гитлер.

— Физик, — размышляет вслух Лосев. — Нет ли тут какой-либо связи с новым оружием, о котором вопят сейчас фашистские газеты?

— Возможно, — согласился с другом подполковник.

— Из письма видно, что Грюнманбург, похоже, находится в имении этого самого Бломберга. А где находится само имение?

— Вот тут-то, Коля, и загвоздка, — с некоторым смущением заговорил Черкасов. — Понимаешь, оказывается, этот Бломберг очень богатый человек. У него шесть огромных имений, и три из них, причем самые крупные, расположены в местах, откуда идут ночные передачи. Расстояние от имения до имения — от шестидесяти пяти до восьмидесяти километров.

Помолчали.

— Что же у нас получается, — подытожил Лосев. — Значит, Лотта Шуппе едет в Грюнманбург, а Грюнманбургом управляет некий генерал Лютце. Эти две фамилии нужно хорошо запомнить. Кроме того, в Грюнманбурге все запрятано в подземелья, а сам он, возможно, находится в одном из имений Бломберга. Но, черт возьми, как мало данных! Город, которого нет на карте, две фамилии и три имения, а площадка для поисков около трех тысяч километров. Есть где разгуляться.

— И этот нахал еще недоволен, — обиженно воскликнул Черкасов. — Да пока мы нашли этого Бломберга, знаешь, сколько тысяч военнопленных нам пришлось проверить? Ты просто неблагодарная... я не скажу кто, но кто-то в этом роде.

— Ладно, Сеня! — успокоил друга Лосев. — Спасибо и на этом. Хотя и тоненькая ниточка, но для начала все же есть за что ухватиться. Спасибо.

— То-то! Ну, я пойду, — поднялся Черкасов. — Вздремну минут двести. Вечером генералу буду докладывать. — Он шагнул к двери, остановился и с минуту молча смотрел на углубившегося в бумаги Лосева. — Понимаешь, Коля, я просил генерала не отзывать тебя с отдыха, а послать меня на задание...

— Ну, и что он тебе ответил? — заинтересовался Лосев. — Обещал?

— Обещал, — махнул рукой Черкасов. — Десять суток ареста.

— За что? — расхохотался Лосев.

— Я тоже спросил, за что? Ну, а он обещал уточнить в приказе.

— И правильно, — согласился майор, с улыбкой глядя на огорченного друга. — Только десяти суток для того, чтобы охладить тебя, мало. Поскупился генерал.

— И ты, Брут! — приглушенно взвыл Черкасов. — Сколько же мне сиднем сидеть?!

— Сиди, Сеня, — назидательным тоном заговорил Лосев. — Сиди на месте и не рыпайся. То, что ты делаешь, лучше тебя никто не сделает. Я, например, всегда спокойно иду на задание, когда знаю, что ты обеспечиваешь мой переход и возвращение. Ты и сейчас что-то особенное придумал. Расскажи, что?

— Скоро узнаешь. Сейчас еще рано говорить. Не все детали ясны, — уклонился польщенный похвалой друга подполковник. — Ну, ладно, я пошел. Посплю немного. Да вон

и твои ребята прибыли...

Выходя, подполковник столкнулся с «ребятами» майора Лосева.

В комнату один за другим вошли три офицера. Старшим и по званию и по возрасту был капитан Сенявин, рыжеватый невзрачный человек лет тридцати-тридцати двух. По гражданской специальности капитан был довольно известным инженером-машиностроителем. Более восьми лет ему пришлось провести в Германии. Встречи с немецкими фабрикантами, выполнявшими советские заказы, оказались для инженера Сенявина хорошей школой. Отстаивая интересы Родины, Сенявин вынужден был становиться то дипломатически тонким в своих отношениях с «акулами», как он звал фабрикантов, то беспощадно резким и требовательным. Глядя на мешковатую фигуру капитана Сенявина, трудно было предположить, что под этой самой что ни на есть невоенной внешностью таится хладнокровный и дерзкий разведчик, способный использовать любую оплошность врага для того, чтобы незаметно проскользнуть в самое логово фашистов, и уж, конечно, не затем, чтобы укреплять это логово.

Следом за капитаном вошли два молодых офицера: уроженец Прибалтики старший лейтенант Глушков, в прошлом батрак прибалтийских немецких помещиков, а впоследствии комсомольский работник, и старший лейтенант Колесов, радист с эсминца, погибшего еще в первых морских боях около Таллина.

По тому, как Лосев встретил своих офицеров, по крепким рукопожатиям и радостным улыбкам было видно, что группу разведчиков связывает не только воинская дисциплина, но и большая человеческая дружба. Это был крепко спаянный коллектив людей, посвятивших себя работе, полной постоянного риска и смертельной опасности.

— Новости есть, Николай Михайлович? — спросил капитан Сенявин после того как офицеры, поздоровавшись, кое-как разместились во временном обиталище Лосева.

— Новость есть. И очень интересные новости, Валерий Георгиевич, — ответил Лосев. — Поедем в гости хоть и не к самому Гитлеру, но, как мне кажется, к одному из его ближайших подручных.

— Ф-ю-ю-ть! — меланхолично присвистнул старший лейтенант Глушков. — Степочкину свадьбу придется отложить. А жаль, откровенно говоря. «Птенчик» скучать будет.

Старший лейтенант Колесов, здоровенный детина, игравший двухпудовой гирей, словно мячиком, залился румянцем. Посмотрев зверскими глазами на Глушкова, он из-за спины капитана Сенявина погрозил старшему лейтенанту кулаком размером с телячью голову.

— Ничего, — поддержал шутку Глушкова майор Лосев. — Я думаю, что к тому времени, когда зацветут подмосковные сады, Степан Дмитриевич сможет пригласить нас на свадебный пир.

— Ну, если так, то еще ничего, — не унимался Глушков. — Вытерпит. «Птенчик» — мужчина выдержанный.

— Итак, товарищи, — уже тоном старшего командира заговорил Лосев, — Родина доверяет нам важное государственное дело. Давайте подумаем, как лучше нам его выполнить. Суть дела в следующем...

Глава 5

САМОЛЕТ МЕНЯЕТ КУРС

Самолет шел на высоте полутора тысяч метров. С такой высоты горизонт летчика охватывает огромное пространство. И все же пилоты, ведущие самолет, не видели ни одной светящейся точки в черной бездне, проплывавшей под крыльями машины.

- Слушай, Франц! — нетерпеливо окликнул штурмана командир корабля. — Быть может, мы сбились с курса?

— Все в порядке, Генрих, — отозвался штурман. — Мы в нужном квадрате. Это должно

быть где-то здесь.

— Надо спуститься ниже. Быть может, внизу облака, — предложил второй пилот.

— В этой дьявольской России даже темнота не похожа на обычную, — проворчал командир.

— Попробуй тут...

— Зачем понадобилось посылать тяжелую машину на посадку в русском тылу? — заражаясь настроением командира, заговорил штурман. — Садитесь без аэродрома... Ночью...

— Значит так надо, — раздраженно отрезал командир корабля. Затем, помолчав, более спокойным тоном добавил: — Наше с вами дело не обсуждать приказы, а выполнять.

— Впереди и вправо костры! — радостно закричал второй летчик.

— Я говорил, что мы идем верно. Я никогда не сойду с курса, — самодовольно усмехнулся штурман.

Самолет круто пошел на посадку.

Когда тяжелая машина остановилась среди огромной поляны, костры уже догорали. Из темноты к самолету бежала группа людей. Но в кузове корабля бесшумно открылась дверь, и навстречу бегущим вытянулось рыльце пулемета. Хрипловатый голос негромко спросил по-немецки:

— В каком направлении?

Подбегавшие остановились. Вперед вышел человека также по-немецки ответил:

— Из Кельна на Мадрид.

Опустилась откидная лесенка, командир корабля медленно сошел на землю. Подойдя к человеку, сказавшему пароль, он протянул ему руку и отрекомендовался:

— Обер-лейтенант Генрих Клемм.

— Майор Отто Бровер.

— Ваши все?

— Все.

— Трофеев не вижу, — пошутил Клемм.

— Трофеи богатые, но места занимают мало, всего два чемодана и вещевые мешки, — так же шутливо ответил Бровер. — Погрузку не затынем.

— Прошу в машину, — распорядился командир корабля.

Приняв пассажиров, самолет снова взвыл моторами и, тяжело оторвавшись от земли, унесся в густую темноту ночного неба.

Воздушный корабль и в обратный путь шел на той же высоте. Через полчаса после отлета обер-лейтенант Клемм вышел из кабины управления. Он осмотрел своих пассажиров и, как от озноба, передернул плечами.

— Никак не привыкну спокойно смотреть на русскую форму, — признался он, обращаясь к Броверу. — Как это вы можете носить ее?

— А как же иначе, — рассмеялся Бровер. — В форме, присвоенной войскам фюрера, среди русских не проживешь. Откровенно говоря, она у них почетом не пользуется.

— Да, конечно, понимаю. Но все-таки...

— И, по-моему, очень хорошая форма, — снова рассмеялся Бровер. — Она мне нравится, я ее ни на какую другую не променяю.

Клемм с удивлением взглянул на собеседника. Ему показался необычным тон, которым майор произнес эти слова. Но Бровер с холодным спокойствием внимательно смотрел на обер-лейтенанта. Командир фашистского воздушного корабля почувствовал себя очень неуютно. Пристальный взгляд этого человека, одетого в форму майора Красной Армии, определенно не нравился обер-лейтенанту Генриху Клемму.

Чтобы избавиться от неприятного ощущения, он взглянул на часы.

— Через десять минут мы пересекаем линию фронта. Полюбуйтесь. С такой высоты она очень эффектна.

Произнеся эти слова, Клемм заметил, что собеседник, взглянув куда-то мимо его плеча, вдруг утвердительно кивнул головой.

Фашист хотел оглянуться, чтобы увидеть, кому кивает Бровер, но пошатнулся от сильного

удара в спину. Одновременно чья-то рука крепко зажала ему рот. Он хотел обрушиться с руганью на Бровера: «Что за глупые шутки?», но в потухающем сознании сверкнуло: «Ведь это меня убили!» Огненные зигзаги блеснули перед глазами обер-лейтенанта, а затем все залила густая черная тишина.

Самолет проходил линию фронта. Кое-где загорелись ослепительно яркие глаза прожекторов. Несколько огромных световых столбов широкими размахами перекрестили небо и, не найдя гудящий в высоте самолет, улеглись.

Внимание второго летчика было целиком приковано к этим столбам, когда дверь в кабину управления отворилась и вошел только что взятый на борт человек в форме майора Красной Армии. Летчик даже не оглянулся.

— Идем по автопилоту? — спросил вошедший.

— Да! По автопилоту, — ответил штурман, оторвавшись на минуту от своих расчетов. Он хотел взглянуть на майора, но в тесной кабине с неожиданной силой грохнул пушечный выстрел. Штурман, не успев повернуть голову, уронил ее на свой столик.

Пилот от неожиданности подскочил на месте, оглянулся и, увидев направленный на него ствол пушечной турели, проворно поднял руки.

— Руки на штурвал! — приказал ему человек, называвший себя майором Отто Бровером.

Через минуту второй пилот был обезоружен, труп штурмана вынесен, и его место занял невысокий рыжеватый спутник майора. Сам майор, усевшись на место командира и надев его шлем, приказал второму пилоту:

— Поведете самолет курсом, который вам укажет мой штурман. Будете уклоняться от нашего курса — отправитесь вслед за своими товарищами. Самолет доведем и без вас. Не будете глупить — останетесь живы. Прежде всего, не бойтесь.

Только через минуту ошеломленный пилот, лязгая зубами и запинаясь, смог выговорить:

— А я и не б-б-боюсь. Д-д-давайте к-к-курс. Самолет изменил курс и понесся на северо-запад. Очень долго в кабине самолета царил молчание.

Летчик прилежно следил за приборами, чтобы, упаси бог, даже на секунду не сбиться с заданного курса.

Вдруг он беспокойно заерзал на месте, опасливо поглядывая на майора.

— В чем дело? — спросил майор.

— Бензина осталось не больше чем на час полета, — виновато ответил летчик. — Мы не рассчитывали...

— Еще бы рассчитывать... — усмехнулся майор. — Бензина хватит. Вы после нашей высадки можете садиться где угодно.

Обернувшись, он вопросительно посмотрел на рыжеватого штурмана.

— Подходим, — не дожидаясь вопроса, откликнулся тот. — Минут через пять откроется.

— Очень хорошо, — удовлетворенно улыбнулся майор и обратился к фашистскому летчику: — Слушайте. Сейчас мы покинем ваш самолет. Приказываю немедленно подниматься и вести машину на любой из своих аэродромов. Повторяю, немедленно, иначе и вы и ваш самолет будете уничтожены на месте нашей высадки. Ясно?

— Ясно, — ожил летчик. — Я обещаю...

— Можете не обещать. Делайте что хотите. Можете везти сюда целый десант. Это ваше дело. Но если вы нарушите мой приказ — будете уничтожены немедленно.

— Подошли, — доложил штурман. Майор, сам повел машину на посадку.

Фашист расширенными от ужаса глазами смотрел вниз, на уже различимую ленту автострады. Но не она испугала, немца. Страшно было то, что творилось на автостраде. Столбы взрывов вспыхивали там и тут, создавая впечатление, будто автострада отстреливается от пикирующего на нее самолета.

— Бомбят! Автостраду бомбят! — испуганно вскрикнул фашист. — На нее садиться нельзя.

Ему никто не ответил. Штурман подошел и встал за креслом управляющего самолетом майора.

— Не промахнись, Коля, — негромко сказал он. — Четыреста метров от леса.

Через минуту самолет катился по плитам автострады. Рыжеватый штурман несколькими ударами рукоятки пистолета вывел из строя радиоаппаратуру самолета и вслед за майором вышел из кабины.

Летчик сидел, вцепившись руками в штурвал, не веря, что остался жив. Густая, как мастика, темнота заглядывала в кабину снаружи. Вдруг позади снова открылась дверь. Фашист втянул голову в плечи и побелел, ожидая выстрела в затылок. Но вместо выстрела прозвучал спокойный, немного насмешливый голос майора:

— Ровно через минуту поднимайтесь. Самолетов, обрабатывающих шоссе, не бойтесь. В воздухе они вас не тронут. Но если через минуту вы еще будете здесь, тогда другое дело. Ну... Прощайте.

Захлопнув дверь кабины, майор неторопливо выскочил из самолета и сразу же исчез в ночной темноте.

Через минуту самолет после короткой пробежки поднялся в воздух и круто повернул в сторону от автострады, над которой все еще гудели советские бомбардировщики. В то же мгновение в сотне метров от автострады негромко хлопнул выстрел из ракетницы. В небо круто взвилась красная ракета и на большой высоте рассыпалась сотнями рубиновых звездочек. Сразу же на место недавней посадки самолета обрушилось несколько серий фугасных бомб. От гладкой асфальтовой ленты автострады не осталось и помина.

Глава 6

РАННИМ ВЕСЕННИМ УТРОМ

Невысокие отлогие холмы, покрытые молодым сосняком, лужайки, зеленевшие между холмами, — все вокруг, омытое обильной росой, в это чудесное весеннее утро было особенно свежо и прекрасно. Хотя солнце только чуть поднялось над горизонтом, даже в лощинах уже не оставалось и дымки ночного тумана, застилавшего окрестность всего лишь полчаса тому назад. Еще не испарившаяся роса, осевшая на траву и невысокие деревья бесчисленными капельками, переливалась под лучами солнца всеми цветами радуги. Мирная сельская тишина обитала в этом благословенном уголке. Ни одного человеческого голоса не раздавалось среди изумрудной зелени холмов и лужаек. Здесь царили мир и покой, которых давно уже не знали даже самые глухие уголки Германии. Ни шум моторов самолета, ни лязг танковых гусениц, ни даже тархтение военной повозки — ничто не нарушало безмятежной тишины весеннего утра, ничто не напоминало о войне.

Неширокая извилистая полоса асфальтированного шоссе, пробегавшая среди холмов, была пустынна. Ни пешехода, ни велосипедиста. Даже обычные для немецких дорог столбики с длинными стрелами указателей не стояли вдоль этой безлюдной полосы асфальта. Да их и незачем было ставить. Ни одна дорожка не сворачивала с шоссе в сторону, и ни одного имени или виллы не было видно поблизости.

Безлюдье и тишина. Беспечное щебетание соек и звон жаворонков не нарушали тишины, а делали ее еще более глубокой и мирной.

Солнце уже поднялось довольно высоко, когда на шоссе появилась первая автомашина. Комфортабельный мощный «Хорьх», блестя черным лаком корпуса, почти бесшумно летел по асфальту. Только негромкий шелест шин и шорох рассекаемого корпусом воздуха свидетельствовали о бешеной скорости, с какой машина мчалась по пустынному шоссе.

Пассажиры — их было трое, кроме шофера, — молчали. Видимо, и на них действовал успокаивающе мирный ландшафт, расстилавшийся вдоль дороги. Девушка, сидевшая рядом с шофером, была погружена в глубокую задумчивость. Хотя глаза пассажирки, не отрываясь, следили за дорогой, мысли ее находились где-то далеко. Левая рука девушки была забинтована и висела на широкой ленте, пропущенной под воротник черного мундира. Правой рукой она облокотилась на край дверцы с опущенным стеклом.

Вдруг «Хорьх», резко затормозив, остановился. Здесь шоссе перерезали высокие ворота. Две

огромные рамы, сваренные из толстых железных полос, были густо переплетены колючей проволокой.

Вправо и влево от ворот отходило заграждение в шесть рядов кольев, высотой в два человеческих роста. Колючая проволока настолько часто оплетала все шесть рядов, что, казалось, полевая мышь, и та не смогла бы проскочить сквозь это заграждение.

Ворота находились у самой подошвы высокого холма, и с шоссе рассмотреть, что находится в огражденном колючей проволокой пространстве, было невозможно. Миновав ворота, шоссе круто сворачивало влево, огибая подошву холма, и скрывалось за ним в полусотне метров от поворота.

По ту сторону ворот методично, как маятник, расхаживал взад и вперед часовой-автоматчик в серо-зеленом куце мундире.

Увидев подъехавшую машину, часовой подошел к воротам и нажал кнопку сигнализации. Тотчас же около часового, в полном смысле слова из-под земли, появились офицер и еще два автоматчика.

Офицер, выйдя в чуть приоткрытые ворота, подошел к машине, внимательно проверил документы прибывших и махнул рукой часовому. Огромные железные рамы тяжело раздвинулись.

В этот момент навстречу машине из-за холма вышла группа людей. Увидев их, часовой остановился в раскрытых воротах и безмолвно проводил глазами выходящих.

Впереди шел офицер, за ним — три человека, одетые в такие же, как и на часовом, мундиры. Когда «Хорьх» поравнялся с ними, девушка мельком отметила, что один из трех, идущих за офицером, был без оружия, без поясного ремня и босой.

Выйдя за ворота, офицер прошагал с десятков метров по шоссе и повернул направо. По узенькой тропинке все четверо углубились в молодой соснячок, густо разросшийся на отлогих склонах ближайшего холма.

Солдаты молча перестроились в затылок один другому. Обезоруженный очутился в середине, между двумя автоматчиками. Замыкающий настороженно уставился в затылок шагнувшего впереди. Его автомат почти упирался в спину босого.

Перевалив через холм, они очутились на небольшой живописной полянке, покрытой сплошным ковром ярких весенних цветов. Сотни пчел с деловитым жужжанием перелетали с одного цветка на другой. Весело и звонко трещали невидимые в густой траве кузнечики.

Посередине этой мирной лужайки горбились два холма свежерытой земли и чернела глубокая четырехугольная яма.

Неподалеку от ямы офицер остановился. Остановились и солдаты. Понуро шагавший между конвоирами босой человек поднял голову, увидел могилу и побледнел. Это был мужчина лет тридцати, невысокий, впалошекий, с глубоко ввалившимися внимательными глазами. Он беспомощно оглянулся кругом, словно удивляясь, почему же никто не приходит к нему на помощь. Губы дрогнули в растерянной, жалкой улыбке. Шалый, опьяненный весенним теплом кузнечик вдруг задорно затрещал и, выпрыгнув из травы, опустился на босую стопу приговоренного, но, в ту же минуту, как ужаленный, метнулся в сторону и снова исчез в траве. Все с той же растерянной улыбкой приговоренный взглянул на офицера.

Офицер отвел глаза и торопливо махнул рукой в сторону могилы.

Этот страшный жест, казалось, вернул силы приговоренному. С каждым мгновением все более бледнея, он прикусил нижнюю губу и решительным, даже торопливым шагом направился к яме.

На самом краю могилы он повернулся и, не взглянув ни на офицера, ни на солдат, уставился пустыми побелевшими глазами в голубое, пронизанное лучами солнца радостное небо.

— Макс Бехер,— заговорил офицер, обращаясь к приговоренному. — Мне поручено в последний раз предложить тебе назвать людей, составивших текст шифровки. Если ты назовешь этих мерзавцев, то, учитывая твои прошлые боевые подвиги, расстрел тебе заменится штрафным батальоном на Восточном фронте

Несколько секунд царил молчание. Даже на тупых лицах солдат, стоявших с наведенными

на приговоренного автоматами, появилась заинтересованность.

— Ты всегда был олухом царя небесного, лейтенант Фриц Гольд, — ответил негромко Бехер. Голос его, вначале еле слышный, постепенно креп, наливаясь яростью. — Если я и назову фамилии, меня все равно расстреляют. Не все же такие ослы, как ты. Твои начальники понимают, что надежнее меня закопать здесь, чем отправлять на фронт, откуда я могу удрать к русским...

Голос приговоренного зазвенел, как туго натянутая струна. Казалось, он забыл о том, что стоит на краю могилы, и торопился высказать все, что рвалось из его сердца.

— Ничего я вам не скажу. У меня много товарищей. Они рядом с вами ходят. Придет время, и они возьмут вас за горло. И с тобою, Фриц Гольд, они рассчитаются за меня. Тебе осталось мало жить... Вот увидишь!.. А в шифровке вам не разобраться... Кишка тонка... Мозги у вас не так поставлены. Впрочем... — лицо приговоренного неожиданно вспыхнуло ядовитой насмешкой. — Я бы, пожалуй, рассказал все... Да боюсь, что за такую цену...

— Говори, Макс! — заторопил Бехера офицер, — Если расскажешь...

— Подожди, не таратопись. — отмахнулся от него смертник. — Слушайте и вы, свиньи, — обратился он к солдатам. — Слушайте и расскажите другим остолопам, за какую цену я согласен рассказать все.

Солдаты насторожились.

— Пусть наш обожаемый фюрер, — звонким от ярости голосом кричал смертник, — пусть наш любимый Адольф Гитлер подойдет ко мне церемониальным шагом и под звуки государственного гимна поцелует меня в голый...

— Стреляйте! — диким голосом заорал офицер. От кощунственных слов приговоренного у него вылетели из головы все слова уставных команд.

Сбивчиво прострекотали очереди двух автоматов. Приговоренный замолк на середине фразы. Он качнулся, схватившись руками за грудь, сделал несколько неуверенных шагов по краю ямы и вдруг, сорвавшись, свалился в могилу.

С минуту и офицер и солдаты стояли на месте оцепеневшие.

Первым пришел в себя офицер. Нерешительным шагом он направился к могиле, но в трех-четыре шагах от нее вдруг остановился.

Из ямы показалась окровавленная рука. Судорожным движением она вцепилась в край ямы. Затем рядом с ней появилась вторая. Руки напрягались в страшном усилии, и вот медленно-медленно из могилы поднялось белое, как мел, лицо Макса Бехера.

— Сволочи! — прохрипел он. — Всех вас собачий конец ждет! Запомните, сволочи... в петле... подохнете.

Глава 7

ПОСЛЕДНИЙ ПОЛЕТ АДОЛЬФА ЭРВЕ

Когда самолет оторвался от бетонной ленты автострады и стал набирать высоту, взяв курс на юго-запад, Адольф Эрве окончательно поверил в то, что остался жив. Чудесное избавление от неминуемой смерти вызвало в нем необычайный прилив сил. Эрве хотелось смеяться, прыгать, побежать куда-нибудь, пройтись колесом, запеть. Не в силах совладать с нахлынувшим чувством, требовавшим разрядки, Эрве сделал единственное, что мог сделать в создавшемся положении, — он запел.

Рев мотора почти заглушал слова песни, да и певец-то Адольф Эрве был никудышный. Даже его собутыльники из пилотов, ничего не смыслившие в музыке, и те болезненно морщились, когда подвыпивший Эрве начинал...петь. Но сейчас, откинувшись на спинку сиденья, он, не смущаясь отсутствием слушателей, во всю глотку орал первые пришедшие на ум песни. Несколько раз в бурном приливе радости Эрве принимался хохотать, постукивая себя кулаком по коленке. Он был весь, до краев, переполнен шумной радостью — радостью трусливого человека, случайно избежавшего неминуемой смерти.

— Эх! Набить бы кому-нибудь морду сейчас, чтоб знали! — вскричал он, неожиданно

оборвав песню на середине куплета.

Вдруг Эрве заметил, что справа и слева одним с ним курсом идут тяжелые советские машины. Его как кипятком ошпарило.

— Так вот оно что, — угрюмо проговорил он. — Отведут подальше и собьют, чтобы следа не осталось. Потому и не пристрелили. Ловко.

Он с минуту сидел как пришибленный, а затем, мрачно пощупав лямки парашюта, неуклюже стал слезать с места. Самолет, покорный автопилоту, мчался вперед по заданному курсу. Сейчас летчика заботило только одно: заметят ли с советских машин его бросок с парашютом, не расстреляют ли в то время, когда он беспомощно будет болтаться в воздухе. Бросив взгляд на правый конвоирующий самолет, Эрве вдруг замер в изумлении: советская машина начала набирать высоту и вскоре исчезла в ночном небе. Взглянув в левую сторону, летчик убедился, что там тоже никого не осталось. Его самолет в полном одиночестве мчался среди темного холодного пространства.

— Странно,— проговорил Эрве, плюхаясь обратно на свое место. — Что же они задумали? Веселое настроение безвозвратно исчезло. Летчик попытался разобраться в создавшемся положении. «Почему русские отпустили меня живым?» — задавал он себе вопрос. И сам же ответил на него: «Им нужно было убрать машину с места высадки». «А почему советские самолеты сейчас не сбили меня? Ведь, прилетев, я все расскажу». На этот вопрос Эрве не находил ответа. И вдруг яркая, как молния, догадка вспыхнула в голове пилота: «А ведь я не знаю, где высадил русских разведчиков». Эрве попытался припомнить место высадки, но ничего не получилось. «Высадил на автостраду, но где? — размышлял он. — Автострада тянется на сотни километров и все прямо, как по линейке. Ориентиров ночью не видно. В конце полета русский минут двадцать сам вел самолет, а я, дурак, перетрусил и не заметил курса. За двадцать минут мы неизвестно куда могли залететь. Не могу, даже примерно, указать, на каком участке автострады приземлялись».

Вдруг глаза Эрве загорелись надеждой: «А бомбежка?!— возликовал он. — Там, где разбомбили автостраду, там и высадилась». Но, пораздумав, летчик безнадежно махнул рукой. «Эти русские — не дураки. Бомбежка прикрывала высадку. Чтобы сбить нас со следа, они расковыряли автостраду, наверно, местах в десяти. Попробуй угадать, где я приземлился. А должно быть, на важное задание шли эти русские, раз их такие силы поддерживали».

От этой мысли у Эрве засосало под ложечкой. Что он доложит командованию? Что своими руками на доверенной ему машине доставил в глубокий тыл группу русских разведчиков. Нарушил присягу фюреру... А за это трибунал... расстрел...

При мысли о трибунале Эрве похолодел. Тпус по натуре, он с азартом бомбил мирные города России, с наслаждением расстреливал женщин и детей на бесконечных дорогах Украины и Белоруссии. Но попадать под огонь русских зениток Эрве боялся. Каждая трассирующая очередь, каждый снаряд казался Эрве летящим прямо в него. После таких полетов он чувствовал резь в животе и сосущую пустоту в груди. Но сейчас Эрве готов был пожалеть, что до сих пор благополучно уходил от огня русских. Ведь летчики не обязательно гибнут вместе с самолетом. Можно спуститься на парашюте. Пусть берут в плен. Это даже лучше. По крайней мере, жить останешься. Разговоры о том, что русские расстреливают пленных, — чепуха.

Сейчас даже смерть в бою — молниеносная, неожиданная — показалась Эрве не такой уж страшной.

Теперь его ждала длинная и мучительная судебная процедура, потом приговор и в конце всего самое страшное... минуты, когда его, без пояса, босого выведут куда-нибудь на задворки, и конвойный солдат, сопя и потея от страха, прицелится ему в затылок, в его, Эрве, затылок...

— Не хочу! — дико взвизгнул Эрве.

Далеко, на самом краю темного неба, вспыхнул бледный столбик света.

«Аэродром Ромитэн, — механически отметил в уме летчик. — Минут через десять посадка,

В то же время ему неожиданно припомнился насмешливый голос русского майора, пожелавшего ему на прощанье «доброго пути».

«Все-таки, почему же русские не сбили меня в воздухе? — подумал он. — Не дураки же они, чтобы отпустить меня просто так. Ведь я мог запомнить курс. Может быть, они оставили в кузове мину замедленного действия? — Эрве, забыв все свои страхи перед трибуналом, пулей вылетел из кабины управления. Лихорадочно обыскал весь самолет, но ничего не обнаружил. — Снаружи на плоскости мину подвесили или магнитную...» — осенило фашиста.

Круг его размышлений замкнулся. Выхода не было.

Этот вывод подействовал на Эрве, как удар обуха на быка. Безвольный и понурый, он уселся на место. На мгновение мелькнула мысль выбраться с парашютом и бежать. Но куда? Без документов, без штатского платья, в комбинезоне. Эрве безнадежно покачал головой. Через пять-шесть часов поймут и тогда уже, безусловно, расстреляют как изменника присяге и дезертира. А так, может, еще и помилуют. Ведь на его счету много боевых вылетов, он десятки раз бомбил русские города. Зачтут его прежнюю беспорочную службу.

Как всякая неуравновешенная натура, Эрве быстро переходил от отчаяния к надежде. В самом деле, почему он решил, что русские обязательно заминировали самолет! Чепуха, русским было не до этого.

Эрве почти успокоился и, обдумывая, как он доложит командованию о происшествии, вглядывался в ночную темноту. Аэродром должен был открыться каждую секунду.

«В конце концов, машиной командовал Клемм и влип, как дурак, — думал Эрве. — А я? Что я? Рядовой летчик и к тому же остался один, а русских четверо. И они все летчики. Без меня пропала бы машина. А так я ее все-таки сохранил».

Прожекторы, поймав своими лучами самолет, несколько мгновений держали его ярко освещенным. Эрве механически дал условную серию ракет. Луч прожектора круто нырнул вниз, улегся на землю и потух.

«Прилетел! — пронеслось в мозгу Эрве. — Что же все-таки делать?»

Освещая ему посадку, на мгновение вспыхнул новый прожектор, вырвал из темноты посадочную площадку. В его свете Эрве успел рассмотреть ряд тяжелых машин, стоявших на поле в одну линию.

«Приготовились к большому вылету, — подумал Эрве. Машины готовы, летчики у командира. Минут через пять вылетят «нах Москау!» — сам не зная почему, закончил он вслух свою мысль. — Что же мне-то делать?»

Сейчас, за несколько минут до посадки, летчик вдруг со всей очевидностью понял, что самолет обязательно должен взорваться. Эрве побелел при мысли о близкой смерти. Корчась от страха, он пожалел, что не вел самолет до последней капли бензина и не выкинулся с парашютом вблизи от фронта. «Можно было бы что-нибудь придумать», — корил он себя. Но сейчас раздумывать было поздно. От аэродрома не уйдешь. Командование заподозрит неладное, пошлет истребителей, а с теми шутки плохи.

Снова на мгновение вспыхнул прожектор, и Эрве опять увидел готовые к вылету машины.

«Если я взорвусь, может и у них сдетонировать боезапас, — подумал он. — Надо сесть подальше». Но тут же какой-то мстительный голос прошептал в ухо фашисту: «А тебе-то что за дело? Ты-то все равно сдохнешь».

Злоба к своим товарищам поднялась в груди Эрве. Сейчас они получают задание или уже рассказываются по машинам. К утру вернуться, а затем целый день будут валяться, ничего не делать, жить. Да и не один день. Многие из них будут жить еще долго, очень долго, целую жизнь. А он, такой молодой, такой удачливый всю войну, должен сейчас умереть. Чем они лучше его? Ничем, многие даже хуже. Чувствуя несущуюся под шасси самолета землю, замирая от страха, Эрве все же злобно ухмыльнулся: «Адольф Эрве — не дурак! Если уж кувыряться, то всем вместе...» И, нарушая все правила, он посадил свой самолет не на посадочную дорожку, а вплотную около боевых, нагруженных тоннами взрывчатки машин. Раздался глухой взрыв, почти одновременно громыхнул удар огромной силы, и целый столб

пламени взвился над аэродромом. Это сдетонировали бомбы, подвешенные к крыльям тяжелых бомбардировщиков. Но второго взрыва Адольф Эрве уже не слышал. Только через несколько часов аэродромному начальству удалось установить, что от возвратившегося из рейса самолета почти ничего не осталось. Задняя часть фюзеляжа, обгорелая и исковерканная, была отброшена мощным взрывом за линию ограждения аэродрома. Майор гестапо, специально приехавший из Берлина, осмотрев то, что осталось от сумасшедшей, по его мнению, машины, обнаружил в фюзеляже останки одного из членов экипажа. Труп сильно обгорел, и майор с большим трудом выяснил, что перед ним тело командира самолета. Когда начальник аэродрома подошел к гестаповцу, то увидел, что майор внимательно рассматривает какую-то небольшую металлическую полоску.

— Что это такое? — почтительно любопытствовал начальник аэродрома.

Контрразведчик искоса посмотрел на подошедшего, помолчал и скрипучим голосом ответил:

— Русский нож. Русские зовут его почему-то «финка».

— Где же он был? — изумился начальник аэродрома.

— Там, где ему и следовало быть, — неожиданно рассердившись, рявкнул майор. — В спине этого оболтуса, который даже в воздухе не сумел укрыться от русских. И гестаповец ткнул носком сапога обгорелый труп.

Отвернувшись от собеседника, майор недовольным взглядом окинул площадку аэродрома, на которой валялись разметанные взрывом остатки восьми боевых машин, всего несколько часов тому назад готовых обрушить свои бомбы «нах Москау».

Глава 8

ВСТРЕЧА В ХОЛМЕ

«Хорьх», миновав ворота, повернул влево и помчался по шоссе, огибая подошву холма. Густой, как щетка, молодой ельник покрывал холм от шоссе до самой макушки. Мимо машины весело побежали низенькие, все одинакового роста елочки.

Девушка с перевязанной рукой, сидевшая в машине рядом с шофером, мельком взглянула на лесок и, подумав: «Посадка-то как разрослась. Прореживать пора. Густа очень», — отвернулась. Ни яркое солнце, ни молодая зелень холмов не радовали девушку. Ей казалось, что удача вот-вот изменит. Каждую минуту она ожидала, что кто-нибудь пристально взглянет в ее лицо и скажет: «Почему она здесь? Ведь это не Шарлотта Шуппе. Это красная! Подпольщица! Задержите ее!»

События последней недели ошеломили Грету. Совершенно неожиданно ее вывели из камеры, в которой она просидела более восьми месяцев. Затем короткий переезд в тюремной машине и погрузка в битком набитый вагон. Куда ее везут, Грета не знала, но на хорошее рассчитывать не приходилось. В вагоне были только евреи. Потом кто-то сказал, что их везут в какой-то лагерь, откуда еще никто не возвращался. И вдруг, когда, казалось, не было уже никакого выхода, пришла неожиданная свобода.

Грета плохо помнила все, что с нею произошло после бегства из разбитого вагона. Только увидев тело своей двоюродной сестры около исковерканной взрывом машины, девушка стала действовать сознательно. Она решила использовать то внешнее сходство, благодаря которому ее и Лотту в детстве часто путали даже близкие родственники.

Сходство и в самом деле было разительное. Отца Греты, дамского угодника и весельчака, талантливого дельна Эриха Верка, в свое время даже забавляла эта якобы случайная игра природы. Даря что-либо своей дочурке, он всегда делал такой же подарок и ее подруге. Девочки часто щеголяли в шляпах одного фасона и в платьях из одинакового материала. Только друг и компаньон Эриха, Герман Шуппе, замечая, как с годами сходство девочек не исчезает, а становится все более полным, хмурился и мрачнел.

Увидев документы убитой, Грета решила. В дополнение к сходству, у нее с Лоттой было одинаковое образование. Кроме того, она хорошо знала все, что касалось прошлого Лотты...

Конечно, полной уверенности, что обман не раскроется, у девушки не было. В Борнбурге жило еще немало людей, которые знали и ее и Лотту с детства. Лотта в последние годы, очевидно, не раз бывала в имении родителей. За десять лет, которые пролетели с тех пор, как оборвалась их дружба, характер Лотты, наверное, сильно изменился. Ведь она стала нацисткой, видным фашистским ученым... И все-таки Грета решила воспользоваться документами и именем погибшей — это была единственная возможность избежать немедленного возвращения в эшелон смертников. Если не удастся сбежать еще по дороге, решила Грета, то и в Борнбурге она сможет какое-то время продержаться, а затем найдется какой-нибудь выход.

Исчезнуть из госпиталя и после него по пути в Грюнманбург Грете не удалось. Слишком уж большое значение придавали работе, порученной фюрером физику Лотте Шуппе. Девушку всегда сопровождал кто-нибудь из офицеров СС, заботился об ее удобствах, устранял препятствия, тормозившие проезд Греты в Грюнманбург. Сейчас девушка перебирала в памяти всех, кто мог ее встретить и узнать в Борнбурге. Результаты получились неутешительные. Хотя отец Лотты Герман Шуппе и ее брат летчик были один в Берлине, а другой на фронте, но и в Борнбурге оставалось еще немало людей, которые могли раскрыть ее обман. Особенно заботили Грету двоюродные братья и старуха — нянька Лотты, жившие то ли в Зегере, то ли в Борнбурге.

«Нигде не буду появляться,— решила Грета. — У себя принимать тоже не стану. Сошлюсь на контузию, плохое состояние здоровья. Ведь я же только что из госпиталя».

Несколько дней тому назад, провозжая ее, начальник госпиталя сказал, расплывшись в вежливой улыбке:

— Фрейлейн Шуппе, вам очень повезло. Вы отделались легкой контузией и тяжелым испугом. Это чрезвычайная милость судьбы. За вас, видимо, кто-то горячо молится. Могло быть значительно хуже. Ведь вы уцелели только одна, а остальные...» — и, блестя золотыми зубами, старый и очень известный врач игриво помахал руками, как крылышками, изображая полет к престолу всевышнего.

Первые часы после выхода из госпиталя были самыми трудными. Грета в каждом случайно взглянувшем на нее человеке видела напавшего на ее след агента гестапо. Но постепенно девушке удалось взять себя в руки. Она быстро сообразила, что недавняя контузия — самое надежное объяснение ее невольных промахов. Незнание некоторых мелочей в обращении с начальствующими лицами, нечеткость приветствий и многое другое относились офицерами за счет недавней травмы, перенесенной девушкой.

Обаяние редкой красоты этой одетой в черный мундир блондинки делало самых зачерствелых начальников мягкими, как воск, и услужливыми, как юноши. Немалую роль играло и то, что эта блондинка была награждена самим фюрером за открытие в какой-то очень секретной области науки.

— Это здесь, фрейлейн Шуппе. Мы уже приехали! — раздался за спиной девушки голос одного из ее спутников.

Девушка молча кивнула головой. «Но здесь же ничего нет, — подумала она про себя. — Где же лаборатория? Впереди ни одного дома».

Между тем машина, обогнув первый холм, мчалась вдоль полосы таких же холмов, заросших молодым леском. Кое-где над кружевом елочек поднимались вершины вековых дубов. Грета вспомнила, что с юга к холмам примыкает старинный дубовый лес — фамильная гордость семейства Бломбергов. Слева от шоссе развернулась широкая долина, кое-где поросшая тростником, невысокой травой и кустарником. Изредка на этой унылой равнине поднимались небольшие группы чахлах, искривленных деревьев.

Дальше долина была, видимо, сильно заболочена. Горизонт за болотом замыкался новой цепью холмов, казавшихся отсюда, с шоссе, синеватыми, как бы подернутыми дымкой.

Насколько по ту сторону ворот все дышало миром и весельем, настолько здесь все было мрачно и уныло.

«Что же изменилось на грюнманбургском болоте? Все осталось по-старому. Здесь нет

никакого городка», — недоумевала девушка, вглядываясь в пробегавшую перед ее глазами картину.

Словно отвечая на ее безмолвный вопрос, машина вдруг резко свернула вправо, к ближайшему холму. Сразу резко потемнело. Взглянув в окно, Грета увидела, что над головой растянута маскировочная сеть.

Через полминуты «Хорьх» остановился в узком туннеле перед огромными воротами, ведущими вглубь холма. Спутники девушки первыми выскочили из машины и любезно распахнули перед ней дверцу.

— Приехали, фрейлейн! Не обращайте внимания на то, что снаружи это несколько мрачновато. Внутри, клянусь богом, все выглядит иначе. Прошу! — щелкнул каблучками один из приехавших с девушкой эсэсовцев.

Процедура проверки пропусков не заняла слишком много времени, и вскоре тяжелые ворота бесшумно закрылись за спиной Греты Верк.

Минут десять Грета и ее спутники шли по бесконечным, ярко освещенным коридорам, отделенным друг от друга массивными дверями. Около каждой двери стоял дюжий часовой-автоматчик. Видимо, все они были предупреждены о приезде девушки. Едва взглянув на пропуск, часовой молча нажимал кнопку в стене, и тяжелая, из броневой стали дверь бесшумно раздвигалась. Несколько раз за дверями оказывались широкие и удобные лестницы. Подсчитав про себя ступеньки, Грета сделала вывод, что она спустилась уже не менее чем на двадцать-двадцать пять метров ниже подошвы холма. Не раз коридоры разветвлялись и пересекались, видимо, под холмами существовал целый подземный город. Наконец последняя, на этот раз очень тщательная проверка пропуска, последняя стальная дверь, и Грета очутилась в просторной комнате, по всем признакам приемной какого-то важного лица. Обставлена приемная была комфортабельно. Вдоль стен стояли удобные диваны и кресла, на круглых столиках поблескивали сифоны с сельтерской водой, лежали свежие газеты и журналы. Над головой ласково шелестели лопасти огромного пропеллера, навевая на ожидавших приема людей приятную прохладу. Под потолком, скрытые от глаз, горели плафоны дневного освещения, заливая всю приемную ровным, мягким светом. Пол застилал огромный ворсистый ковер, заглушающий звуки шагов.

Вместе с Гретой вошел только один из сопровождавших ее офицеров СС. Он любезно усадил девушку на мягкий, обитый коричневой кожей диван и, подойдя к дежурному, обменялся с ним несколькими негромкими фразами.

Грета огляделась. На креслах и диванах, стоявших вдоль стен, расположились люди, совершенно не схожие друг с другом. Несколько человек, одетые в белые докторские халаты, показались Грете хирургами, только что отошедшими от операционного стола. Хмурый, высокого роста, широкоплечий мужчина, сидевший около самой двери в кабинет, чем-то неуловимо походил на инженера и в то же время на рабочего или мастера металлургического завода. Пальцы его крупных, сильных рук были темные от окалины, со следами заживших ссадин, но лицо интеллигентное и волевое, настоящее лицо мыслителя. Видимо, недовольный тем, что ему приходится долго ждать, мужчина то неприязненно оглядывал своих соседей, го, развернув чертеж, который держал в руке, углублялся в него.

Остальные ожидающие были военные различных рангов. Грета плохо разбиралась в знаках различия, но все же, поняла, что здесь присутствуют только старшие офицеры.

В приемной царил тишина. Да и вообще, едва лишь за Гретой закрылась первая дверь входа в подземный город, девушке показалось, что ее уши заложено ватой: настолько тихо было кругом. Толстые маты в коридорах скрадывали звуки шагов, здесь, в приемной, люди говорили почему-то почти шепотом. Стены и низко нависший потолок были обиты чем-то мягким, поглощавшим звуки. Эта глухая тишина действовала на Грету угнетающе.

Медленно растворилась дверь кабинета, и из него вышел человек в белом халате. По-видимому, разговор с начальником оказался для него не из приятных. Человек, затворив дверь, растерянно оглядел приемную и, встретившись взглядом с ожидавшими своей очереди коллегами, устало закрыл глаза и покачал головой. Не сказав ни слова, он побрел к

двери, ведущей в коридор.

— Прощу, фрейлейн! Вас ожидают! — склонился перед Гретой дежурный.

В огромном низком кабинете было полутемно и пусто. Слева, вдоль стены, тянулся длинный, узкий стол, на котором в полутьме едва различались большие листы бумаги и макеты то ли машин, то ли сооружений. В противоположном от двери конце кабинета стоял большой письменный стол. Лампа под густо-зеленым фарфоровым абажуром освещала лишь небольшой участок стола и два кресла, стоявшие перед ним, — кресла для посетителей. По ту сторону стола темнело огромное, похожее на трон сиденье с очень высокой спинкой, увенчанной какой-то эмблемой — не то орлом, не то свастикой.

Войдя в кабинет, девушка остановилась в нерешительности. Пусто. Может быть, там, за спинкой кресла-трона, есть дверь, куда на время удалился хозяин кабинета? Девушка нерешительно кашлянула, давая знать о своем присутствии, но безрезультатно.

Нервы Треты были чрезвычайно напряжены. Безлюдный полутемный кабинет, пустой стол, чем-то напоминавший стол средневекового судилища, тоскливая и одновременно угрожающая тишина — все это лишало девушку последнего самообладания. Как о величайшем благе, она вспомнила, что в нагрудном кармане ее френча лежит маленький дамский пистолет — последнее средство на крайний случай.

«Живой не дамся», — в который раз за последние дни подумала Грета.

— Подойдите поближе! — раздался в тишине кабинета звонкий высокий голос.

Грета вздрогнула. Ясно, что это прозвучал голос человека, сидящего за столом. Между тем в полутьме девушке казалось, что за столом никого нет. Она сделала несколько неуверенных шагов.

— Садитесь, — пригласил тот же голос.

Только подойдя к столу, Грета увидела, что в кресле за столом сидит человек, вернее — человечек.

Это был по существу карлик, не более метра с четвертью ростом. Неправильной формы голова с вытянутым вперед лицом, казалось, покачивалась на тонкой, как у ребенка, шее. Подбородок и низкий лоб, скошенный под острым углом, превращали профиль карлика в треугольник, вершиной которого являлся длинный, с огромными ноздрями нос.

Человек сидел в углу кресла, опираясь на подлокотник, и маленькими, блестящими, как булавочные головки, глазами снизу вверх рассматривал девушку. Казалось, он не только рассматривает, но одновременно и обнюхивает Грету.

«Крыса!» — подумала девушка, с трудом подавив в себе чувство отвращения.

— Садитесь, фрейлейн Шуппе! — проговорил фальцетом карлик. — Совсем поправились?

«Должно быть, когда он рассердится, то визжит и попискивает от ярости», — подумала Грета. И неизвестно до отчего эта мысль придала ей бодрости.

— Работать могу. Контузия оказалась не очень сильной.

— Я в курсе всего, что произошло. Просто чудо, что вы уцелели. Счастливая случайность.

Девушка не знала, что ответить. Она сидела, собранная, как пружина, чувствуя, что сейчас, вот в этом разговоре, решается ее судьба, боясь неосторожным словом вызвать подозрение собеседника.

Но карлик не ожидал ответа. Он еще раз с видимым удовольствием окинул взглядом сидевшую перед ним девушку и заговорил тоном вежливого приказания.

— Вы дали согласие возглавить лабораторию «А». — Он недовольно поморщился, словно только сейчас вспомнил что-то неприятное. — Все материалы о достигнутом вашими предшественниками вы получите сегодня же. Ознакомьтесь и продолжайте дальше. Собственно говоря, возглавлять вам еще нечего. Лаборатория «А» педели две тому назад с шумом и грохотом превратилась в ничто, перестала существовать. Вас это не пугает?

— Постараюсь выяснить, на чем остановились мои предшественники, и пойду дальше, — спокойно ответила Грета.

Карлик уперся булавками глаз в собеседницу. Ответ девушки, видимо, понравился ему.

— Все материалы сохранились. Даже ход последнего опыта, до самого момента взрыва,

записан. Записывающие аппараты находились далеко от лаборатории и уцелели. Поэтому вы получите исчерпывающий материал.

— А лаборатория? — спросила девушка.

— Скоро она будет готова. Вы обеспечите ее полную готовность. Мы решили свести к минимуму число людей, причастных к этому... ну, назовем его так... эксперименту. Вначале у вас будет только один непосредственный помощник. Его зовут Карл Зельц. Вся техническая часть и руководство занятыми на строительстве людьми лежат на нем. Позднее, когда лаборатория войдет в строй, у вас будет много помощников. Но помните, даже Зельц не должен видеть ваших записей. О ходе работ будете докладывать только мне. Обо всем, что вам будет необходимо — люди, материалы, оборудование, энергия — ставьте в известность только меня. Я прикажу, и вас будут пропускать ко мне в любое время. Я все прикажу сделать для вас. Это моя миссия. На меня ее возложил сам божественный фюрер, — закончил самодовольно карлик. Он помолчал, чтобы собеседница поняла значительность этого факта, затем поднял вверх иссохший, как сучок, указательный палец и торжественно произнес:

— Только всегда и везде помните: вам доверена судьба государства. Полнейшая тайна. Поняли?

— Мне все понятно. Я готова, — поднялась с места девушка. Но карлик величественным жестом тоненькой синеватой руки усадил ее обратно и нажал кнопку сигнализации.

Вошел дежурный.

— Укажите фрейлейн Шуппе кабинет, передайте ключи от сейфа лаборатории «А». Но предварительно пригласите сюда Зельца.

Адъютант исчез. В кабинет вошел мужчина, сидевший в приемной с чертежом в руках.

— Господин Зельц, — не вставая с места, проговорил карлик.— Фрейлейн Шуппе — начальник лаборатории «А». Вы подчиняетесь только ей. Поняли?

Глава 9

ДУШЕВНЫЙ РАЗГОВОР

Всемогущее время теряло свою власть у порога пивной «Золотой бык». На свете и даже в самой Германии могло твориться все, что угодно: политики могли свергать правительства, великие люди могли умирать или произносить высокие слова, полководцы огнем орудий могли стирать с лица, земли целые области — все это не оказывало никакого влияния на обычаи, установленные в «Золотом быке». Вот уже полтора столетия ровно в восемь часов утра в «Золотом быке» открывались ставни, отпирались двери, и ровно в двенадцать часов ночи все снова затихало до следующего дня.

Полтора столетия незначительно отразились на внешнем облике заведения. Только дубовые балки потолка с течением времени изменили свой природный цвет, стали темно-коричневыми от дыма сотен тысяч трубок, выкуренных посетителями «Золотого быка». Мощная стойка сделанная из толстых дубовых плах, непоколебимо простояла полтора столетия, и лишь перед самой войной, делая уступку духу времени, хозяин 'покрыл ее сверху блестящим листом дюралюминия.

Нынешний хозяин пивной, дядюшка Клотце, был правнуком того самого Ганса Альберта Клотце, который сто пятьдесят лет назад первым встал за эту стойку в день открытия «Золотого быка». Правнук представлял собою живую копию прадеда, настоящего немца, имевшего сто двадцать килограммов чистого веса. Об этом убедительно говорил старинный, писанный маслом портрет основателя «Золотого быка», висевший на стене за стойкой, как раз над головой нынешнего дядюшки Клотце.

Заведение «Золотой бык» было самым солидным в Борнбурге, с прочной репутацией и обширным кругом постоянной клиентуры.

Многие из посетителей заведения дядюшки Клотце могли бы неопровержимо доказать, что,

когда сто пятьдесят лет назад «Золотой бык» впервые открыл свои гостеприимные двери, именно их прадеды были первыми, принявшими из рук основателя пивные кружки, наполненные чудесным темно-коричневого цвета пивом,

Постоянные посетители пивной и сейчас сидели на тех самых местах, на которых раньше сидели их отцы, деды и прадеды. Большинство посетителей имело в «Золотом быке» свои постоянные кружки. На широкой полке за стойкой эти кружки занимали каждая давно определенное место. Когда входил такой посетитель, дядюшка Клотце даже не поднимал глаз на полку с кружками. Он просто протягивал руку и, не глядя, безошибочно брал именно ту кружку, которая требовалась.

Но за последние годы этот обычай стал нарушаться. Все реже и реже коренные жители города входили в гостеприимные двери «Золотого быка». Многие кружки целыми годами стояли без употребления на полке, и рука дядюшки Клотце не протягивалась за ними. Иногда тучный хозяин «Золотого быка» снимал с полки какую-нибудь из давно не употреблявшихся кружек, рассматривал ее с мрачным сожалением и, тяжело вздохнув, прятал под стойку. Это означало, что еще одного из постоянных клиентов заведения нет в живых. Это означало, что еще одного любителя пива закопала похоронная команда войск фюрера в непокорную землю Украины или Белоруссии или в горячие африканские пески.

Однако зал «Золотого быка» не пустовал и в военное время. Хотя большинство мужчин маленького города ушло на фронт, столики в «Золотом быке» всегда были заняты. Две племянницы дядюшки Клотце, исполнявшие обязанности официанток, не сидели сложа руки. Офицеры — а их в городе почему-то особенно много появилось за последнее время — занимали места, на которых раньше сидели мирные горожане.

В этот уже по-летнему теплый вечер в «Золотом быке» не осталось ни одного свободного столика. Обе племянницы дядюшки Клотце сбились с ног. Ежеминутно то с того, то с другого конца зала раздавалось нетерпеливое:

— Фрейлейн! Еще по кружке!

— Фрейлейн! Повторите!

Больше всего пива требовалось на самый дальний столик в правом углу зала.

Здесь сидели два молодых офицера. Один из них — высокий, хорошо сложенный эсэсовец с красивым туповатым лицом — почти безостановочно пил пиво кружку за кружкой. В перерывах между кружками он погружался в мрачную задумчивость. Опершись подбородком о ладонь, эсэсовец на минуту застывал неподвижно и вдруг, резко вскинув голову, оглядывал зал, словно хотел разыскать кого-либо из знакомых. Не найдя никого, он тянулся за очередной кружкой, залпом выпивал ее и снова задумывался.

Против него, оберегая правую, вытянутую под столом ногу, сидел широкоплечий светловолосый офицер в форме капитана танковых войск СС. Изредка танкист морщился от боли, осторожно передвигал вытянутую ногу и поглаживал ее выше колена. К столу была прислонена толстая палка-дубинка с массивным серебряным набалдашником, изображавшим добродушную физиономию носатого, толстогубого турка в феске.

Пива танкист пил значительно меньше, зато в каждую кружку вливал солидную дозу коньяка из плоской карманной фляги. Но этот чудовищный коктейль не оказывал на капитана заметного действия. Влив в себя очередную порцию, танкист откидывался на спинку стула и старательно облизывал губы. Видно было, что он очень доволен и пивом, и коньяком, и окружающей обстановкой. Только приступы боли в раненой ноге время от времени нарушали благодушное настроение фашиста, заставляли его болезненно морщиться и сквозь зубы бормотать ругательства.

Уже больше получаса офицеры сидели за одним столом, но разговор не налаживался.

Получив свежую кружку пива, танкист отпил из нее несколько глотков, затем открыл фляжку и щедро восполнил убыль коньяком.

Эсэсовец уже помутившимся взглядом молча следил, как коричневая жидкость льется в кружку из узкого горлышка фляжки.

— Коньяк? Не крепко будет? — пьяно мотнув головой, спросил он.

— Пустяки, — снисходительным тоном ответил танкист. — Коньяк прекрасный. Освежает. Эсэсовец удивленно вскинул глаза на собеседника.

— Освежает? Черта с два. От такого освежения ошалеть можно.

— Не хотите ли? Попробуйте! — протянул фляжку танкист.

Эсэсовец испуганно замотал головой.

— Нет, нет! Ну его к черту! Еще свалишься. И так полова кругом идет.

— С чего это? Если не угрожает Восточный фронт, то все остальное — пустяки. А вот ежели законопатят на Восточный, тогда другое дело. Тогда и голова может закружиться.

— Давно оттуда?

— С фронта четвертый месяц, а из госпиталя — только вторую неделю.

— Надолго?

— На два месяца. Затем комиссия и, по всей вероятности... фюйть! — танкист большим пальцем правой руки изобразил это «фюйть» в виде какой-то волнистой кривой, воображаемое продолжение которой уходило в небо. Эсэсовец понимающе мотнул головой. С минуту молчали.

— Погано там? — полушепотом спросил эсэсовец, наклоняясь к собеседнику через стол. Танкист, посмотрев на него оценивающим взглядом, неторопливо ответил:

— Как сказать! Не везде. Вообще, можно устроиться, если наверху дружки найдутся. В самом пекле, конечно, отвратительно. Русские дерутся отчаянно. Сами не сдаются и нам пощады не дают. Мне не везет. Все время в первом эшелоне. Третье ранение за два года. Эсэсовец завистливо уставился на два Железных креста и медаль за зиму 194! — 1942 годов на Восточном фронте, украшавшие грудь танкиста.

— Зато, гляди... Две цапки навесили... Это, брат... — и вдруг с пьяной откровенностью, наклонившись еще ближе к собеседнику, зашептал: — А ты думаешь, здесь у нас весело? Только что штыковых не бывает, а так... — он махнул рукой. — Бомбить бомбят и стрельбы сколько угодно... Я вот сегодня днем своего школьного товарища расстрелял. До войны рядом жили.

Вытолкнув из себя это признание, эсэсовец уставился на собеседника мутными глазами, видимо, ожидая возгласа удивления.

Но танкист без особого любопытства взглянул на него и с удовольствием отхлебнул из кружки.

— Дезертировал, наверное? — спросил он равнодушно, облизывая пену с верхней губы.

— Красным оказался. Шпионом. А тоже Железный крест имел, — вызывающе ответил эсэсовец. — Железный крест имел, — повторил он. — Смелым был. Ничего не боялся. Перед самой смертью мне грозил. В петле, говорит, подохнешь, как собака. Вот гадина, шпион!

— Ну, уж и шпион, — недоверчиво усмехнулся танкист. — Да что у вас, фронт, что ли? Отсюда до фронта за две недели не доедешь.

— А он и не ездил никуда. Прямо отсюда, из самого... — начал с пьяным задором эсэсовец и вдруг осекся. Положив обе руки на стол, он исподлобья взглянул на собеседника. — Постой. А как тебя зовут? Мы ведь не знакомы.

— Ну что же! Рад познакомиться, — без особого, впрочем, энтузиазма протянул руку танкист. — Капитан Зигфрид Бунке. Командир танковой роты дивизии СС «Мертвая голова».

— «Мертвая голова», — довольно осклабился эсэсовец. — Ого! Это здорово! «Мертвая голова». Это здорово. У вас там все такие черти...

— Да, ребята у нас стоящие. Воевать умеют. Но я еще не слышал вашего имени.

— Лейтенант Фриц Гольд! — эсэсовец привстал и вторично пожал руку танкиста. — Фриц Гольд! Оч-чень приятно! «Мертвая голова» — это здорово. Выпьем на ты, черт вас побери? Девушка подала две наполненные кружки. Долив пиво коньяком, Бунке протянул фляжку Гольду. Тот одно мгновение колебался, но затем, схватив фляжку, с решительным видом долил коньяком и свою кружку.

— Выпьем на ты, — снова предложил он, все больше пьянея, но вдруг, поставив пиво на

стол, заорал во все горло: — Макс! Сюда! Иди сюда, говорят тебе! Садись с нами.

К столу, радостно улыбаясь, подходил здоровенный эсэсовец. Его широкое курносое лицо с тяжелым квадратным подбородком и небольшими усиками а-ля фюрер расплылось в довольной улыбке. Огненно-рыжие волосы спускались на лоб косо, тщательно приглаженной прядкой. Небольшие голубого цвета глаза поблескивали из-под широких, тоже рыжих бровей хитровато и насмешливо. Мундир сидел на нем хорошо, выгодно обрисовывая ладную фигуру спортсмена. Всем своим видом он производил впечатление довольного жизнью человека, к которому благосклонно начальство и уступчивы женщины.

— Садись к нам, Макс! — суетился Гольд. — И познакомься с моим другом, капитаном из дивизии «Мертвая голова» Зигфридом Бунке. Он...

— Ты опоздал, Фриц. Как всегда, ты все узнаешь самым последним. Я с капитаном Бунке познакомился «еще позавчера. Ваше здоровье, капитан,— и он поднял только что поданную кружку пива.

— К дьяволу «ваше здоровье», — бушевал Гольд.— Я предлагаю выпить на ты. Согласны? Выпьем на ты. Ты, Бунке, не против выпить на ты с Кольбер

— Не возражаю, — пожал плечами танкист.

— Выпьем,— согласился вновь прибывший, бесцеремонно дополняя свою кружку капитанским коньяком. Выпили.

— Ты все еще в гостинице? — обратился Макс Кольбе к танкисту.

— В гостинице, дьявол бы ее драл. Ничего подыскать не удалось.

— Зато я подыскал. Переезжай к моей тетке. Она раньше жила в Зегере, да проклятые русские недавно там все по камешку разнесли. Разбомбили. Вот она и переехала к нам в Борнбург. Еле пробралась. Русские так разукрасили автостраду, что ни одного мостика не осталось, а от полотна — одно воспоминание. Но тетка все же пробралась. Она у меня такая! У ней и здесь неплохой дом имеется. Комната будет со всеми удобствами. Я уже договорился. Сегодня и переезжай.

— Очень хорошо — согласился Бунке. — Я в долгу перед тобой, Макс.

— Пустяки, — самодовольно кивнул рыжеголовой. — Там тебе спокойно будет. И девочек можешь приводить. Моя тетка — старушка бывалая.

— Как же так, — разочарованно протянул Гольд, с явным неудовольствием прислушивавшийся к разговору. — А я думал...

— Ты опять опоздал, Фриц, — расхохотался Кольбе. — Опять опоздал. Ну, что же, — повернулся он в Бунке. — Выпьем еще по одной и отправимся. Переехать надо сегодня, а то комендант может кого-нибудь своего всунуть к моей тетушке. Я, правда, ему говорил... но вес же...

В зале не осталось ни одного свободного места. Среди густых клубов дыма по проходам медленно продвигались опоздавшие, тщетно пытаясь разыскать незанятый столик. К собеседникам подошел высокий худощавый офицер с круглым румяным лицом и очень черными, будто только что покрашенными волосами. Старательно выговаривая каждое слово, он произнес:

— Господа! Вы, кажется, решили уходить. Не позволите ли мне занять ваш столик?

— Пожалуйста! — любезно кивнул головой Бунке.— Мы сию минутку. Только рассчитаемся.

К столику порхнула одна из племянниц дядюшки Клотце.

— Можно получить с вас, господа офицеры?

Вытаскивая кошелек, капитан «Мертвой головы» выронил что-то из кармана. Оброненные вещи с приятным звоном упали на пол. Гольд поднял их.

— Браслет! — удивленно воскликнул он. Кинув на стол карманный, так называемый универсальный нож, выпавший из кармана Бунке вместе с драгоценностью, он занялся браслетом. — Какой тяжелый. Неужели золотой? И камни...

В это время подошедший к столу черноволосый эсэсовец заинтересовался ножом. Он открыл лезвие, взвесил нож на руке и шутя, но точно отработанным движением швырнул его в стол.

Лезвие глубоко вошло в крышку стола. Впрочем, на это обратил внимание только Бунке. Одобрительно улыбнувшись эсэсовцу, он вытащил нож и спрятал его в карман. Гольд и Кольбе были заняты браслетом.

— Золото, и высокой пробы, — безошибочно определил Кольбе. — Камни — рубины, тоже немалых денег стоят.

— Где ты его достал, Зигфрид? — заинтересовался Гольд. — В России, конечно?

— Не помню точно. Где-то под Смоленском, — небрежно ответил Бунке. — Ну, мы можем идти, — заявил он, пряча в карман бумажник вместе с браслетом.

Приятель вышел из «Золотого быка». Теплая темнота весенней ночи обняла их. Городок был затемнен, и офицеры постояли несколько минут, ожидая, когда глаза привыкнут к густой темноте.

— Странное произношение у этого офицера, который занял наш столик, — вспомнил Гольд, — какое-то не немецкое.

— А он и не немец, — безапелляционно заявил Бунке. — Он или русский, или украинец. Хотя, может быть... и англичанин. Только не немец.

— И не француз, — подтвердил Кольбе. — Француза я с первого слова узнаю. Даже если он и родился на Рейне.

— Странно, — задумчиво произнес Гольд. — Если он не немец, то почему на нем наш мундир? Почему он эсэсовец?

Офицеры, заняв всю ширину тротуара, зашагали по улице. Бунке, сильно прихрамывая, шел между Гольдом и Кольбе, тяжело опираясь на свою палку. Весело перебрасываясь шутками и хохоча во все горло, компания выбралась на перекресток.

Вдруг из-за угла, на другом конце квартала, вывернулась легковая машина. Тускло синие затемненными станиолями фарами, она, истошно сигналивая, понеслась прямо на троих офицеров. Кольбе и Гольд, как зайцы, шарахнулись в разные стороны и исчезли в темноте. Бунке остался один. Он тоже сделал попытку бежать, но, видимо, боль в раненой ноге остановила его. Он остался на месте, угрожающе вскинув свою тяжелую дубинку. Завизжав тормозами, машина остановилась в трех-четырех метрах от танкиста. Темнота мешала рассмотреть сидящих в машине.

— Эй, вы, олух! — раздался из машины скрипучий голос. Так говорят люди, старающиеся подчеркнуть свое превосходство над другими, пренебрежение к тем, кто стоит ниже их. — Вы что, не слышали сигнала?! Я вас чуть не раздавил.

— Вернее, я чуть не разбил дубинкой вам голову за хулиганство, — спокойно ответил танкист.

Из машины с водительского места выскочил невысокий, плюгавый гестаповец в очках. Хватаясь за кобуру пистолета, он подбежал к эсэсовцу с криком:

— Вы что, не видите, с кем говорите?! Я Цехауер!

— А я капитан Бунке, — по-прежнему спокойно ответил танкист. — Будьте повежливее, лейтенант. Вам до капитанского звания еще долго прыгать.

Только сейчас гестаповец рассмотрел, что перед ним стоит капитан СС с двумя Железными крестами на груди. Он смутился и, сразу потеряв половину своего гонора, забормотал что-то насчет «проклятого затемнения», из-за которого ничего «под самым носом не видно».

— Что вы носитесь, как наскипидаренный? — спросил растерявшегося гестаповца вернувшийся обратно Кольбе.

— Не ваше дело, — огрызнулся Цехауер. — Государственные дела не терпят отлагательств. Почему вы не сошли с дороги? — уже миролюбивым тоном обратился он к Бунке.

— Не привык бегать, — насмешливо ответил танкист. — А когда в ноге дырка не совсем зажила, то и вообще не побежишь. Кстати, я ранен на фронте.

— Прошу без намеков! — снова взорвался гестаповец. — Я здесь тоже служу фюреру.

— Не кипятитесь, Цехауер, — осадил гестаповца Гольд. — Никакого особого дела у тебя не было. Просто ты торопился к девке. Лучше попроси у капитана Бунке извинения и катись дальше.

— Зигфрид может тебе сильно напакостить, — подчеркивая свою близость с Бунке, положил Кольбе руку на плечо капитана. — У него дружков побольше, чем у тебя. Он ведь из «Мертвой головы». Знаешь, какие там ребята?

— Ночью не разберешь, — проворчал явно встревоженный Цехауер. — Капитан, вы на меня не сердитесь?

— Ни капельки, — усмехнулся Бунке.

— Может быть, вас подвезти? — пригласил офицеров Цехауер, открывая дверцу машины.

— Не стоит, — ответил за всех Бунке. — Нам близко.

— Хайль! — поднял, прощаясь, руку Цехауер. — Доброго здоровья, капитан. Надеюсь, что мы с вами еще встретимся. — Последняя фраза гестаповца невольно приняла угрожающий оттенок.

— Вряд ли, — беспечно усмехнулся танкист. — Мне ведь скоро на фронт. Может быть, и вы за компанию...

Цехауер, яростно просигналив, на большой скорости сорвал машину с места.

— Что это за сумасшедший? — спросил Бунке, провожая машину глазами.

— Начальник здешнего гестапо, — ответил Кольбе.

— Подумаешь, персона, — усмехнулся Бунке. — Начальник инвалидной команды в паршивой, богом забытой дыре.

— Тише, Зигфрид, — обиделся за Борнбург Кольбе. — У нас здесь особый режим, — и, помолчав, таинственно добавил: — Номерной объект под боком.

— Ха! — издевался Бунке. — Уборная в два очка на главной площади и на ней номер два ноля. Вот и объект.

— Да ведь ты ничего не знаешь, а смеешься, — закипятился Гольд. — Таких объектов...

— К черту этот разговор, — оборвал его Кольбе. — Ты извини, Зигфрид, но здесь уже начинается военная тайна.

— Ну, раз тайна, то молчу, и вообще этого разговора не было, — сразу же стал серьезным Бунке. — Пошли за чемоданами, друзья.

Глава 10

НОЧНЫЕ ВСТРЕЧИ

Подвыпившие офицеры шумной ватагой ввалились в гостиницу. Гостиница была переполнена. Из-за плотно закрытых дверей в коридор доносились нетрезвые голоса мужчин и возбужденный хохоток женщин. Всякий, кто хоть на один день сумел очутиться в безопасном тыловом городке, торопился насладиться жизнью, старался алкоголем приглушить страх перед недалекой отправкой на фронт.

Глубоко втягивая ноздрями пахнущий вином, пудрой и еще чем-то неуловимым душный воздух коридора, Фриц Гольд завистливо посмеивался, прислушиваясь к женским повизгиваниям за дверями номеров.

— Вот где раздолье-то! Конюшня, честное слово... тракененская конюшня, — возбужденно заговорил он.

— Завидно? — насмешливо спросил Кольбе, Гольд не успел ответить. Бунке, дружески взяв его за локоть, негромко произнес:

— А тебе что мешает? Ведь в любое время...

— В любое время... — перебил танкиста Кольбе. — В любое время мы можем понадобиться. Дьявол побрал бы генерала фон Лютце. Ни одного вечера целиком свободного. Каждую ночь...

Эсэсовец, не кончив фразу, замолк. Оттянув рукав мундира, он взглянул на часы. То же самое сделал и Гольд.

— Еще два часа в нашем распоряжении! Если на часок... — он вопросительно взглянул на Кольбе. Но тот решительно качнул головой.

— Нет. Сегодня мы определим на квартиру капитана Бунке. А тогда уж заставим его хорошо угостить нас,

— И девочками, — уточнил Гольд.

— Все будет, — заверил приятелей Бунке. — Все, что положено. Только насчет девочек я еще не в курсе. Девочек доставайте вы. Ну, вот и мой блиндаж.

Свет в номере был выключен. В глубине комнаты, послышалась возня. Кто-то встал с дивана и щелкнул выключателем. Слабо, не в полный накал, загорелась лампочка.

Денщик капитана, мешковатый увалень в заношенной, выгоревшей форме, включив свет, отошел к двери.

— Франц! Чемоданы! — коротко приказал Бунке.

Денщик послушно вытащил из-под койки два объемистых, тяжелых чемодана. Он с унылым видом взял их за ручки, и офицеры в сопровождении тяжело сопящего денщика покинули гостиницу.

Ночь по-прежнему была темна. Плотнo задрапированные окна домов не пропускали ни одного лучика света. На темном небе смутно вырисовывались острые крыши построек и бесформенные шапки молчаливых лип.

Однако и в темноте город жил. Слышались звуки шагов, обрывки разговоров, иногда раздавался женский смех. Откуда-то издалека доносились заглушенные расстоянием звуки аккордеона.

По черному небу безмолвно один за другим пробегали бледные столбы света. Казалось, где-то далеко, за горизонтом, крутится ступица огромного огненного колеса, и только его спицы бесшумно проносятся здесь, над городом. Несколько минут офицеры шли молча, следя за лучами прожекторов. Первым нарушил молчание Бунке.

— Бомбят?

— Наш город только один раз, а соседним достается, — ответил Кольбе. — Несколько дней назад всю нашу автостраду разворочали...

Завернув за угол, приятели столкнулись с двумя солдатами, нерешительно топтавшимися на тротуаре. Рассмотрев офицеров, солдаты метнулись было в сторону, но властный окрик Кольбе заставил их вернуться.

— Кто такие? Почему шляетесь? Увольнительную! — приказал он оробевшим солдатам.

— Сержант Гуго Гиберт и рядовой Брунер, — доложил один из задержанных. — Мы не по увольнительной, господин капитан. Мы следуем по предписанию,

— Куда?

— В распоряжение генерала фон Лютце.

— Какого же дьявола вы шляетесь по улицам, а не идете туда, куда направлены? — вмешался Гольд.

— Темно, дороги не знаем. Идем на пересыльный пункт, — оправдывался сержант.

В глубине улицы послышались шаги. Кольбе молчал, словно раздумывая, что ему делать с задержанными. Шаги все приближались, и к офицерам подошли еще два солдата. Один из них сильно прихрамывал, рука второго, насколько позволяла темнота, висела на перевязке.

— А вы откуда? — рявкнул Кольбе.

— Только что с поезда, — бодро доложил прихрамывающий солдат. — Следуем к коменданту для направления в команду выздоравливающих. Докладывает старший сержант Рихтер.

— А кто второй?

— Рядовой Ганс Гунке, — доложил солдат с перевязанной рукой.

— Документы! — потребовал Гольд. Здоровенный денщик капитана-танкиста, поставив чемоданы около офицеров, встал за спиной Кольбе.

Хромой сержант полез в карман за документами, но в этот момент в разговор вмешался Бунке.

— Хватит! — энергично запротестовал он. — Время идет, а мы тут будем возиться еще

целый час! — И, беря инициативу в свои руки, спросил сержанта: — Адрес комендатуры знаете?

— Так точно, — ответил сержант. — Герингштрассе, 17. На вокзале дежурный комендант указал.

— Пусть вместе со старшим сержантом Рихтером и эти двое направляются к коменданту. А утром они явятся к вашему генералу... как его... фон Лютце, что ли? Ты согласен, Кольбе?

Тот помедлил с ответом. Видимо, в нем боролись два каких-то противоположных желания.

— Специальность? — бросил он первым двум солдатам.

— Радисты.

— Оба?

— Так точно!

— Мы могли бы взять их с собою... — начал Гольд.

— Чтобы доставить удовольствие этому сухопарому мерину Фишеру? — заартачился Кольбе. — Ему уже сегодня досталось от генерала за то, что рация работает ни к черту. Пусть и впредь достается. Я не обязан приводить ему пополнение.

Чувствовалось, что этот «сухопарый мерин» Фишер — личность, немало насолившая Кольбе.

— Старший сержант! — обратился он к человеку, назвавшему себя Рихтером. — Прихватите с собою и, этих двух оболтусов. Помогите им добраться до коменданта. А то эти сосунки забредут, куда не надо.

— Ну, долго мы будем тут торчать? — нетерпеливо крикнул Буйке. — Кольбе, далеко еще до твоей старушки?

— Совсем недалеко. Вон в ту калитку. Ты только самой тетушке не скажи, что она старушка. Съест, — рассмеялся Кольбе.

Через полминуты негромко стукнула калитка маленького, окруженного деревьями и густыми куста-ми домика, и на улице остались только четверо все еще стоящих навтыжку солдат.

— Ну, что же! Пошли! — первым нарушил молчание-Рихтер,

Впереди шагали сержанты, за ними молча печатали шаг рядовые. Разговор, завязался только тогда, когда все четверо оказались за квартал от домика, в котором скрылись офицеры.

— С какого фронта? — спросил Гиберт шедшего рядом с ним Рихтера.

— С Восточного,

— Давно ранены?

— Еще осенью. А вы в маршевую направлены?

— Нет — важно ответил Гиберт. — Таких, как я и мой напарник Петер Брунер, в маршевую не посылают. На фронте воевать любой дурак может, были бы руки да ноги. Офицеру, тому, конечно, и полоза нужна... Нас на фронт не пошлют. Нам доверяют... — Сержант замолчал, всем своим видом показывая, что он мог бы рассказать много любопытного, если бы его попросили. Но Рихтер не проявлял никакого интереса к рассказу собеседника, и это задело Гиберта. Ему показалось, что старший сержант смотрит на него, Гиберта, свысока и в глубине души презирает его, как окопавшегося в тылу шкурника. Он надулся и несколько минут шагал молча, независимо сплевывая через зубы. Но долго выдержать сержант не смог. Искося поглядывая на старшего сержанта, Гиберт с независимым видом повторил:

— Нам доверяли, доверяют и будут доверять. Такие, как мы, нужны именно здесь.

— То-то тебя капитан сейчас чуть раком не поставил. Доверие оказывал, — насмешливо фыркнул Рихтер. — «Такие, как мы...» Сами дорогу не могли найти, няньки понадобились. Гиберт вскипел:

— Не нуждаемся мы в няньках, И к коменданту нам незачем. Здесь всего двенадцать километров по новому шоссе. Нам объяснили в штабе. Петер! — повелительно обратился он к шагавшему следом солдату. — К коменданту заходить не будем. На восточной окраине спросим новое шоссе,

— Пошли, — апатично согласился Петер. — Ведь нам говорили, что отсюда до

Грюнманбурга рукой подать.

— Замолчи, дурак! — остановившись; заорал на него Гиберт. — Разболтался, как баба.

— Я не нарочно, — сконфуженно забормотал Брунер. — Да и чего особенного? Ведь здесь все свои.

— Правильно, — поддержал его Рихтер, — И посему требуется... — и старший сержант выразительно пощелкал себя пальцем по горлу.

— Никаких выпивок, — запротестовал Гиберт. — Нам надо явиться по предписанию.

— Послушай-ка, сержант, чего ты кипятишься? Я ведь совсем не хотел тебя обидеть, — примирительно заговорил Рихтер. — Уж очень ты торопишься явиться в часть... Что, у тебя там друзей много?

— Это не часть... Это такое... — медленно заговорил Петер Брунер.

— Никого мы там не знаем и нас не знают, — все еще сердясь, прервал спутника Гиберт. — Но порядок есть порядок. У нас не на фронте. Дисциплина — ого!

— Дисциплина дисциплиной, а часок-другой и для себя урвать не вредно, — совсем дружелюбно ответил Рихтер. — У меня ведь тут совсем рядом сестра замужем. У ее мужа усадьба здесь. От города всего с километр. И новое шоссе от них — рукой подать.

Рихтер умолк, ожидая, как на эти слова будут реагировать спутники. Но Гиберт все еще дулся и выжидательно молчал. Молчал и Брунер, не решаясь высказывать свое мнение раньше старшего товарища.

— Чего раздумывать, ребята, — прервал затянувшуюся паузу Рихтер. — Я вам предлагаю отправиться вместе к моей сестренке. У нее, конечно, найдется для наших желудков кое-что получше солдатского пайка. Вы нам порасскажете, как и что. А то мы, кроме передовой да госпиталей, четвертый год ничего не видим. У сестренки за бутылкой шнапса ночку проведем не скучно.

— А нас не попрут? — осторожно осведомился Брунер.

— Где у нее муж? — буркнул Гиберт.

— Не «попрут», — заверил Рихтер. — Муж на фронте. Обер-лейтенант. Рубаха-парень. А какую сестра настойку готовит!.. Я ведь ей писал, что приеду. Пошли.

Настойка оказалась решающим аргументом.

— Если не попрут, то почему не пойти, — нерешительно протянул Брунер.

— Ладно, идем, — кивнул головой Гиберт. — Усадьба, говоришь, рядом с новым шоссе? Это очень хорошо.

— А главное — дом в молодом сосняке стоит. Запах там... — мечтательно заговорил Рихтер. — Хорошо ночью гулять по лесу, и чтобы сосновой смолой пахло,

Глава 11

ГДЕ ЖЕ РУССКИЕ?! СЛЫШАТ ЛИ ОНИ НАС?

Ровно в половине двенадцатого ночи дядюшка Клотце выходил из-за стойки, неторопливо шел к двери и отодвигал стопор замка. Негромко клацал запор, и запоздалый посетитель не мог уже зайти в зал «Золотого быка». Зато покидающие пивную гости могли в любую минуту открыть дверь изнутри, нажав широкую бронзовую ручку. Это негромкое клацанье деликатно напоминало посетителям, что пора расплачиваться и отправляться по домам.

Исконные жители городка, покидая пивную, подходили к прилавку, чтобы на прощанье пожать руку дядюшке Клотце и пожелать ему доброй ночи. Офицеры расположенных в городке запасных частей не удостоивали Клотце рукопожатием, но каждый, выходя из пивной, прикладывал к козырьку фуражки два пальца. Большинству офицеров было невыгодно портить отношения со старым трактирщиком. Тем, кто поддерживал с ним хорошие отношения, дядюшка Клотце открывал неограниченный кредит пивом.

Из-за своей стойки хозяин пивной видел всех, кто входил под гостеприимную сень «Золотого быка».

Много посетителей повидал дядюшка Клотце с тех пор, как встал за стойку своего заведения. В старое доброе время борнбургские социал-демократы провели не один десяток собраний в просторном зале этой пивной. Здесь же за кружками с пивом, в клубах трубочного дыма разгорались ожесточенные схватки между благонамеренными, благодушными социалистами и непримиримыми, звавшими к немедленным классовым боям коммунистами.

В Борнбурге, где до самого последнего времени почти не было промышленных рабочих, социал-демократы сохранили господствующее положение в общественной жизни городка. Только среди железнодорожников коммунисты создали прочную организацию, и все попытки социал-демократов изгнать оттуда крамольников-коммунистов не увенчались успехом.

Нужно откровенно сказать, что в те годы дядюшка Клотце не отдавал особого предпочтения ни той, ни другой стороне. И социал-демократы и коммунисты с одинаковым одобрением относились к пиву, которым дядюшка Клотце наполнял их кружки. И монеты, которыми они расплачивались за пиво, были тоже совершенно одинаковыми. Дядюшка Клотце добродушно и с уважением выслушивал доводы тех и других, не вмешивался в споры и, казалось, с вежливым безразличием относился и к социал-демократам и к коммунистам.

И абсолютно никто, даже из близко знавших Клотце людей, не подозревал, что младший брат хозяина пивной, еще зеленым юношей ушедший искать счастья на стороне, в далеком Гамбурге, стал не только коммунистом, но и одним из вожаков гамбургских докеров.

Иногда дядюшка Клотце неторопливой походкой отправлялся на почту и посылал в Гамбург довольно крупную сумму денег. Никто не связывал эти денежные переводы с газетными вестями о том, что гамбургские докеры бастуют или что хозяева доков объявили локаут и семьи докеров голодают уже вторую неделю. Досужие кумушки утверждали, что у старого вдовца дядюшки Клотце на стороне завелась сударка. Поэтому он раз-два в год выезжает куда-то из Борнбурга, а в остальное время возмещает свое отсутствие денежными переводами.

Со дня фашистского переворота дядюшка Клотце перестал переводить деньги по почте. Вскоре он выехал на несколько дней из Борнбурга и вернулся с двумя заплаканными голенастыми девочками-подростками, своими племянницами. Через год-полтора племянницы Эльза » Марта стали помогать дядюшке Клотце, и с тех пор вся работа в пивной «Золотой бык» выполнялась членами одной семьи.

Но, видимо, дядюшка Клотце привез из Гамбурга не только своих племянниц. То ли гибель младшего брата от рук гитлеровцев, то ли еще что заставило старого хозяина пивной взглянуть на жизнь другими глазами и принять важные, далеко идущие решения.

Много раз за годы фашистского режима, обычно по утрам, когда в пивной не бывает посетителей, к дядюшке Клотце приходили люди, не принадлежавшие к завсегдашам «Золотого быка». Одни из них, переговорив с хозяином пивной, а иногда получив небольшую сумму денег и документы, тотчас исчезали. Другие, наоборот, заходили за стойку и спускались в люк подвала. Через несколько дней и эти посетители исчезали так же тихо и незаметно, как и появлялись.

Пустовал подвал под пивным залом «Золотого быка» или в нем таился очередной постоялец, лицо дядюшки Клотце оставалось одинаково невозмутимым и доброжелательным. Его лоснящаяся физиономия была безмятежна, но узкие, как щелки, глаза замечали всякого нового посетителя, а уши улавливали каждое громко прозвучавшее слово,

В этот вечер внимание дядюшки Клотце привлек столик, за которым сидели капитан-танкист из дивизии «Мертвая голова» и лейтенант-эсэсовец. Эсэсовца Клотце знал давно, но капитана-танкиста видел впервые.

Незаметным для посторонних жестом хозяин «Золотого быка» указал одной из своих племянниц — хохотушке Эльзе — этот столик. Эльза — понятливая девушка. Она сразу догадалась, что у дядюшки Клотце нашлись особые причины заинтересоваться раненым капитаном-танкистом. Однако за весь вечер Эльзе удалось узнать только о том, что капитан

служит в танковой дивизии «Мертвая голова», долго воевал в России и сейчас отдыхает после тяжелого ранения. Когда лейтенант Гольд заговорил о чем-то расстреле, Эльзе показалось, что сейчас начнется самое важное. Но танкист не заинтересовался расстрелом, и разговор сам собою перешел на другое. А затем к столику подсел Кольбе и вскоре увел собутыльников с собой. Едва лишь эти клиенты рассчитались, как столик у стены йайял высокий черноволосый офицер, очень странно произносивший самые обычные слова. Он уселся и сразу же прислонил свободные стулья спинками к столику в знак того, что они заняты. На вопрос Эльзы: «Что угодно господину офицеру», он любезно ответил: «Пока кружку пива, а дальше — как придется».

Подав кружку пива, Эльза махнула рукой на странного посетителя, но повелительный взгляд дядюшки Клотце показал, что и этот клиент заслуживает самого пристального внимания. Однако эсэсовец просидел в одиночестве над единственной кружкой пива весь остаток вечера. Время от времени он нетерпеливо поглядывал на дверь, видимо, кого-то ожидал. За несколько минут до закрытия, пивной эсэсовец поднялся и, расплатившись за пиво, ушел, раздраженный бесплодным ожиданием.

Аккуратно в двенадцать часов ночи пивная закрылась. Свет в зале был потушен, и старинные железные шторы опущены. Усталые девушки снимали скатерти и укладывали стулья на столики. Рабочий день дядюшки Клотце и его резвых племянниц закончился. Однако они не торопились расходиться на покой.

В задней комнате, примыкавшей к пивному залу и служившей квартирой хозяину пивной, их ожидали два человека. Хотя эти люди не принадлежали к семье дядюшки Клотце и не были ему даже дальними родственниками, оба держали себя как дома. Придя задолго до закрытия пивной, один из них, одетый в поношенный пиджак и брюки с обвисшими коленями и бахромой внизу, бесцеремонно зажег лампу, вытащил из-под матраца какую-то книгу, сел к столу и углубился в чтение. Через полчаса пришел второй, молча улегся на кровать и преспокойно заснул.

Марта — вторая племянница дядюшки Клотце — часов в десять вечера заглянула в комнату и удивленно воскликнула:

— А Карла все еще нет?

— Нет, Марта. Еще не приходил, — ответил читавший книгу и, помолчав, добавил, кивнув головой на спящего. — Вон Ганс сказал, что видел днем, но переговорить не удалось.

Девушка убежала. Еще несколько раз она заглядывала в дверь и, молча окинув взглядом комнату, с недовольной гримасой скрывалась.

Уже самый запоздалый посетитель «Золотого быка» досматривал в своей постели десятый сон, а в комнате дядюшки Клотце все еще горел свет.

Марта и Эльза, обнявшись на кровати, перешептывались о чем-то своем, очень тайном, очень важном и очень интересовавшем их обеих. Дядюшка Клотце, и двое пришедших сидели за столом и негромко разговаривали. Говорил, собственно, только Ганс, а остальные внимательно слушали.

— Туда мы быстро проникнуть не сумеем, — говорил Ганс. — Ясно, что на место Макса они подберут какого-нибудь отъявленного нациста. А передачу надо вести. Значит, остается только одно: отдать шифровку. Ее пустят в эфир в другом месте.

— Подожди, Ганс, — перебил говорившего товарищ. — Может быть, советское командование уже получило наши сигналы. Сколько передач сделал Бехер?

— Бехер сделал восемнадцать передач, — ответил Ганс. — Может быть, ты и прав, Генрих. Я тоже/думаю, что советское командование уже получило нашу шифровку, но догадка — еще не уверенность. Я советовался с товарищами. Они считают, что передачи надо продолжать. А сейчас наша главная задача — вытащить Макса. С этим медлить нельзя.

— А как с листовками? — спросил Клотце.

— Товарищи говорят, что печатать листовки стало очень трудно. И перевозить опасно. Слежка усилилась.

— Еще реже присылать будут?

— Верно, реже. Значит, нам нужно быть оперативнее. Все, что мы получим, будет сразу же распределяться по группам. Наша доля должна быть расклеена в день получения. Вернее, в ночь получения.

— Я думаю, что мы все же начнем печатать листовки в моем подвале, — предложил Клотце.
— У меня там, за старыми бочками, местечко очень удобное...

— Нет, — решительно отрезал Ганс. — Наши товарищи считают необходимым сохранить «Золотого быка» чистым от подозрений и слежки. — Видя, что старик расстроен отказом, Ганс положил свою сухую твердую ладонь на пухлую руку Клотце: — Не хмурься. Ты и так немало делаешь для нашей борьбы. Листовки будут печатать на старом месте.

— Сейчас с информацией станет труднее. Некому перехватывать новости по радио. Макса-то нет... — озабоченно проговорил Генрих. — Но ослаблять борьбу мы не имеем права.

— Как ты думаешь, Ганс, — негромко осведомился Клотце, — его будут судить?
Ганс досадливо махнул рукой.

— Какой там суд! Два-три офицера соберутся, напишут приговор военного суда, и все. Генрих взглянул на часы. — Странно, что Карл сегодня так запаздывает.

— Зато он узнает все о Максе Бехере, — по-прежнему тихо проговорил Клотце.

Шептание на кровати сразу прекратилось. Две сестренки, как по команде, настороженно подняли головы.

— С Максом дело обстоит плохо, — вздохнул Ганс. — Как только выясним, где он находится, надо срочно выручать его. Товарищи рекомендуют поручить это Карлу Зельцу. Ему в помощь дадут ребят с железной дороги.

— Тогда и Карлу нельзя будет оставаться здесь, — донесся с кровати встревоженный голос Эльзы.

— Это будет зависеть от обстоятельств, — ответил Ганс.

Негромкий стук в ставень заставил всех вздрогнуть,

— Это Карл! — радостно вскрикнула Эльза и, быстро спрыгнув с кровати, исчезла за дверью.

В самом деле, это был Карл. Высокий и широкоплечий, он, казалось, заполнил собой все свободное пространство небольшой комнаты. Карл медленно подошел к столу и, не здороваясь ни с кем, молча сел на свободный табурет.

— Что тебе удалось узнать, Карл? — нетерпеливо спросил Генрих.

Карл Зельц, словно собираясь с мыслями, молча осмотрел присутствующих. Но, прежде чем он успел ответить, в разговор вмешался Ганс.

— Послушай, Карл, — заговорил он, понизив голос. — Посоветовавшись, мы решили освобождение Макса Бехера возложить на тебя. В помощь дадим тебе очень хороших ребят. Железнодорожников.

Карл перевел на него растерянный взгляд.

— Ребят не надо, Гаке. Поздно, — проговорил он сдавленным голосом.

— Как поздно? — схватил его за руку Клотце, приподнимаясь с места.

— Поздно. Макса расстреляли!

— А-а-а! — раздался в наступившей тишине вопль Марты.

— Когда? Где? — первым опомнился Ганс.

— Сегодня, около полудня. На Светлой полянке.

Несколько минут все молчали. Только рыдания Марты да шепот утешавшей сестру Эльзы нарушали тишину.

— А что в Грюнманбурге? — глухо проговорил Ганс.

— Все то же. Рация еще не работает. Сменщики Макса отправлены в концлагерь. Едва ли их доведут: чуть живые после допроса. В лабораторию «А» приехала новая начальница, Шарлотта Шуппе. По отзывам, настоящая стерва. А в остальном все по-старому.

— Даже взрыв их не напугал, — сокрушенно проговорил дядюшка Клотце.

Зельц саркастически рассмеялся:

— Напугал!.. Да взрыв-то и показывает, что дело близится к концу, что у наших

людоедов скоро будет оружие небывалой мощности. Все записи опытов сохранились. Этой самой Шуппе остаются только последние расчеты. А там...

— Неужели успеют? — воскликнул Генрих. — Да что же это будет? Где же русские?! Слышат ли они нас?

— Спокойнее, Генрих! Истерики никому не нужны, — твердо заговорил Ганс. — Русские не опоздают. Может быть, они уже здесь. Может быть, советские люди есть уже и в самом Грюнманбурге. Я знаю русских. Их ничем не остановишь.

— Ну, в Грюнманбург то им пробраться трудно, но ведь это и не обязательно. Лишь бы они узнали, — уже успокаиваясь, ответил Генрих.

— Сегодня в «Золотом быке» были двое новых, — словно отчитываясь, заговорил Клотце.

— Один-то, сразу видно, — головорез. На Востоке не добились, лечиться приехал. А второй — подозрительный.

— Он по-немецки странно говорит, — отозвалась с кровати Эльза. — Он не немец, по моему. Интересный мужчина, брюнет, а лицо белое, розовое.

— Но почему-то на нем был мундир эсэсовца... — задумчиво проговорил дядюшка Клотце.

Глава 12

ТРЕВОГА ДРУЗЕЙ

У подполковника Черкасова, как он говорил, не было времени для «лирических переживаний». Занятый множеством чрезвычайно хлопотливых дел, требовавших большого напряжения сил, подполковник целыми сутками был в движении, на людях, приказывал, убеждал, спорил и организовывал. Предельная загруженность не давала ему возможности в течение дня вспомнить о майоре Лосеве и его группе. Лишь к ночи, когда самые срочные дела бывали закончены, подполковник Черкасов начинал озабоченно поглядывать на часы. Приближалось время радиосвязи с группой Лосева.

Когда до назначенного срока оставались считанные минуты, подполковник Черкасов торопливо направлялся в левое крыло здания. Здесь, в нескольких комнатах, отделенных от остальных помещений капитальной перегородкой, всегда стояла тишина. Люди, работавшие в этих комнатах, говорили шепотом или вполголоса, и тишина нарушалась только стуком телеграфных ключей, да негромким гудением и попискиванием аппаратов.

Открыв дверь в одну из этих комнат, подполковник на цыпочках входил и молча садился рядом с дежурным, радистом. Приближалась минута, когда должен был начать свою работу передатчик Лосева. Не глядя на часы, подполковник Черкасов догадывался, когда эта минута наступала: лицо радиста вдруг становилось тревожно-сосредоточенным, брови сходились к переносице и во взгляде появлялся такой блеск, как будто радист не только слышал, но и видел отрывистые звуки, плывущие в ночном пространстве.

Иногда ожидание затягивалось. Среди сотен, тысяч звуков, наполнявших ночной эфир, радист не улавливал позывных группы майора Лосева. Тогда из огромного старинного здания в Подмоскovie неслась в темноту ночи немногословный встревоженный призыв:

— Россия!.. Россия!.. Мы вас слушаем, Россия... Россия... Россия!.. Ждем ваших позывных!..

Но вот наушники улавливали знакомые отрывистые звуки, зарождавшиеся неизвестно где, но очень далеко от Москвы. Радист, торопливо простучав короткий отзыв, схватывал карандаш и покрывал цифрами клочок, бумаги.

По окончании приема подполковник Черкасов забирает у радиста листок с записью и неслась к шифровальщикам.

Однако уже много ночей подряд расшифрованные цифры превращались в короткую запись: «Россия-3». Это означало, что группа Лосева продолжает выполнять задание, что все идет благополучно, что потерь нет, но ничего нового сообщить пока не могут.

Прочитав скупое сообщение, Черкасов тяжело вздыхал и отправлялся к генералу. В эти минуты веселый, разговорчивый подполковник был мрачен, как осенняя ночь. Аджютант у

дверей генеральского кабинета, увидев хмурую физиономию подполковника, тоже мрачнел и на вопросительный взгляд Черкасова сочувственно отвечал:

— Входите. Ждет.

Генерал и в самом деле ждал. Крупными, грузными шагами он расхаживал по кабинету, время от времени нетерпеливо поглядывая на часы. Подполковник входил, и генерал останавливался там, где заставлял его приход Черкасова. Отмахнувшись от доклада, он нетерпеливо протягивал руку за радиোগраммой.

Прочитав коротенькое сообщение, генерал прикусывал нижнюю губу и переворачивал листок с записью,, словно рассчитывая найти на обороте более подробное сообщение. Но на обороте ничего не было. Генерал возвращал листок Черкасову и молчаливым кивком отпускал его.

Подполковник Черкасов убеждал себя, что волноваться за майора Лосева и его группу нет никаких оснований, что идет всего лишь вторая неделя со дня переброски их за линию фронта и что Лосев хорошо делает, ограничиваясь скупыми передатками. Меньше будет возможности у фашистских пеленгаторов засечь рацию майора.

И все же беспокойные мысли одолевали Семена Пантелеевича. Он вынужден был признаться самому себе, что ни в одну из предыдущих перебросок Лосева в тыл врага он так не волновался, как сейчас. Пробуя разобраться в том, что его тревожит, подполковник находил только две причины. Во-первых, почему замолчала неизвестная станция, требовавшая уничтожения Грюнманбурга? Последняя шифровка была передана на четвертую ночь после перелета майора Лосева и его группы через фронт. Правда, после небольшого, перерыва передачи возобновились. Но сейчас их вела совсем другая станция, расположенная значительно южнее. Кроме того, принимавший шифровку сержант сразу же «по почерку» определил, что на передающей станции работает не прежний, а какой-то другой радист. В чем тут дело? Нет ли здесь ловушки? Нет ли тут какой-либо связи с перелетом группы Лосева? И второе. Почему на аэродроме Ромитэн при посадке самолета, увезшего Лосева во вражеский тыл, взорвались восемь боевых фашистских машин? В сведениях, поступивших из вражеского тыла, о взрыве в Ромитэне сообщалось скупое, и подполковнику многое было непонятно. Уничтожение фашистского самолета при помощи магнитной мины намечалось и по плану переброски разведчиков Лосева в тыл врага. Самолет должен был взорваться при посадке на свой аэродром. Но ведь посадка возвращающейся из рейса машины около самолетов, готовых к вылету, тем более самолетов с бомбовым запасом, категорически запрещена. Зачем же немецкому летчику понадобилось взрывать машины своих товарищей по воздушному разбою? Да и вообще, фашистский ли летчик привел машину на аэродром Ромитэн после высадки группы Лосева?

Каждую ночь перед началом работы с группой «Россия» подполковник Черкасов с тревогой и надеждой входил в комнату радиста. Может быть, сегодняшняя радиোগрамма принесет новости, более подробно сообщит о положении разведчиков. Но дни шли за днями, а из эфира поступали только короткие, как пароль, сообщения «Россия-3».

Наступила пятнадцатая ночь после того, как фашистский самолет увез отважных разведчиков во вражеский тыл. До начала связи с группой «Россия» осталось еще около двух минут, когда за спиной Черкасова, сидевшего рядом с радистом, раскрылась дверь и послышались неторопливые, грузные шаги генерала. Подполковник и радист встали.

— Садитесь, — махнул рукой генерал, — Ну как, Семен Пантелеевич, нового еще ничего нет?

— Ждем, товарищ генерал. Пока ничего, — развел руками подполковник.

Генерал уселся рядом с Черкасовым. Потекли последние секунды ожидания. Радист, побледнев от волнения, проверял точность настройки аппарата. Впервые ему приходилось работать в присутствии самого генерала, и хотя аппаратура была в блестящем состоянии, молодой сержант все же боялся какой-либо неожиданной, непредусмотренной помехи.

«Пи-пи... пи... пи-и... пи-и...» — тонко, по-комариному запело в наушниках, и радист склонился над столиком, записывая на лист бумаги ряды цифр. Настойчиво и требовательно

попискивал аппарат. Радист, отложив первый листок, взялся за второй. Генерал и подполковник молча переглянулись. Передача шла уже вторую минуту.

Но вот радист записал последний ряд цифр, отстукал квитанцию, встал. Подполковник Черкасов взял листы с записями и, спросив у генерала разрешения, выскользнул из комнаты, торопясь в шифровальную группу.

— Благодарю за хорошую службу, товарищ сержант. Отлично на слух принимаете, — сказал генерал.

Радист вытянулся и, покраснев от радостного волнения, ответил:

— Служу Советскому Союзу!

— Как ваша фамилия?

— Гвардии сержант Тропинин!

— Службой довольны, товарищ гвардии сержант?

— Так точно, доволен, — привычно ответил сержант, но после некоторого колебания смущенно добавил: — Очень доволен, только... разрешите обратиться, товарищ генерал?

— Обращайтесь.

— Прикажите отправить меня на задание. Из всего нашего выпуска я один в фашистском тылу не был. Обидно, товарищ генерал!

Обидно, говорите? — потеплевшим голосом ответил генерал и вдруг, наклонившись к сержанту, почти шепотом сказал ему на ухо: — Ты только смотри, никому не говори, сержант, что я тебе сейчас скажу. Мне ведь тоже обидно. Я радист не хуже тебя, да вдобавок еще два языка знаю. На немецком и на английском как на русском разговариваю, а вот не пускают. Я тоже просился. Куда там! Сиди, говорят, на своем месте и делай, что поручено. Нужно будет — пошлем; а пока не суйся. Понимаешь, как обидно? Только начальство — оно с обидами не считается, а решает так, как для дела лучше. Понимаешь, сержант?

— Так точно, понимаю, товарищ генерал, — шепотом ответил оторопевший сержант.

— Ну, так вот, еще раз благодарю за службу, за четкий прием на слух. А в тылу врага вы побываете, — пообещал на прощанье генерал. — Обязательно в свое время побываете.

Генерал вышел из аппаратной и прошел к себе в кабинет. Минут через десять в кабинете появился сияющий Черкасов. С победным видом, как будто это был его собственный рапорт о выполнении опасного задания, он положил перед генералом расшифрованный текст радиограммы. Четким, как прописи, почерком шифровальщика на листе бумаги было написано:

«Говорит Россия! Говорит Россия! Находимся 3/62/108. Все благополучно. Первый, второй проходят согласно разработанному плану; третий, четвертый изменили одежду, встретив более удобные обстоятельства. Убеждены, что интересующий нас товар можно купить только в этом районе. Точную цену и место погрузки сообщим позднее. Подозреваем заинтересованность в таком же товаре наших отдаленных соседей. Их представители, как видно, пользуются особым кредитом у хозяев товара. Ждите сообщений. Россия-3».

Генерал внимательно прочел радиограмму, достал из сейфа пачку карт и выбрал нужный ему лист. Это была обычная военно-топографическая немецкая карта. В правом верхнем углу листа жирным красным карандашом была написана крупно цифра 3. От всех обычных карт эту карту отличало только то, что на ней простым черным карандашом, от руки, была нанесена пронумерованная сетка. Генерал расстелил лист на столе и, взяв в руки сообщение майора Лосева, повторил:

— Лист третий, координаты шестьдесят два дробь сто» восемь. Посмотрим.

На пересечении шестьдесят второй и сто восьмой линий на карте был обозначен маленький городок и фигурным шрифтом, употребляемым на немецких картах для пунктов с населением не более двадцати пяти тысяч, напечатано: «Борнбург». Через город проходила линия железной дороги и автострада. Промышленного значения городок не имел.

Генерал и подполковник молча вглядывались в изображенные на карте окрестности Борнбурга. Густая зеленая краска, покрывавшая всю центральную часть листа, говорила, что вокруг Борнбурга много лесов. Бледные линии горизонталей рассказывали о том, что

значительная часть борнбургских лесов раскинулась на холмах в двести-триста метров высотой. В десяти-пятнадцати километрах на север от Борнбурга расстились обширные болотистые равнины, окруженные такими же, поросшими лесом холмами.

— Нет тут никакого города Грюнманбурга, даже поселка такого нет, — унылым голосом проговорил Черкасов. От его радужного настроения не осталось и следа.

— На этой карте нет, — задумчиво произнес генерал.— Хотя, вернее всего, Грюнманбурга нет ни на одной самой точной карте мира. Но майор Лосев прав. Грюнманбург где-то здесь. Не случайно год назад фашисты в этом районе построили мощную теплоэлектростанцию. Как, по-вашему, Семен Пантелеевич, для чего понадобилась нашим врагам электроэнергия именно здесь? Ведь крупных заводов, шахт или рудников поблизости нет. — Генерал взглянул на Черкасова и сам же ответил ему: — Для Грюнманбурга, только для Грюнманбурга. Больше ни для чего. Да, место для города зеленых людей самое подходящее.

— Для какого города зеленых людей, товарищ генерал? — удивился подполковник Черкасов.

— Грюнманбург — город зеленых людей. Майор Лосев первый обратил внимание на странное название города.

— А-а-а... — протянул подполковник. — И в самом деле. Название странное и, наверное, очень старинное по на карте-то никаких следов!

Поживем — услышим, — переиначил поговорку генерал Майор Лосев не случайно зацепился за этот самый Борнбург. Не иначе, что-то почуял. Да и наши отдаленные соседи, как сообщает Лосев, неспроста забеспокоились.

Генерал свернул карту и убрал ее обратно в сейф.

— Вот что, Семен Пантелеевич, — заговорил он снова, усаживаясь в кресло. — Когда свяжетесь с Лосевым в следующий раз, передайте, что на его волне сейчас постоянно будут дежурить радисты. Пусть выходит на связь в любое время, когда найдет удобным. Отдайте радистам такой приказ. Да, кстати, у вас там есть сержант Тропинин. Что, если мы пошлем его на задание со следующей группой?

— Что вы, товарищ генерал, — всплеснул руками экспансивный подполковник. — Лучшего нашего слухача! Мы без него будем, как без рук...

— Ну, уж и без рук, — усмехнулся генерал. — Люди у вас все хорошие. А мы сделаем так. Вернется Лосев, возьмем у него старшего лейтенанта Колесова. Он, кажется, жениться намерен? Так ведь?

— Да, — подтвердил подполковник. — Если бы не Грюнманбург, в прошлое воскресенье была бы свадьба.

— Ну вот, видите, — одобительно улыбнулся генерал. — Вернется Лосев, отгуляет Колесов свадьбу, и мы его месяца на два оставим при управлении. Ему и капитану Сенявину давно пора свои группы наметь. Следующий раз они самостоятельные задания получают. А Лосеву радистом дадим Тропинина. Как у Тропинина с немецким языком?

— Прилично. Тропинин ведь уроженец Прибалтики, товарищ генерал.

— Майор Лосев нам из Тропинина прекрасного разведчика выкует. Вы, Семен Пантелеевич, подумайте, кем заменить Тропинина. Возьмите из нового пополнения. Люди там очень способные. Так и решим.

Глава 13

ГОСТЬ ИЗ-ЗА ОКЕАНА

День у генерала фон Лютце складывался неудачно. С утра он получил сообщение, что прибытие очередной партии военнопленных откладывается на неопределенное время. Это сильно испортило настроение генерала-карлика. В Грюнманбурге не осталось ни одного военнопленного. Все они, одни за другим, после серии проделанных над ними опытов, были

сожжены в подземных газовых печах. Задержка очередной партии путала все расчеты генерала: завершающий исследования опыт отодвигался. А высокое начальство требовало окончания работ над новым препаратом «Цеэм» и не хотело принимать во внимание никаких объективных причин.

Затем ему доложили, что в подземных казармах солдаты-эсэсовцы из охраны подрались и изрезали друг друга ножами. Один из них уже умер, второй, может быть, и выздоровеет, но останется калекой.

У генерала мелькнула мысль — не отдать ли приказ о проведении опыта с новым препаратом «Цеэм» на этом полуживом эсэсовце? Ведь докладывать о чрезвычайном происшествии все равно придется, а охранник, даже выздоровев, будет ни на что негодным инвалидом. Генерал нашел, что это очень хорошая мысль, и, установив, что драка уже закончена, осложнений не предвидится, сам лично поднялся в казарму охранников.

Внешне казарма подземного города ничем не отличалась от обычной казармы. Только низко нависшие потолки, мощные стальные двухтавровые балки вместо обычных да полное отсутствие окон говорило о том, что это подземная казарма. В огромном, более чем на сто человек, помещении было почти пусто. Только около самого входа, на полу, в луже крови лежал человек в мундире солдата СС. С первого взгляда было видно, что этот человек мертв. Неподалеку на кровати слабо стонал второй эсэсовец. Над ним уже склонился главный врач грюнманбургского госпиталя со своим помощником. Третий эсэсовец в наручниках стоял в глубине казармы под конвоем двух таких же, как он, охранников. Взгляд, горевший мрачным огнем, тяжелое прерывистое дыхание и изорванный в клочья мундир свидетельствовали о том, что охранник только что выдержал схватку не на жизнь, а на смерть, дрался долго и яростно. Неподалеку от скованного эсэсовца на солдатской койке сидел хмурый, расстроенный офицер и молча наблюдал за врачом, бинтовавшим раненого. Появления генерала никто из находившихся в казарме не заметил.

— Что здесь происходит?! — взвизгнул фон Лютце, пораженный более невниманием к себе, чем открывшейся перед ним картиной.

Офицер вскочил с койки и подбежал к генералу. Это был лейтенант Фриц Гольд.

— Разрешите доложить, господин генерал... — начал он.

— Что вы мне будете докладывать? — грубо оборвал его фон Лютце. — И так ясно, без всяких докладов. Из-за чего подрались эти скоты?!

— Из-за девушки... вернее, из-за девки, господин генерал, — доложил лейтенант Гольд.

— Безобразие! — визжал генерал. — Вы... вы совсем распустили своих солдат! Дошло уже до поножовщины. Если вы немедленно не исправите положение, я буду вынужден заменить вас более опытным командиром. А вы поедете на фронт. Да, да, на фронт, не будь я фон Лютце. Что вы молчите, как истукан?!

— Разрешите доложить, господин генерал, — запинаясь, начал испуганный офицер. — Происшествие случилось...

— Я наведу здесь порядок, — перебил его фон Лютце. — Этого негодяя сегодня же на фронт. На Восточный фронт. Пусть режет русских, скотина этакая. Это будет на пользу Германии. А вы пойдете следом за ним! — выкрикнул он в лицо побледневшему лейтенанту и, повернувшись к нему спиной, приказал:

— Господии врач, прошу ко мне!

Врач, бросив бинтовать раненого, рысцой подбежал к генералу.

— Как он? — кивнул фон Лютце на раненого. — Выживет?

— Безусловно, выживет, но останется на всю жизнь калекой, инвалидом, — негромко доложил врач.

— Подопытных пленных еще не прислали?

— Никак нет. Испытания остановлены.

— Так, — раздумывая, протянул генерал и затем, понизив голос, приказал врачу: — В госпитале положите его в палату «Зет».

— Но, господин генерал... — в ужасе отшатнулся врач. Ведь раненый — чистокровный

немец. Для испытаний «Цеэма» приказано использовать только военнопленных, русских.
— В Германии уже достаточно калек, — прищурился генерал. — В формуляре запишете, что он скончался от ран.

— Слушаюсь, — растерянно пробормотал врач. — Но...

— Фюрер умеет награждать преданных ему людей, — благосклонно улыбнулся фон Лютце.
— Я позабочусь и об этом.

Врач совсем не по уставу склонился в низком угодливом поклоне.

Обратно в свой кабинет фон Лютце вернулся еще более расстроенный. А в середине дня из имперской канцелярии запросили, почему так долго не начинает свою работу фабрика брикет. Фабрикой брикет условно называлась лаборатория «А». Генерал поморщился. Не понимают они там, что ли, что за две-три недели невозможно восстановить то, что строилось чуть не три года.

Восстановить! Генерал фыркнул. Хорошенькое восстановление! Все строится заново, километров за пять от разрушенной лаборатории. Даже место взрыва оказалось смертоносным для людей — специалисты, обследовавшие то, что осталось от взлетевшей на воздух лаборатории, сейчас в госпиталях. После взрыва возникли какие-то излучения, о которых раньше и не подозревали. Хорошо, что он сам не поехал осматривать развалины. Быть подопытным кроликом — перспектива не из приятных!

Однако надо поговорить с новой начальницей лаборатории «А», фрейлейн Шуппе. Пусть доложит, как идет оборудование лаборатории и когда можно будет приступить к работе.

Генерал приказал вызвать к себе Лотту Щуппе.

Девушка доложила фон Лютце, что через несколько дней исследования можно будет продолжить.

— Господин Зельц работает целыми сутками, — сказала она, заканчивая свой доклад.
— Он почти не выходит из лаборатории. Если добавить ему в помощь человек пять-шесть таких же, как он, специалистов...

— Об этом не должно быть и речи, — недовольно оборвал ее генерал. — Мы не можем поставить на эту работу никого из немцев, иначе тайна перестанет быть тайной. Если бы у нас были военнопленные специалисты, чтобы по окончании работ их можно было уничтожить, тогда другое дело.

— Но ведь господин Зельц — тоже немец, — удивилась Грета.

— Не такой, как все! — торжествующе пискнул? фон Лютце. — Он маньяк! Он влюблен в свою работу и, кроме нее, ничего не хочет знать. Раньше он, кроме работы, был влюблен еще в свою жену и дочь. Но два года назад они погибли от русской бомбы. В одну ночь погибли, вместе с домиком Зельца. Следовательно, он ненавидит русских. Нет, Карл Зельц — совсем не обычный немец! — с пафосом закончил генерал.

— Значит, придется смириться и ждать, — пожалала плечами девушка. — Господин Зельц работает безупречно.

— Он знает, что его ждут большая награда и большие деньги, — усмехнулся генерал. — Но к записям вы его все же не допускайте. — Фон Лютце милостиво кивнул головой, прощаясь с Гретой.

Сидя в уголке огромного кресла, он, поблескивая глазами, проводил взглядом выходящую из кабинета девушку. «А эта фрейлейн Шуппе красива, божественно красива, — благосклонно подумал генерал. — В глазах какая-то напряженность и колючесть, но это от контузии, это пройдет, а так — огонь-женщина, настоящий чертенок».

При этой мысли фон Лютце поморщился. Он вспомнил, что среди подчиненных ему офицеров и даже в кругах, близких к фюреру, чертенком называют именно его, фон Лютце. Генерал прекрасно понимал, что чертенком его называют не за огневую натуру, а просто за физическое сходство с этим малопривлекательным продуктом народной фантазии. Ведь рядом с бароном фон Лютце даже Геббельс выглядел мужественным красавцем.

Барону было за пятьдесят, и почти пятьдесят лет он проклинал свой мизерный рост и отталкивающую наружность. Из-за этого физического несовершенства он застрял где-то на

половине той служебной лестницы, которую поставил целью своей жизни. Так случилось уже не с первым представителем старинного аристократического рода баронов фон Лютце. Отец и дед генерала, несмотря на огромные богатства, не смогли занять при дворе императора положение, соответствующее знатности их рода. И все это из-за такой мелочи, как карликовый рост и непривлекательная наружность. А ведь фамилия фон Лютце — древняя и славная фамилия. Она занимает одно из первых мест в списках рыцарей Тевтонского ордена. Собственно говоря, именно таким вот, как фон Лютце, Тевтонский орден и был обязан своим могуществом. Старинные хроники говорят, что во всех походах и битвах ордена представители благородного рода Лютце находились в первых рядах.

Тогдашние бароны фон Лютце были крепкоголовые, рыжебородые парни с железными мускулами и волчьим аппетитом. В фамильном замке фон Лютце, в Восточной Пруссии, до сих пор хранятся огромные мечи этих парней. Любой из тогдашних баронов мог одним ударом своего меча разрубить не закованного в латы славянина от плеча до пояса. Садясь за стол после набегов и грабежей, такой Лютце съедал годовалого поросенка, заливая острое жаркое ведрами пива.

Нынешний барон фон Лютце и обеими руками не мог поднять того меча, которым воевал его предок, а пища... уже семь или восемь лет фон Лютце съедает в день пару яиц всмятку и немножечко творога. Что уж тут говорить о мощи и силе! Видимо, что-то испортилось в фамильном древе рода фон Лютце, может быть, по вине какой-нибудь легкомысленной и не слишком разборчивой баронессы. Вот уже третье поколение эту старинную благородную фамилию представляют не жизнерадостные нахальные крепыши, а слабосильные заморыши-уродцы.

Генерал с привычной уже грустью думал о том, что на нем должна закончиться чуть ли не семивековая история рода баронов Лютце. «Если бы еще моя Эмилия была хоть чуть похожа на эту красавицу, — мелькнуло у него в голове, — тогда другое дело. Может быть, было бы и потомство».

Но при воспоминании о сухопарой, в два раза выше, чем он сам, жене — баронессе Эмили-Луизе-Марии фон Лютце — барону стало совсем тошно. Поерзав на кресле, он дотянулся до кнопки звонка и нажал ее. Окинув недовольным взглядом высокую, статную фигуру адъютанта, вошедшего на звонок, фон Лютце приказал:

— Пусть войдут эти... из сектора «С».

Адъютант выскользнул в переднюю. В этот момент Двери, ведущие в коридор, распахнулись, и в приемную вошел высокий круглолицый офицер в чине штандартенфюрера СС. Раньше чем вызванные адъютантом сотрудники поднялись с мест, он подошел к адъютанту и спросил:

— Генерал фон Лютце у себя?

— Так точно, — вытянулся в струнку адъютант. Но он...

— Очень хорошо, — покровительственно кивнул вошедший. — Прошу в кабинет никого не пускать.

Оторопевший адъютант не успел промолвить ни слова, как неожиданный посетитель скрылся за дверью кабинета.

Генерал сидел, по-прежнему забившись в уголок кресла. Увидев, что вошел не тот, кого он вызвал, барон, взглядываясь в посетителя, пробормотал сквозь зубы:

— Что за дьявольщина! Опять этот дурак-адъютант что-то напутал!

Но с каждым шагом подходившего к столу человека бусинки генеральских глаз меняли свое выражение: злость, затем удивление сменились неприкрытым страхом. Генерал вскочил с кресла и, упираясь костлявыми кулачками в край стола, смотрел на посетителя, как на привидение.

Между тем эсэсовец подошел к столу, бесцеремонно повернул абажур настольной лампы так, чтобы свет падал равномерно на обоих собеседников. Не ожидая приглашения, он уселся в покойное мягкое кресло. Устроившись, посетитель искоса взглянул на генерала и, довольный произведенным эффектом, сообщил самому себе:

— Генерал обалдел. Моего друга барона фон Лютце хватил столбняк. Посетитель говорил на чистейшем «хох дойч» — прусском диалекте немецкого языка. Говорил правильно, даже слишком правильно. Так говорят люди, хорошо знающие язык, но обычно говорящие на другом языке.

— Вы? Вы здесь?.. Каким образом? — испуганно пискнул обретший наконец дар речи генерал.

— Он меня спрашивает, не с луны ли я свалился, — объяснил сам себе посетитель, — и как я очутился в Германии? А почему бы и нет? Разве Германия — не мой дорогой фатерлянд? — удивленно пожал он плечами. — Разве мы не родственники с этим генералом? Дорогой барон, — обратился он к фон Лютце, — чему вы удивляетесь? Ведь я с вами в нерасторжимом родстве и даже ваш возможный наследник.

Фон Лютце бессильно опустил в кресло.

— Как вы попали сюда? Как вас пропустили ко мне?! — простонал генерал. — Если узнают, кто вы такой...

— Те, кому надо об этом знать, знают, — оборвал генерала посетитель. — Кто осмелится задержать меня с таким документом?

Он не спеша достал из нагрудного кармана плотный лист бумаги, согнутый вчетверо, и протянул его генералу.

Фон Лютце дрожащими руками развернул документ, взглянул на бланк и подпись и зажмурил глаза. Под кратким, но дающим очень широкие полномочия документом стояла собственноручная подпись Гимmlера. Эссовец поднялся с кресла, спокойно взял документ из дрожащих рук фон Лютце и снова спрятал его в карман. В то же время он с шутилой торжественностью отрекомендовался:

— Итак, разрешите представиться, дорогой кузен. Эрнст Брук, штандартенфюрер СС, прикомандирован для особых поручений к особе рейхсминистера господина Гимmlера.

— Но, дорогой Джоу...

— Эрнст Брук, — настойчиво поправил генерала собеседник.

— Ну, хорошо, хорошо. Эрнст, если хочешь. Но что будет, если все-таки не только рейхсминистру Гимmlеру станет известно, кто ты такой?

— У генерала мозги все еще не встали на место, — конфиденциально сообщил Брук массивному письменному прибору, стоявшему на столе.

— Но ведь тебе еще в конце тридцать девятого года...

— Ты хочешь сказать, что мне еще в тридцать девятом году должны были... Ну, как бы это выразиться поделикатнее... Скажем, за обычную, совершенно невинную любознательность должны были отрубить голову. И ты был уверен, что ее тогда же и отрубили. А теперь ты разочарован. Не правда ли? Сочувствую тебе, но не очень. Мне моя голова самому нужна.

— Ты не можешь меня ни в чем упрекнуть, — раздражаясь, перебил Брука генерал. — Доходы с наших общих предприятий все время делились поровну, и тебе перечислялась твоя доля. Я думал, что ею пользуются твои наследники. Все делалось так, как мы договорились до твоего глупого провала и ареста.

— Мой родственник начинает заниматься воспоминаниями, — кивнул Брук письменному прибору. — Да, в самом деле, генерал, где мы виделись в последний раз? Кажется, в Швейцарии? Да, да, мы провели с тобой несколько дней именно в Берне, в тридцать девятом. Как быстро летит время! Не замечаешь, что...

Генерал испуганно замахал руками:

— Тише, ради бога, тише! Ведь никто не знает, что я тогда ездил в Берн!

— Ты думаешь? — лукаво улыбнулся Брук и, не обращая внимания на перепуганного генерала, продолжал:

— Там мы урегулировали наши деловые отношения. Я и сейчас не в претензии. Все идет правильно, с чисто немецкой аккуратностью. Дело совсем не в этом. Ведь в Берне ты встречался не только со мною, Не вскакивай и не кипятись! Там один из наших общих

друзей договорился с тобою еще кое о чем. До прошлого года мы не имели основания обижаться. Ты держал нас в курсе того, что знал сам. Но с того времени, как ты возглавил здешнее учреждение, мы перестали получать донесения. Ты замолчал. В чем дело?

— И я хочу знать, в чем дело? — взвизгнул фон Лютце, — Я ничего не понимаю. Это шантаж!

Человек, назвавшийся Эрнстом Бруком, иронически усмехнулся, неторопливо вынул из записной книжки розовый листок бумаги и старательно несколько раз перегнул его. Получилась узкая, продолговатая полоска бумаги. Этой полоской Брук многозначительно постучал по столу.

Глаза генерала широко раскрылись. Заячий подбородок отвис, лицо залила синеватая бледность. На узенькой полоске бумаги он прочел, сам не веря своим глазам:

ОСВЕДОМИТЕЛЬ № 6976

— Боже мой! — прохрипел фон Лютце. — Откуда это тебе известно?!

— Вот так-то лучше, — снисходительно проговорил Эрнст Брук и посоветовал сам себе: — Пожалуй, надо полегче. Как бы генерал того... не спятил... Он нам еще пригодится.

Брук небрежно швырнул полоску бумаги через стол генералу. Фон Лютце схватил ее судорожным движением рук и торопливо развернул. Перед ним был обыкновенный рекламный листок, которыми ежедневно засыпают улицы американских городов:

НОВО! ДЕШЕВО! УДОБНО!
КАЖДЫЙ МОЖЕТ
видеть посетителя, стоящего у дверей, не поднимаясь с кресла или кровати.
КУПИТЕ НОВЫЙ
секретный
—ТЕЛЕ—
ОСВЕДОМИТЕЛЬ № 6976.
Невидим для посетителя. Бродвей — 16/729

Генерал внимательно, от первого до последнего слова прочел афишку, но из всего текста увидел только одно: «Осведомитель № 6976». Ему казалось, что это слово и номер не просто напечатаны на бумаге, что они кричат и их крик может быть услышан людьми, сидящими в приемной. Генерал торопливо вытащил из кармана затейливую зажигалку, щелкнул ею и поднес бледный огонек к розовому листу бумаги. Афишка вспыхнула и сгорела. Фон Лютце исподлобья взглянул на Брука, но, встретив насмешливый взгляд неожиданного гостя, поспешно опустил глаза.

— Так вот, — спокойно, будто ничего не произошло, заговорил Брук. — Меня интересует работа лаборатории «А».

— Но ведь это особо важная государственная тайна! — дрожащим голосом проговорил фон Лютце. — Мы не договаривались...

А разве день нападения Германии на Россию не был особой государственной тайной? — негромко проговорил Брук.

Генерал задрожал от этого, заданного спокойным тоном вопроса. Однако Брук, не обращая внимания на состояние собеседника, так же спокойно и негромко продолжал:

— Ты все же сообщил нам об этом дне на две недели раньше, чем это нашел нужным сделать твой вождь. Работа лаборатории «А» — не просто особая государственная тайна. Это тайна «Фарбениндустри». А чьи капиталы вложены в «Фарбениндустри»? Да и не только «Фарбениндустри». Много ли ты найдешь во всей Германии крупных предприятий, в которые не были бы вложены американские деньги? Я приехал не убеждать тебя. Ты выполнишь мой приказ и приказ своего начальника. В сущности — это одно и то же. Дело в том, что вы здесь слишком долго возитесь. Пока вы добьетесь результатов, русские выбросят

вас из фатерлянда.

— Ну, ну, — запротестовал генерал, поднимаясь с места.

— Не крутись, — махнул рукой Брук. — Это вполне возможно. Русских ничем не осилишь, кроме той дьявольской штуки, над которой вы сейчас мудрите. Но выведете дело черепашьими темпами. Деловые круги, которые я представляю, хотят быть уверенными, что вы справитесь со своей задачей раньше, чем сюда придут русские. А то ведь русские могут войти во вкус и вышвырнуть вместе с вами и нас, и не только из Германии, а из всей Европы. Вообще-то мы здорово просчитались. Вы оказались не так сильны, а русские не так слабы, как мы ожидали, и этого сейчас не поправишь. Скоро в игру вступим мы.

— Откроете фронт против русских? — оживился генерал.

— Мы не сумасшедшие, — поморщился Брук, — Даже ваша бомба не заставит их повернуть обратно, но может на какое-то время приостановить их движение... И это уже будет хорошо. Следующий этап начнете, снова вы, но уже под нашим руководством. Понял? Генерал мрачно кивнул головой.

— Я должен знать все о работе лаборатории «А», — настойчиво проговорил Брук. — Все до деталей.

— Лаборатория «А» войдет в строй через несколько дней, — промямлил генерал. — Она не так давно взлетела на воздух.

— Знаю, — кивнул Брук. — Опыт был удачен. Вы на правильном пути. А кто сейчас продолжил работу?

— Фрейлейн Шарлотта Шуппе.

— Шуппе, — задумчиво протянул Брук. — Слышал, говорят, способный физик. А кстати, ты не знаешь, где сейчас Грета Верк?

— Кто она такая?

— Не знаешь, значит... жаль. Ну, вот что. Ты отмени сейчас прием и покажи -мне свое «королевство». Охрана должна увидеть меня рядом с тобой. Пусть привыкают...

Резко зазвонил телефон. Генерал снял трубку.

— Слушаю! Да! Радисты? Откуда? А!.. Как их фамилии? Сержант Гиберт и рядовой Брунер? Проинструктируйте и давайте допуск. Не забудьте предупредить... герр Фишер, что мы расстреливаем без суда!

Генерал повесил трубку. С минуту он сидел, опершись о стол острыми локотками, и все еще со страхом смотрел на неожиданного гостя из-за океана. Затем, тяжело вздохнув, покорно проговорил:

— Сейчас мы пойдем по секторам «Б» и «С». В лабораторию «А» мы поедем дня через три-четыре. Там пока еще нечего смотреть.

Глава 14

ВОСПОМИНАНИЯ ТЕТУШКИ КЛАРЫ

Зигфрид Бунке проснулся раньше, чем затрещал будильник. Луч солнца, пробравшись сквозь маленькую дырочку в шторе, несколько минут просидел ослепительно белым зайчиком на стене около капитанского изголовья. Со стены он перепрыгнул на подушку, а уж с подушки осторожно перелез на плотно зажмуренные глаза капитана.

Зигфрид Бунке поморщился, сердито мотнул головой: и открыл глаза. Назвав сквозь зубы назойливый солнечный зайчик грязной свиньей, он повернулся на спину, закинул руки за голову и потянулся.

«Однако моя раненая нога заживает удивительно быстро», — подумал, усмехаясь, капитан: Он почувствовал большое желание одним рывком вскочить, распахнуть широко окна, повозиться минут десять с большими чугунными гантелями, а затем подставить разбуженное тело под бодрящие струйки душа.

Но ничего этого капитан не сделал.

Напротив, поохивая и постанывая, он сел на постели, минут десять, скрипя зубами, массировал раненую ногу, затем, одевшись, проковылял к окну и поднял штору.

За окном сияло солнечное весеннее утро. На деревьях перед домом радостно гомонили лтицы, перепархивая с ветки на ветку. С улицы доносились звонкие голоса ребятишек, о чем-то оживленно переговаривались женщины.

Капитан взял со стула, стоявшего рядом с кроватью, пачку сигарет и закурил.

Комната, в которой Кольбе поселил Зигфрида Бунке, была обставлена с обычной для жилищ мелких немецких буржуа добротной аккуратностью. Широкая кровать с двумя перинами, тяжелый, хотя и не очень большой, дубовый стол с массивными ножками и доской в три пальца толщины и под стать ему приземистые, тоже дубовые стулья. У противоположной от кровати стены стоял большой, обитый, с потрескавшейся кожей диван. В углу за занавеской стыдливо прятался умывальник. На стенах в изобилии развешаны пестрые олеографии, изображавшие толстых, краснощеких и голубоглазых фрау и фрейлейн, то возлежащих в томной позе на цветах, то везомых лебедями в огромной раковине. В том и другом случае фрау и фрейлейн окружала целая толпа упитанных, как поросята, ребятишек. Должно быть, для того, чтобы зрители не усмотрели в наличии такого количества детей намека на что-нибудь греховное, художник каждому ребенку приделал на спину по парочке миниатюрных крылышек. Над кроватью и диваном висели дешевые коврики машинной работы с буколическими рисунками ланей, пасущихся у лесного ручья.

Видимо, когда строился дом, эта комната предназначалась старшему, может быть, женатому сыну хозяина, так как она имела, кроме двери, ведущей в общую столовую, еще и отдельный ход во двор. Это более всего устраивало Зигфрида Бунке.

Едва лишь капитан закончил свой туалет, как за дверью, выходящей в столовую, послышалось осторожное покашливание.

— Прошу вас, фрау Нидермайер! — пригласил капитан,

В комнату вкатилась маленькая, круглая, как горошина, старушка.

— Доброе утро, господин капитан! Хорошо ли вы отдохнули? Нога не беспокоит? Вчера вы, кажется, возвратились позднечко? — затараторила она, присев в кокетливом реверансе.

— Доброе утро, фрау Нидермайер, — кивнул капитан. — Вчера я немного задержался со своими друзьями. Надеюсь, это вас не обеспокоило?

— Что вы, что вы! — всплеснула руками старушка. — Какое же беспокойство? У вас прекрасный денщик, господин капитан. Такой расторопный, такой услужливый. И как заботится о вас. Вчера вечером я ему говорю: «Ложитесь, Франц! Я сама открою дверь господину капитану». Но он ни за что не согласился. «Я, — говорит, — должен дожидаться моего капитана. Вдруг я ему зачем-нибудь понадобится». Так предан вам этот славный Франц.

Разговаривая, хлопотливая старушка в то же время успела застелить кровать постельца, смахнуть со стола в пепельницу воображаемый мусор и широко распахнуть окно.

— Ну, Франц воюет вместе со мной уже четвертый год, — снисходительно кивнул Бунке.

— Ничего, малый неплохой. Изучил мой характер.

— Вас ожидает кофе, господин капитан, — снова присела в реверансе хозяйка. — Прошу в столовую.

В столовой, прибранной с той же педантичностью, был сервирован завтрак на два прибора. Усадив капитана, фрау Нидермайер и сама присела к столу, сетуя на трудности военного времени, на невозможность достать многое из того, чем она хотела бы угостить своего жильца.

— Я тридцать лет прослужила у господ Шуппе, и они не могли нахвалиться на моюстряпню. Фрау Шуппе всегда говорила: «Я надеюсь на мою Клару, как на самое себя». А это много значит. Фрау Шуппе была замечательная хозяйка.

— Шуппе! Фрау Шуппе! — задумчиво проговорил капитан, отпивая кофе. — Где-то я слышал эту фамилию.

— Боже мой! — воскликнула старушка, всплеснув руками. — Как же вы могли ее не слышать! Господин Шуппе — очень богатый человек. Ему принадлежит прекрасное имение, почти такое же, как имение Бломбергов, и даже рядом с ним, а кроме этого, еще два больших завода в Зегерс... Вернее, принадлежали.

— Почему принадлежали? — удивился капитан. Фрау Клара нагнулась почти к самому уху Бунке:

— Зегер разбомбили. Уже недели две, как разбомбили. Я еле живая оттуда выбралась.

— Значит, вы до последнего времени жили в Зегере?

— Да, там у меня был домик. Его подарили мне за многолетнюю службу господу Шуппе. А этот домик, где мы сейчас, достался мне по наследству от Луизы, моей сестры-покойницы. А Луизе его подарили господу Верки. Ну, покойница, как увидела, что у Верка все пропало, что хозяином заводов стал господин Шуппе, а господину Верку пришлось бежать за границу, так и свалилась: сердце разорвалось.

Бунке с момента, как прозвучало имя Шуппе, с интересом слушавший болтовню старушки, подстегнул ее вопросом:

— А ваша сестра была совладелицей Верка? И много у нее пропало?

— Ну и скажете же вы, господин капитан, — опять всплеснув руками, залилась смехом старушка. — Моя Луиза - заводчица! Да она в семье Верков няней служила. Дочку вырастила, Грету. У господина Шуппе было двое — сын и дочь. Сын господина Шуппе, его Генрихом зовут, сейчас легчиками командует. Сам господин Геринг его ценит. Дочка господина Шуппе, фрейлейн Лотта, ученой стала, от самого фюрера награду получила. А у Верков только одна дочка Грета, такая же, как и фрейлейн Лотта, красавица и такая же ученая.

Зигфрид Бунке слушал, не прерывая хозяйку, и фрау Нидермайер, польщенная вниманием капитана, тараторила:

— Господину Верку с дочерью, как еврею, бежать пришлось. Говорят, они сейчас в Америке. Ну, а господин Шуппе теперь в очень большом почете. На своих заводах танки делал. А дочка его, фрейлейн Лотта, такая красавица, такая красавица... — фрау Нидермайер прищурила глаза, сделала губы бантиком и, прижав ладони к щекам, покачала головой, изображая, какая красавица Лотта Шуппе. — Ведь вы, господин капитан, холостой человек, герой, верный офицер нашего обожаемого фюрера, вот вам бы жениться на дочке господина Шуппе. Только жаль, у фрейлейн Лотты есть уже жених. Фрейлейн Лотта — невеста господина Отто фон Блом-берга, очень богатого, очень знатного человека. Еще прошлой осенью они приезжали охотиться сюда. У господина фон Бломберга в Грюнманбурге свой заповедник был. Огромный заповедник, оленей и всяких диких зверей полно. Фрейлейн Лотта, такая добрая, не забыла меня, старушку: после охоты прислала мне половину косули.

Капитан Бунке оказался заядлым охотником. Все, что касалось охоты, его очень интересовало. Он даже рассказал фрау Нидермайер, какие прекрасные леса в России и сколько в этих лесах всякой дичи.

Фрау Нидермайер охотно согласилась с капитаном, что завоевание таких богатых земель принесет Германии большую пользу, но очень расхваливала и заповедник господина фон Бломберга.

— Поверите ли, господин капитан, олени в этом заповеднике были совсем как ручные. Людей совершенно не боялись. Просто жаль было на них охотиться.

— А сейчас их, наверное, всех уже перестреляли? — осведомился капитан.

— Ну, что вы! Прошлую же осень господин фон Бломберг перевел оленей в другое имение, а в Грюнманбурге теперь какой-то лагерь. Туда новое шоссе провели и никого не пускают, — понизив голос, сообщила старушка и снова вернулась к восхвалению красоты и высоких душевных качеств Лотты Шуппе.

— А знаете, что я вам скажу, господин капитан? — не без игривости в голосе вдруг сказала фрау Нидермайер. — Ведь обе девчурки — и Грета и Лотта — сестры.

— Как сестры? — вежливо удивился Бунке.

— Да, да, сестры, об этом здесь все знают. И сам господин Шуппе об этом догадывался. Ведь обе девочки похожи друг на друга, как две капли воды. Не различишь, которая Лотта, а которая Грета. Но что мог он сделать? Господин Верк был его компаньон и, хороший инженер. Без него заводы не могли бы работать. Он был и моложе, и красивее господина Шуппе, и очень образованный человек. А господин Шуппе, тот все время занимался политикой, депутатом рейхстага был. Ему некогда было возиться с заводами. Господин Шуппе и господин Верк даже породнились. Вначале господин Шуппе, а затем и господин Верк женились на дочках имперского советника господина Гольда. Господин Гольд имел здесь огромное имение. Он его разделил пополам и дал в приданое своим дочерям. Госпожа Шуппе и госпожа Верк каждое лето приезжали в свои имения...

— Постойте, постойте, фрау Нидермайер, — перебил болтовню Старушки капитан. — Выходит, Грета и Лотта — по отцу родные сестры. Значит, они обе еврейки!

Фрау Нидермайер, хихикнув, замахала руками.

— И ничего подобного. Мы-то, маленькие люди, все видим и многое знаем, но молчим. Рта еврейке был женат брат господина Верка, мы его звали старший Верк, так тот уже давно в Америку уехал, а молодой господина Верк — такой же еврей, как мы с вами. «Превращение в еврея» ему устроил господин Шуппе в отместку за жену, когда при нашем обожаемом фюрере в большие люди вышел.

— А-а-а! — расхохотался Бунке. — Ловко обстригал дельце. Молодец! А как же заводы? Ведь Шуппе, вы говорите, ничего не понимает в технике.

— Заводы работали на нашу славную армию. Господин Шуппе нанял таких специалистов, которые понимают дело даже не хуже самого господина Верка. Но теперь оба завода прикончили. Камешка на камешке не оставили. Как есть, все разбомбили.

— Здорово, — одобрил Бунке и, заметив удивленный взгляд хозяйки, объяснил: — Компаньона по шапке, заводы себе и прибылью ни с кем не делись. Делец, этот старый Шуппе! Благодарю вас, фрау Нидермайер, у вас чудесный кофе, и вы очень приятная собеседница,

— Ну, что вы, господин капитан, — расцвела от похвалы старушка, — ведь это не настоящий кофе, а суррогат. Мы давно уже не видели настоящего кофе, а все из-за этих проклятых англичан и янки.

— Нет, действительно, кофе чудесный. Вы великая мастерица готовить, фрау Нидермайер.

— Зовите меня просто тетушка Клара, — умилилась старушка. — Ведь вы сверстник моего племянника, этого негодного сорванца Макса. Я так довольна, что мой Макс подружился с вами, и я имею такого приятного квартиранта.

— И я очень благодарен Макс, — рассыпался в любезностях Бунке. — За те пять дней, которые я у вас прожил, я отдохнул лучше, чем в санатории. Благодарю вас, фрау Клара.

В дверь из комнаты капитана осторожно постучали.

— Сейчас, Франц, — отозвался Бунке. — Я сейчас приду.

Капитан встал из-за стола и, еще раз поблагодарив фрау Нидермайер за вкусный завтрак, вышел.

— Что тебе, Франц? — спросил Бунке денщика, входя в свою комнату.

— Ваш мундир готов, мой капитан, — ответил Франц,

— Хорошо, Франц! — одобрил Бунке. — Еще что?

— Господин капитан, вам пора делать массаж, Я .приготовил горячую воду.

— Давай!

Капитан Бунке снял сапог с раненой ноги и опустил ее в таз с горячей водой, принесенной денщиком. Франц начал осторожно мять и растирать ногу офицера. Бунке кряхтел, стонал, иногда вскрикивал и выпаливал крепкие ругательства. А денщик шепотом сообщил капитану:

— В лесочке около шоссе, ведущего на восток, обнаружены два солдатских трупа. Вороны выдали, кружиться начали. Трупы были неглубоко закопаны.

— Ну, и что же? — шепотом спросил Бунке.

— По документам, это трупы старшего сержанта Рихтера и рядового Ганса Гунке.

Видимо, боль в ноге стала совсем нестерпимой, потому, что Бунке застонал особенно сильно.

— Куда отвезли тела? — спросил он, справившись, с острой болью.

— В мертвецкую госпиталя. Их уже сфотографировали и сняли оттиски с пальцев.

— Откуда узнал?

— Дружок у меня завелся в комендатуре, — усмехнулся Франц, — сержант Кибиц. Ждут какого-то майора Попеля из Берлина. Приедет сегодня вечером.

— Посмотреть тела сможешь? — спросил Бунке в коротком перерыве между стонами и чертыханием.

— Пробовал уже. Пока не вышло.

— Попробай еще. Не настойчиво, но попробай, — шепотом сказал Бунке, а затем громко, раздраженным голосом приказал: — Ну, хватит, Франц. Не могу больше терпеть. Дьявольская нога совсем измучила.

Глава 15

ИЩЕЙКИ НАСТОРОЖИЛИСЬ

Презрительно пробегая мимо небольших станций и полустанков, раздраженно сипя перед семафорами крупных станций, скорый поезд мчался к Берлину.

Окна вагонов были наглухо затемнены, и лишь служебные огни на паровозе тускло просвечивали сквозь толстые темно-синие стекла.

Давным-давно отошла в область преданий хвастливая фраза рейхсминистра Геринга о том, что на Берлин не упадет ни одна вражеская бомба. Сейчас не только берлинцы, а и вообще все немцы могли вспоминать эту фразу лишь с горечью, но произносить вслух не решался никто. За такие крамольные воспоминания гестапо не миловало.

Где уж тут вспоминать, о чем спяна хвастал Геринг два-три года назад, коль не только над Берлином, а и над всей Германией вражеские самолеты паслись целыми табунами.

Особенно страшна была советская авиация. Верноподданные бесноватого фюрера на собственном опыте убедились, что советских летчиков можно ждать в любое время суток, причем ночью они бомбят точно, как при дневном свете, а днем налетают дерзко и неожиданно, как под покровом ночной темноты.

Пассажиры скорого поезда спали — благодатный сон хоть на время избавлял их от гнетущего страха смерти. Одни удобно расположились в мягких креслах, другие, те, кто ехал в переполненных жестких вагонах, прикорнули, кто как сумел. До рассвета было еще более часа, до Берлина — значительно больше. Бодрствовали только проводники да расчеты зенитных пулеметов, сопровождавшие поезд.

В четвертом купе офицерского спального вагона было так же темно, как и во всех соседних. Однако если бы кто-нибудь мог заглянуть сквозь плотно задвинутую дверь внутрь, тот увидел бы, что пассажир этого купе не спит.

Закинув руки за голову, он лежал, укрытый по грудь одеялом, и сосредоточенно вглядывался в потолок купе, в голубоватую ночную лампочку, словно ждал от нее ответа на какой-то вопрос. В купе он был один — редкая привилегия в военное время, особенно для лица не высокопоставленного. А знаки различия, что белели на кителе, висящем у дверей, говорили, что пассажир купе был всего лишь майор, правда, майор гестапо.

Начальник отделения одного из самых грозных отделов гестапо майор Попель возвращался из командировки в Берлин, в главную квартиру. Майор Попель сделал все возможное, чтобы, как обычно, блестяще выполнить поставленную перед ним задачу. Фашистскому режиму майор Попель достался в наследство от бюрократического аппарата догитлеровской республиканской Германии. В той Германии Попель был ревностным служакой, верным

членом католической партии и превосходным криминалистом. С приходом к власти Гитлера Попель после краткого раздумья вступил в национал-социалистическую партию. Новые хозяева Германии быстро поняли, что в лице этого молчаливого и суховатого полицейского чиновника они приобрели очень толкового слугу. И звезда Попеля засияла с новой силой. Его служебная карьера до сих пор была безупречна и блестяща. Сейчас он слыл одним из лучших специалистов гестапо. О его работе одобрительно отзывался сам Гиммлер. И все же сегодня, наедине с самим собой, майор Попель признавался, что ему страшно будет отвечать на те вопросы, которые поставит перед ним начальник отдела полковник фон Гейм.

Причины непонятого взрыва на аэродроме Ромитэн не стали яснее даже после долгих расследований. В представлении майора Попеля обстоятельства дела были таковы.

Один из самолетов 71-й эскадрильи бомбардировщиков дальнего действия вылетал в русский тыл, чтобы вывезти оттуда группу диверсантов, выполнявших задание главного командования. Первая половина рейса прошла благополучно: подобрав диверсантов, самолет пошел на аэродром в район Котбуса. Об этом рапортовал командир воздушного корабля обер-лейтенант Генрих Клемм. Но дальше началось непонятное. Самолет Клемма не пришел на аэродром под Котбусом. Уже перед рассветом он приземлился на аэродроме Ромитэн, лежавшем в другом конце Германии, очень далеко от Котбуса. При посадке произошел взрыв, от которого сдетонировал бомбовый запас готовых к вылету тяжелых бомбардировщиков, и погибло восемь боевых машин. Расследовавший это дело майор Попель убедился, что в момент взрыва в машине находился только экипаж самолета. А куда же делась вывезенная группа диверсантов?! Командир машины обер-лейтенант Генрих Клемм был убит, вероятно, еще до взрыва, ударом ножа. Кто его убил? Свои? Это исключается. Экипаж был сформирован из самых надежных летчиков, проверенных на боевых делах. Кто же убил Клемма?

Самолет, очевидно, привел летчик Эрве. Но почему он сделал посадку не там, где положено? Сел впритирку около боевых, готовых к вылету машин. Что у него, головы не было, что ли? Можно подумать, будто Эрве знал, что его самолет минирован, и сознательно хотел вызвать детонацию бомбового запаса боевых машин. Но зачем это понадобилось Эрве? Это же прямая диверсия. Может быть, его подкупили? Чепуха!.. Ведь он и сам погиб при взрыве. Может быть, месть?.. Озлобление?.. Но тогда... Да уж Эрве ли привел эту сумасшедшую машину? Ведь от Эрве по существу ничего не осталось!

Чем больше майор Попель вдумывался, тем сильнее убеждался, что взрыв могли устроить только те, кого обер-лейтенант Клемм взял на борт своей машины в русском тылу. Ну, а куда они делись потом? Где самолет Клемма делал посадку, прежде, чем приземлиться в Ромитэне?

Погода в ночь полета по всей Германии стояла ясная, и заблудиться, случайно сбившись с курса, было невозможно. И сам Клемм и его второй пилот Эрве были опытными летчиками, мастерами ночных полетов. Все наблюдатели в округности Ромитэна говорят, что самолет шел уверенно по курсу и так же уверенно он сделал посадку на аэродроме. Значит, летчик прекрасно ориентировался. Но, почему же, к аэродрому самолет подошел не с юго-востока, как ему полагалось, если он случайно миновал Котбус, а с северо-запада? Он прошел почти тем же курсом, каким через четверть часа прошли советские бомбардировщики, бомбившие автостраду. Нет ли тут какой-либо связи?

Майор Попель раздраженно поднялся, сел в постели и, взяв со столика массивный серебряный портсигар, закурил. Он уже не раз и не два продумывал все вероятные причины происшествия, имевшего своим конечным результатом исчезновение диверсионной группы, гибель самолета Клемма со всем экипажем и взрыв восьми тяжелых бомбардировщиков.

Майор был опытным работником гестапо, имевшим то, что одни называют интуицией сыщика, а другие — нюхом ищейки. Термины зависели от того, кто определял таланты майора — его сослуживцы или его жертвы. В глубине души майор чувствовал, что произошел провал. Он догадывался, что это дело навсегда останется для него уравнением со многими неизвестными, что более могучая и талантливая сила перепутала все расчеты

немецкой военной разведки, уничтожила диверсионную группу и дерзко использовала немецкий военный самолет в своих собственных интересах.

Догадываясь об этом, майор Попель даже самому себе не хотел признаться в провале и тщетно ломал голову, перетасовывал факты в разных комбинациях в тщетной попытке найти другое правдоподобное решение. Однако факты упрямо приводили майора к выводу, что самолет обер-лейтенанта Клемма привез из советского тыла не фашистских диверсантов, а русских разведчиков и высадил их где-то в глубине Германии. Но где? Ответить на этот вопрос могли бы пилоты загадочного самолета, но и Клемм и Эрве мертвы, а мертвые ничего не говорят, даже на допросах в гестапо.

Раздраженно придавив в пепельнице недокуренную сигарету, майор оделся и вышел в коридор. В окна вагона заглядывало весеннее солнечное утро. Хмуро обозрев пробежавшие за окном, пригороды Берлина, майор не спеша вышел на площадку вагона,

Ровно в одиннадцать часов утра майор Попель открыл дверь кабинета начальника отдела полковника фон Гейма. Полковник был расстроен. Буркнув что-то в ответ на приветствие майора, он кивнул головой на стоящее около стола кресло и углубился в чтение бумаги, которую держал в руках.

— Извольте видеть, — сердито рявкнул полковник, дочитав бумагу до конца. — Один из этих болванов убит еще под Мадридом, другого уже два года как зарезали в бухарестском кабаке, а четыре дня назад их еще раз ухитрились угробить в Борнбурге.

Майор, не зная, о ком идет речь, выжидательно молчал, всем своим видом выражая сочувствие начальству.

— Ну, что вы привезли нам, милейший Попель? — несколько спокойнее заговорил фон Гейм, обращаясь к майору. — Установили причину взрыва в Ромитэне?

— Самолет обер-лейтенанта Клемма взорвался от мин советского образца. Мины находились под обоими моторами.

Фон Гейм нахмурился.

— Советского образца, — повторил он. — Как же эта прелесть туда попала? Где вывезенные люди?

— В машине в момент приземления и взрыва находился только экипаж. Вернее, в живых был только один летчик. Командира корабля обер-лейтенанта Генриха Клемма еще в воздухе убили финским ножом, штурмана застрелили. Самолет мог привести только летчик Адольф Эрве, но и тот погиб при взрыве.

Полковник подскочил.

— Что же это получается? — закричал он. — Вы несете чушь, майор Попель! Я своими глазами читал радиogramму Клемма. Он сообщал, что благополучно подобрал наших людей. Куда же они девались? Докладывайте!

Майор Попель говорил, стараясь не смотреть в лицо разъяренного начальника. Свой доклад майор закончил выводом, к которому он пришел уже давно и который еще в вагоне пытался заменить чем-нибудь более оптимистическим, хотя и менее достоверным.

Фон Гейм слушал доклад, глядя на майора злыми, остановившимися глазами. Он сидел, навалившись грудью на край стола, широко раздвинув локти, вертя в руках серебряный нож для разрезания бумаги. К концу доклада ножик был свернут в спираль. Отбросив в сторону испорченную безделушку, полковник хриплым от злости голосом прошептал:

— Значит, мы сами привезли в свой тыл русских разведчиков? — И вдруг, забыв, что в этом нет вины майора, заорал: — Проморгали, сопля вы на ножках! Не в гестапо вам работать, а прачкой в бордели! Как я доложу об этом деле министру? Как? Я вас спрашиваю, как?!

Майор молчал с убитым видом. Он давно убедился на опыте, что в минуты начальственной ярости надо быть ниже травы и тише воды.

— Где высадились советские разведчики? — несколько стихая, спросил фон Гейм.

— Неизвестно, господин полковник, — виновато ответил майор. — Все данные говорят, что их высадили где-то северо-восточнее Ромитэна.

— Но где именно? — снова заревел фон Гейм.

— Пока не установлено, господин полковник. Надо выждать какое-то время, собрать факты.

— Собрать факты! — грохотал фон Гейм. — Факты говорят о том, что русские сунули нам под хвост целую кучу горячих углей. Вот о чем говорят факты. А я об этих фактах должен докладывать господину Гиммлеру. Как я могу доложить ему, что мы сами перебрасываем русских в свой тыл?! — горестно воздел он руки.

— Докладывать придется не вам, господин полковник, а полковнику Шлиппенбаху, — выразительно глядя на фон Гейма, подсказал Полель. — Разведка — это по его отделу.

Озаренный догадкой, фон Гейм, не опуская рук, радостно уставился на Попеля и вдруг, разразившись громким хохотом, звонко шлепнул себя ладонями по ляжкам.

— Ха-ха-ха!.. А ведь вы, ей богу, правы, Попель! — сквозь хохот выкрикнул он. — Взрыв в Ромитэне — это наше дело, а кого привез Клемм — дело Шлиппенбаха. Значит, пузатая тупица Шлиппенбах вместо разведки в русском тылу занялся перевозом русских разведчиков в наш тыл. Ха-ха-ха!..

— Совершенно верно! Вы правы, господин полковник, — довольный, что гроза миновала, вторил майор Попель восторженным выкрикам начальства.

— Вот что, милейший Полель, — кончив хохотать и понизив голос, заговорил фон Гейм. — Данные обследования аэродрома Ромитэн и ваши выводы сегодня донесите рапортом на мое имя. Фамилии Шлиппенбаха не называйте, а просто факты и выводы, факты и выводы. Ясно?

— Так точно. Абсолютно ясно. Будет исполнено, господин полковник, — угодливо осклабился майор Полель.

На несколько мгновений в кабинете установилась тишина. Тяжело отдуваясь, полковник достал из ящика стола карту и против надписи «Ромитэн» поставил дату, когда произошел взрыв.

Фон Гейм не подозревал, что всего два дня тому назад над такой же точно картой склонился генерал, руководящий советской разведкой. Но карту фон Гейма всю испестрили многочисленные отметки, сделанные цветными карандашами. Против надписи «Борнбург» стояло несколько таких отметок. Проходившую южнее Борнбурга автостраду перечеркивала длинная жирная черта, поверх которой стояла дата бомбежки.

Несколько минут фон Гейм сосредоточенно рассматривал карту.

— Похоже, что самолет Клемма летел курсом от Борнбурга на Ромитэн, — наконец заговорил он почти спокойно. — Советскую разведку, видимо, начинает интересовать этот городишко.

— Прошу извинить, господин полковник, но я уже восемь суток не видел оперативных сводок. Не в курсе, так сказать,

— Вы уже знаете, что Макса Бехера эти идиоты в Борнбурге поторопились расстрелять. Выжать из него ничего не сумели. А сменщики Бехера — абсолютно благонамеренные ослы. Впрочем, их уже тоже нет. Содержание шифровки нам до сих пор не ясно. Установлено только, что она адресована советскому командованию.

Майор, почтительно склонившись в кресле, внимательно слушал полковника. Фон Гейм, постучав тупым концом карандаша по карте против надписи «Борнбург», продолжал:

— В ночь бомбежки автострады, в лесу, километрах в сорока от Борнбурга, заработала неизвестная радиостанция. Теперь уже ясно, что это русская радиостанция. Работает на позывных «Россия». Было сделано шесть передач. Переданы краткие сообщения — «Россия-3», и больше ничего. А что это обозначает, черт его знает.

— Удалось установить, откуда шли передачи? — почтительно осведомился Попель.

— Более или менее. Вот они отмечены на карте. Первая — из района автострады, вторая и третья — из Кляйндорфа, четвертая и пятая — из Буцена. Последняя, шестая передача, сделана из-под Борнбурга.

Попель сразу же заострившимся взглядом внимательно уставился в карту.

— Ну, что вы там еще высмотрели? — нетерпеливо прервал затянувшееся молчание фон Гейм.

— Вы, господин полковник, конечно, обратили внимание на одну особенность, — вкрадчиво заговорил Попель.

— Какую? — недоверчиво взглянул на майора фон Гейм и тоже уперся взглядом в карту.

— И Кляйндорф и Буцен граничат с имениями господина фон Бломберга.

— Ну и что же?!

— Грюнманбург находится тоже в имении господина фон Бломберга, только в третьем его имении, под Борнбургом.

— Ах, черт! — поразился фон Гейм. — И верно. Это какое-то совпадение.

— А если допустить, что здесь не совпадение, а просто русские, узнав, что Грюнманбург находится в одном из имений господина фон Бломберга, ищут его?

— Вы так думаете? — растерянно спросил фон Гейм.

— Я почти убежден, господин полковник, что русские ищут Грюнманбург. Взгляните на карту, они приближаются к Грюнманбургу. Ведь последняя передача была из Борнбурга. Полковник искоса кинул на Попеля недовольный взгляд, но, сдержав нарастающее раздражение, продолжал:

— Если бы только передача. Позавчера в лесу под Борнбургом обнаружены два трупа. Пролежали в земле несколько дней. Один из убитых — сержант Рихтер, второй — рядовой Гунке. Но дело в том, — снова взрываясь, ударил кулаком по карте фон Гейм, — что оба эти мерзавца были убиты уже давно и даже не в Германии. За каким дьяволом их двойники появились в Борнбурге? Что их там интересовало?

— Их интересовал не Борнбург, господин полковник, — почтительно проговорил Попель. — Их интересовал Грюнманбург. Ведь он там совсем рядом.

— Вы думаете, что я совсем круглый идиот! — заорал фон Гейм. — Ясно, что не Борнбург — эта дыра с пивнушками — интересуется наших противников!..

Тираду фон Гейма оборвал резкий телефонный звонок. Фон Гейм схватил трубку.

— Ну, что там еще? — крикнул он в телефон. — Новые данные? Так что же вы мне их не доставили немедленно! Давайте быстрее!

Бросив трубку на рычажок аппарата, полковник сердито взглянул на Попеля:

— Работай вот с такими ослами. В одиннадцать часов прибыло сообщение из Борнбурга, а я его до сих пор не имею. Что я доложу по этому делу господину министру? Я вас спрашиваю, майор Попель! Что?

Майор не успел ответить на гневный вопрос своего начальника. В дверь кабинета постучали.

— Войдите! — крикнул фон Гейм.

У двери вытянулся в струнку перепуганный обер-лейтенант. В руках он держал небольшой сверток и лист бумаги.

— Прошу простить, господин полковник! Сообщение задержано потому, что вы беседовали с господином майором. Я не решался помешать.

— Что там? — свирепо глядя на обера, спросил фон Гейм.

— Борнбургское отделение гестапо сообщило, что в лесной посадке, в двухстах двадцати восьми метрах на север от автострады и в тридцати восьми километрах от Борнбурга, обнаружены следы сожженной какой-то химической жидкостью одежды. Что это за одежда, установить не удалось.

— В тридцати восьми километрах от Борнбурга? — переспросил фон Гейм. Не ожидая ответа, он спичкой отметил расстояние на карте и недовольно присвистнул. Коней спички уперся в отметку на карте о первой радиопередаче. Фон Гейм и Попель молча переглянулись. Затем полковник спросил обер-лейтенанта:

— И это все?

— Никак нет, — дрожащим голосом добавил обер-лейтенант. — В ста пятидесяти метрах от места, где была сожжена одежда, крестьянин Петер Шейк, распахивая пустошь,

обнаружил вот это... — и обер-лейтенант, развернув сверток, положил его на стол полковника.

Перед фон Геймом лежала кучка латунных, чуть потемневших пуговиц и эмалевая звездочка с серпом и молотом. Несколько минут стояло молчание.

— Офицерские, с шинели, — тоном знатока проговорил майор Попель, взяв одну из пуговиц.

— Были закопаны на глубине двадцати двух сантиметров, — несколько осмелев, добавил обер-лейтенант. — Начальник Борнбургского отделения господин Цехауер ходатайствует о награждении крестьянина Петера-Шенка.

— Наградить, хорошо наградить, — одобрительно кивнул фон Гейм. — Пусть знают, что мы щедро награждаем тех, кто верно служит фюреру. Идите.

— Сколько их высадилось? — первым заговорил фон Гейм. — Не один же, во всяком случае.

— Может быть, вы найдете нужным, господин полковник, дать указание Цехауеру... — заискивающе начал Попель.

— Цехауер — дурак, — обрезал его фон Гейм. — Предан, исполнительен, но дурак. Он провалит все. Русские его кругом пальца обведут. Нет, рисковать нельзя. Дело слишком серьезное, и его можно доверить только вам, Помните, рядом с Борнбургом находится Грюнманбург. А вы знаете, что это значит.

Майор встал. По выражению лица Попеля было не заметно, чтобы его обрадовало это высокое доверие начальства. Но фон Гейма не интересовало мнение подчиненного. Расхаживая по кабинету, он коротко проинструктировал майора и в заключение сказал:

— Учтите: вся ответственность за безопасность Грюнманбурга с сегодняшнего дня ложится на вас. Я так и доложу господину министру. В охранении Грюнманбурга вы — мозг, а Цехауер и его люди—ваши руки, ваш кулак. Прочешите все леса, закройте все дороги, проверяйте каждого человека хотя бы три раза, но уничтожьте русских, рвущихся к Грюнманбургу. В первую очередь с помощью пеленгаторов захватите передатчик. Я убежден, что сейчас русские прячутся в лесах, окружающих Борнбург. Леса, леса и леса должны быть предметом вашего особого внимания. Русские из лесов не вылезут — это для них привычная стихия, — продолжал напутствие фон Гейм, не заметив откровенно презрительного взгляда, который бросил на него Попель, услышав последние слова своего начальника. — Да, еще вот что. В Грюнманбурге сейчас фрейлейн Лотта Шуппе. Она очень крупный ученый, пользующийся особым доверием-фюрера. Учтите это...

Оборвав фразу, фон Гейм прислушался. Даже сквозь плотные гардины в кабинет донеслись отдаленные всполошные вопли сирен. Постепенно все новые и новые сирены вливались в общий хор, и через несколько мгновений их надсадный, хватающий за душу вой уже звучал со всех сторон.

Фон Гейм остановился, нервно потирая руки и опасно косясь на окна.

— Кроме того, в Грюнманбурге сейчас находится штандартенфюрер, господин Эрнст Брук, — говорил он, стараясь сохранить спокойный вид. — Запомните это имя — Эрнст Брук. Вы окажете господину Бруку всемерную поддержку во всем, что бы он ни потребовал. Вам все понятно?

Ответ Попеля потонул в оглушительном грохоте взрыва. Под самый потолок взлетели тяжелые гардины. Со звоном посылались на пол выбитые взрывной волной стекла. Стены дрогнули и качнулись.

— Русские самолеты!.. — торопливо запирая сейф, крикнул фон Гейм. — В соседнем квартале положили... В убежище!

Он бегом кинулся из кабинета, на ходу крича следующему за ним Попелю:

— Быстрее в убежище! Незачем бравировать! Мы еще нужны фюреру!

В ЛАБОРАТОРИИ «А»

Чины охраны подземного города относились к Эрнсту Бруку с подобострастием значительно большим, чем к самому генералу Лютце. При первом обходе подземных помещений Брук ознакомил всех командиров охраны с документом, подписанным Гиммлером. Этого оказалось достаточно: от штандартенфюрера СС, состоящего при особе страшного рейхсминистра, не могло быть никаких секретов в подземном городе.

Эрнст Брук проводил в Грюнманбурге целые дни. Он молчаливо присутствовал на ежедневных приемах генерала. С одинаковым вниманием Брук выслушивал доклады начальников секторов подземного города и распоряжения фон Лютце. Не было на территории подземного города уголка, в который не заглянул бы любопытный Брук один или в сопровождении генерала.

Как-то утром, через несколько дней после приезда Брука в Грюнманбург, фон Лютце встретил входящего в кабинет американца с необыкновенным оживлением.

— Сегодня ты увидишь поразительную вещь, — приветствовал он своего друга поневоле. — Это, конечно, не то, что делается в лаборатории «А», но тоже шикарная штука. Пойдем.

Генерал и штандартенфюрер спустились в один из нижних этажей подземного города, где был расположен госпиталь, и вошли в палату, носившую среди врачебного персонала условное обозначение «Зет». Собственно говоря, это была даже не палата, а обособленное, правда небольшое, отделение госпиталя. Высоких посетителей встретил сам главный врач госпиталя и провел в небольшую комнату, вход в которую разрешался очень немногим. Обстановка комнаты была очень простой: несколько табуретов, операционный стол, столик для медикаментов и несколько шкафов с медицинскими инструментами. Из медиков здесь, кроме врача, были два его ассистента, уже немолодые, молчаливые люди. Один из них сразу же вышел из комнаты.

— Все готово? Вы нас не задержите? — осведомился фон Лютце у врача,

— Никак нет. Все подготовлено, — склонился тот в любезном полупоклоне. — Сию минуту его приведут. Прошу надеть маски.

— Сейчас увидите, что такое препарат «Цеэм». Это наша гордость, — сообщил генерал Бруку, потирая ладони.

Брук, ничего не ответив, начал завязывать на затылке поданную ему марлевую маску. Угожливо склонясь, главный врач надел такую же маску на генерала.

Через полминуты в комнату в сопровождении ходившего за ним ассистента, вошел эсэсовец, раненный в драке. Очень высокого роста, худой, с глубоко ввалившимися глазами, он шел, тяжело дыша и с трудом переставляя ноги. Увидев генерала и штандартенфюрера, эсэсовец попытался вытянуться и поднять для приветствия руку, но разрешающий кивок генерала остановил его, и он поплелся к столу.

— Как вы чувствуете себя, друг мой? — глухо из-под маски спросил врач.

— Неплохо. Ей богу, неплохо, — ответил раненый, с помощью ассистента ложась на стол.

— Как, по-вашему, доктор, скоро я буду готов на выписку?

— Скоро, очень скоро, — торопливо заверил его врач, — Вы знаете, дружок, что вам нельзя больше служить в войсках фюрера? — спросил, подходя к столу, фон Лютце. — Вы теперь инвалид.

Раненый с трудом приподнялся на локте и с угрюмой настороженностью взглянул на генерала.

— Я с самого начала верно служил фюреру, — с обидой ответил он. — Воевал в Испании, Франции, Африке, Фюрер не может выбросить меня просто так.

— Конечно, конечно, — согласился фон Лютце. — Пенсия вам будет обеспечена. И хорошая пенсия.

— Так чего же мне горевать, — хмуро улыбнулся раненый. — Кость у меня крепкая. И инвалидом проживу сто лет.

— Да ложитесь вы! — нервно прикрикнул на него врач.

Когда бинты с раненого были сняты, один из ассистентов подал врачу плотно закрытую пробирку с бесцветной жидкостью. Открыв пробирку, врач обмакнул в жидкость вату, зажатую в пинцете, и, многозначительно показав ее генералу, осторожно смазал края хорошо зарубцевавшейся, подживающей раны.

— Бинтуйте! — приказал врач одному из ассистентов, бросая вату и опустевшую пробирку в металлический бак. Второй ассистент сразу же закрыл бак плотной крышкой и вынес его из комнаты.

Слой за слоем ложились бинты на похудевшую, с выпирающими ребрами грудь раненого. В комнате стояла гнетущая тишина. Фон Лютце и Брук, забыв снять уже ненужные сейчас маски, с интересом смотрели на раненого. Врач, нервным движением сорвав маску с лица, отошел в сторону.

— Вы сможете сами дойти до койки? — спросил он, не глядя на раненого.

— Конечно, смогу, — ответил тот.

С помощью кончившего бинтовать ассистента он спустился со стола. Затем, отстранив ассистента, медленно направился к выходу.

— Конечно, смогу, — тяжело дыша, говорил он на ходу. — Ведь мне пора на выписку. Скоро домой... Ой! Что это?..

Мучительная судорога свела все тело раненого. Он оглянулся и глазами, полными боли и ужаса, посмотрел на врача. Новый приступ судороги опрокинул его навзничь, и он, тяжело рухнув на пол, умолк.

— Вот и все! — весело пискнул генерал. — В этой концентрации «Цеэм» действует безотказно, не будь я фон Лютце. Пойдемте, дорогой Брук. Опыт удался.

Шагая вместе с Бруком по коридорам подземного города к своему кабинету, генерал сиял от удовольствия. Ему не терпелось поскорее рассказать Бруку, каких трудов стоил ему этот препарат, как благосклонно отнеслось к идее создания такого препарата высшее командование. Но, не желая, чтобы часовые у дверей слышали его слова, генерал сдерживался. Зато, едва лишь за ними закрылась дверь кабинета, фон Лютце испытующе спросил Брука:

— Ну, как наш «Цеэм»? Интересная штучка?

— Блеф! — процедил сквозь зубы Брук.

— Ты просто завидуешь, — игриво хохотнул фон Лютце. — Мы нашим «Цеэмом» поставим русских на колени...

— Чепуха, — отрезал Брук. — Хорош только для индивидуального потребления. — Увидев изумленный взгляд генерала, Брук неожиданно рассердился и ядовитым тоном спросил; — Вы что же, дорогой кузен, хотите русских поодиночке ловить и смазывать их этим самым «Цеэмом»? Пока вы, высокочтимый барон, справитесь хотя бы с одним русским Иваном, он из вас мартышку сделает.

Генерала передернуло. Последние слова американского родича он воспринял как намек на свою наружность. Эрнст Брук и сам почувствовал, что перегнул, и заговорил примирительно:

— Надо продолжать изыскания, дорогой кузен. Надо сделать препарат устойчивым и добиться возможности использовать его в артиллерии. Надо научиться покрывать им поверхность снарядов, вводить его в состав, употребляемый при воронении. Добиться того, чтобы даже мельчайший осколок артиллерийского снаряда нес смерть.

— Как вы чувствуете себя, друг мой? — глухо из-под маски спросил врач.

— Неплохо. Ей богу, неплохо, — ответил раненый, с помощью ассистента ложась на стол.

— Как, по-вашему, доктор, скоро я буду готов на выписку?

— Скоро, очень скоро. — торопливо заверил его врач,

— Вы знаете, дружок, что вам нельзя больше служить в войсках фюрера? — спросил, подходя к столу, фон Лютце. — Вы теперь инвалид.

Раненый с трудом приподнялся на локте и с угрюмой настороженностью взглянул на

генерала.

— Я с самого начала верно служил фюреру, — с обидой ответил он. — Воевал в Испании, Франции, Африке, Фюрер не может выбросить меня просто так.

— Конечно, конечно, — согласился фон Лютце. — Пенсия вам будет обеспечена. И хорошая пенсия.

— Так чего же мне горевать, — хмуро улыбнулся раненый. — Кость у меня крепкая. И инвалидом проживу сто лет.

— Да ложитесь вы! — нервно прикрикнул на него врач.

Когда бинты с раненого были сняты, один из ассистентов подал врачу плотно закрытую пробирку с бесцветной жидкостью. Открыв пробирку, врач обмакнул в жидкость вату, зажатую в пинцете, и, многозначительно показав ее генералу, осторожно смазал края хорошо зарубцевавшейся, подживающей раны.

— Бинтуйте! — приказал врач одному из ассистентов, бросая вату и опустевшую пробирку в металлический бак. Второй ассистент сразу же закрыл бак плотной крышкой и вынес его из комнаты.

Слой за слоем ложились бинты на похудевшую, с выпирающими ребрами грудь раненого. В комнате стояла гнетущая тишина. Фон Лютце и Брук, забыв снять уже ненужные сейчас маски, с интересом смотрели на раненого. Врач, нервным движением сорвав маску с лица, отошел в сторону.

— Вы сможете сами дойти до койки? — спросил он, не глядя на раненого.

— Конечно, смогу, — ответил тот.

С помощью кончившего бинтовать ассистента он спустился со стола. Затем, отстранив ассистента, медленно направился к выходу.

— Конечно, смогу, — тяжело дыша, заговорил он на ходу. — Ведь мне пора на выписку. Скоро домой... Ой! Что это?..

Мучительная судорога свела все тело раненого. Он оглянулся и глазами, полными боли и ужаса, посмотрел на врача. Новый приступ судороги опрокинул его навзничь, и он, тяжело рухнув на пол, умолк.

— Вот и все! — весело пискнул генерал. — В этой концентрации «Цеэм» действует безотказно, не будь я фон Лютце. Пойдемте, дорогой Брук. Опыт удался.

Шагая вместе с Бруком по коридорам подземного города к своему кабинету, генерал сиял от удовольствия. Ему не терпелось поскорее рассказать Бруку, каких трудов стоил ему этот препарат, как благосклонно отнеслось к идее создания такого препарата высшее командование. Но, не желая, чтобы часовые у дверей слышали его слова, генерал сдерживался. Зато, едва лишь за ними закрылась дверь кабинета, фон Лютце испытующе спросил Брука:

— Ну, как наш «Цеэм»? Интересная штучка?

— Блеф! — процедил сквозь зубы Брук.

— Ты просто завидуешь, — игриво хохотнул фон Лютце. — Мы нашим «Цеэмом» поставим русских на колени...

— Чепуха, — отрезал Брук. — Хорога только для индивидуального потребления. — Увидев изумленный взгляд генерала, Брук неожиданно рассердился и ядовитым тоном спросил; — Вы что же, дорогой кузен, хотите русских поодиночке ловить и смазывать их этим самым «Цеэмом»? Пока вы, высокочтимый барон, справитесь хотя бы с одним русским Иваном, он из вас мартышку сделает.

Генерала передернуло. Последние слова американского родича он воспринял как намек на свою наружность. Эрнст Брук и сам почувствовал, что перегнул, заговорил примирительно:

— Надо продолжать изыскания, дорогой кузен. Надо сделать препарат устойчивым и добиться возможности использовать его в артиллерии. Надо научиться покрывать им поверхность снарядов, вводить его в состав, употребляемый при воронении. Добиться того, чтобы даже мельчайший осколок артиллерийского снаряда нес смерть.

Генерал угрюмо кивал головой. Про себя он поклялся, что никогда не простит обнаглевшему американцу эту «мартышку» и при первой возможности оплатит за нее сторицей. «Только представится ли когда-нибудь эта возможность?» — уныло спросил себя генерал.

— Когда же ты повезешь меня в лабораторию? — нарушил неловкое молчание Брук.

Генерал, не отвечая, снял трубку.

— Дайте четвертый, — сердито пискнул он. — Фрейлейн Шуппе? Здравствуйте! Как обстоят у вас дела?

Несколько секунд карлик слушал ответ начальника лаборатории, недовольно морщась. И вдруг закричал высоким, срывающимся на писк голосом:

— Работу надо начинать не позднее чем послезавтра. Послезавтра — последний срок. Через два часа я сам к вам приеду. Да, сам, сам! Сам все проверю! — раздраженно закончил он и бросил трубку на рычажки аппарата.

— За два часа я успею переговорить с Берлином, — делая вид, что не замечает раздражения генерала, поднялся с места Брук. — Я буду на радиостанции.

Фон Лютце кивнул головой и, закрыв с утомленным видом глаза, откинулся в уголок кресла. Радиостанция подземного города находилась в самой вершине холма. Брук неторопливо прошел по коридорам и лестницам, критическим взглядом оценивая прочность железобетонных перекрытий между этажами.

«Холм внутри совсем пустой, как ореховая скорлупа, — сделал он неутешительный вывод.

— Если накрыть тяжелыми фугасными бомбами, расколется до самой преисподней».

Преисподней практичный американец называл пустовавшие сейчас помещения для военнопленных. Остановившись перед дверью радиостанции, он неодобрительно подумал: «Дверь стальную, в двадцать сантиметров закатили, а над головой всего полтора метра железобетона да метра два-три земли. На маскировку надеются. Не просчитались бы».

Два радиста — немолодой рыжеватый сержант и здоровенный верзила-рядовой, вскочив, приветствовали штандартенфюрера громогласным «хайль Гитлер!». Сержант с лихостью старого служаки доложил:

— На радиостанции все благополучно, никаких происшествий нет. Производим смену дежурств. Докладывает сержант Гиберт.

— Кто сейчас на дежурстве? — довольный четким рапортом, спросил Брук.

— Принимает дежурство сержант Гиберт, — отчеканил рыжеватый.

— Так заканчивай прием, и пусть твой напарник отправляется на отдых, — потребовал Брук.

Через минуту в помещении радиостанции остались только сержант и штандартенфюрер.

— Вот тебе волна и позывные, — сказал Брук, кладя перед радистом листок бумаги. — Когда вызовешь, передавай текст и жди ответа. — Он положил второй листок рядом с первым.

Радист начал выстукивать позывные, Брук, глядя, как под светом электрической лампы золотится шевелюра сержанта-радиста, думал: «Почему это среди немцев, так много рыжих? Ведь немцы должны быть белокурами».

Запрашиваемая станция ответила сразу, словно ждала этого вызова. Сержант взял второй листок.

«Лично фон Гейму, — читал он текст радиограммы, в то время как рука его, лежавшая на ключе, посылала в эфир короткие точки и тире. — Что предпринято для лечения Греты Верк? В какой больнице она находится? Возможно ли (выздоровление? Ответ ожидаю у аппарата Брук».

Закончив передачу, радист облокотился на стол перед аппаратом. Несколько минут в помещении стояла тишина. Брук нетерпеливо заерзал на своем стуле, но лицо радиста сохраняло выражение бесстрастного внимания. Вслушиваясь в гудение эфира, он даже прищурил глаза, чтобы не пропустить сигнала вызова.

— Сержант! — окликнул радиста Брук. Гиберт с быстротой хорошо выдрессированного служаки вскочил на ноги. — Сиди, сиди. Давно в армии?

— С тридцать второго, господин штандартенфюрер.

— Воевал?

— Так точно. В Испании и Польше.

— Награды имеешь?

— Имею. Крест и две медали.

— Если будешь молчать, получишь третью, — после короткой паузы пообещал Брук. — Мои радиogramмы в журнал не заносить. Понял?

— Так точно, господин штандартенфюрер, понял. Только...

— В следующий раз для записи в журнал я принесу другой текст. Согласен?

— Так точно. Готов служить, господин штандартенфюрер.

— Молодец. Кроме медали, получишь еще кое-что. Брук вынул из кармана сигарету и стал разминать

ее, готовясь закурить. Но в этот момент запищал аппарат, и радист начал прием. Штандартенфюрер вскочили, наклонясь над плечом записывающего радиста, стал читать ответ на свою радиogramму:

«Положение неопределенное. Подробную информацию получите у доктора Попеля, выехавшего к вам. Гейм».

Брук вскипел. Немецкие, американские и даже итальянские ругательства посыпались с его языка. Весь этот букет крепких выражений адресовался «болванам», не способным разыскать «девчонку», которую сами же запрятали в один из своих «собачьих ящиков».

Сержант, вскочив с места, почтительно вытянулся и с сочувственным видом выслушивал длинный набор ругательств. Красноречие Брука было остановлено резким звонком телефона. Брук сам поднял трубку.

— Сейчас пятнадцать сорок. В шестнадцать часов я должен быть в лаборатории «А», — услышал он недовольный голос фон Лютце. — Намерены вы ехать со мной?

— Иду, — ответил в трубку штандартенфюрер. Взяв со стола радиста листки с записями радиogramм, он скомкал их, сунул в карман и, бросив на прощанье радисту: «Не болтай!», торопливо вышел из комнаты.

Радист, проводив глазами разъяренного эсэсовца, усмехнулся, подошел к двери и запер ее. Затем, присев к столику, он торопливо взял чистый листок бумаги.

«Волна 11,5, позывные «Викинг», лично фон Гейму. Что предпринято для лечения Греты Верк...» - мелким бисерным почерком записывал сержант, восстанавливая по памяти только что переданную и полученную радиogramмы.

Комфортабельный «Мерседес» за семь-восемь минут доставил фон Лютике и Эрнста Брука в лабораторию «А». Брук обратил внимание, что значительную часть пути над их головой тянулись маскировочные сети. Никакого шоссе и в помине не было. «Мерседес» шел на средней скорости по слабо укатанной полевой дороге. Колеса дороги были едва обозначены двумя полосами смятой травы. Брук про себя отметил, что достаточно одного хорошего дождя или прекращения движения на неделю, чтобы дорога снова исчезла, слилась с травой. «Неплохо, — одобрительно подумал Брук. — Самолету, даже с небольшой высоты, эту дорожку заметить невозможно».

Через минуту машина остановилась у входа в лабораторию «А». Замаскированная кустами невысокая стальная дверь охранялась эсэсовцами. Генерал достал из кармана ключ с очень сложной фигурной бородкой и, сунув его в замочную скважину, повернул. Раздалось тиканье часового механизма. Выждав положенное время, фон Лютце на циферблате, окружавшем замочную скважину, набрал какое-то число, затем последовательно нажал несколько заклепок, покрывавших дверь. Негромко шурша, дверь медленно пошла вправо, скрываясь в откосе холма. Генерал и Брук вошли в темный, спускавшийся вниз коридор. Так же медленно дверь пошла обратно, закрывая вход. Едва лишь она закрылась, как коридор осветился тускловатым электрическим светом, и генерал в сопровождении Брука начал спускаться вниз.

— Сколько ключей имеется в обращении? — негромко спросил Брук.

— Два, — коротко ответил генерал, — У меня и начальника лаборатории.

Брук одобрительно посматривал на железобетонные стены коридора, уходящего вниз отлогой четырехугольной спиралью. Каждый завиток спирали отделялся от другого стальной дверью.

Здесь уже не было никакой охраны. Не вынимая ключа, генерал открывал двери простым нажимом кнопки, каждый раз безошибочно находя ее среди десятков заклепок, покрывавших дверь.

— Охраны нет, — заговорил генерал, предупреждая вопрос Брука. — Она здесь не нужна и, пожалуй, опасна. Люди всегда болтают... даже эсэсовцы, — язвительно закончил фон Лютце. Брук сердито покосился на генерала. Намек на болтливость эсэсовцев он не без основания принял на свой счет.

Генерал и его спутник прошли четыре полных витка спирали. На десяток метров дальше коридор заканчивался тупиком. Штандартенфюрер уже протянул руку, чтобы остановить семенившего впереди фон Лютце, но вдруг заметил справа очень небольшую, сливавшуюся со стеной дверь. Повинуясь нажиму кнопки, она тоже отошла вправо, и генерал с американцем вошли в просторное, залитое ровным, спокойным светом помещение.

От тянувшегося вдоль противоположной стены пульта поднялась высокая белокурая девушка, одетая в синий плотный комбинезон, и подошла к гостям.

— Фрейлейн Шарлотта Шуппе, начальник лаборатории «А». Штандартенфюрер СС, господин Эрнст Брук, уполномоченный господина рейхсминистра, — кислым тоном познакомил девушку и эсэсовца генерал. — Прошу садиться, — пригласил он и направился к круглому столу, стоявшему вправо от двери.

Этот уголок помещения представлял как бы гостиную в миниатюре. Небольшой круглый стол застилала пушистая темно-бордовая скатерть. На столе стояли пепельница, сифон с сельтерской водой и стаканы. Вокруг стола группировалось полдюжины стульев, состоящих из гнутых металлических трубок и обтянутых искусственной кожей пружинных сидений.

— Садитесь, господа, — повторил приглашение фон Лютце, забравшись на стул.

Девушка и эсэсовец тоже сели к столу.

— Ну, как дела, фрейлейн Шуппе? — начальственным тоном спросил генерал. — Я обещал Берлину, что послезавтра вы начнете работу.

Девушка устало улыбнулась.

— Начнем работу... по проверке готовности аппаратов, — ответила она. — Проверка тоже потребует времени.

Фон Лютце недовольно завозился на стуле, но Грета, будто не замечая впечатления, которое произвели на генерала ее слова, спокойно подтвердила:

— Да, потребуется время, и немалое. Во всяком случае, несколько дней. Мы и так работаем на пределе человеческих возможностей. Торопиться, чтобы в результате спешки взлететь на воздух, как мои предшественники, я не намерена.

Генерал поежился. Он вдруг вспомнил, что находится в лаборатории, где всегда возможны десятки неожиданностей, и любая, самая безобидная из них, не оставляет от человека никакого следа. Он уже собирался, сократив свое инспекторское посещение, ретироваться, когда Брук спросил:

— И это вся ваша лаборатория?

С того момента, когда Брук увидел девушку, он не спускал с нее восхищенного взгляда. Ослепительная красота Греты поразила его. Однако от лаборатории Брук явно был не в восторге — в тоне его вопроса авучало разочарование.

— Нет, что вы, — скупой улыбнулась Грета. — Здесь только приборы параллельного контроля и сейф с документацией. Это вспомогательное помещение. Лаборатория там, внизу. Хотите посмотреть? — деловито осведомилась она, поднимаясь. Брук встал следом за нею. Не' довольно покряхтывая, слез со стула и генерал.

В дальнем углу комнаты, куда направилась Грета, лежало что-то такое, что Брук вначале принял за большое колесо. Только подойдя ближе, он рассмотрел, что это железобетонное

колесо является горловиной шахты, закрытой толстым металлическим кругом. Девушка повернула рукоятку подъемного механизма, и круг с легким скрежетом отошел в сторону. Вниз на большую глубину уходил отвесный ствол шахты диаметром чуть больше метра. Узкая железная лестница типа пожарной, укрепленная на крепких стальных штырях, была намертво вмурована в стену шахты. Неосвещенный ствол выглядел мрачным и глубоким. Нижний конец его упирался в следующее подземное помещение, где горело несколько мощных электроламп.

— Нижнее помещение в два с лишним раза больше, чем это; там находится сердце нашей лаборатории, — объяснила Грета. — Не угодно ли спуститься вниз? Правда, лестница несколько крутовата...

Генерал отрицательно затряс головой. Брук, взглянув испытующе на крутую, узкую лестницу, на тонкие ступеньки из стальных прутьев, тоже не выразил желаний воспользоваться приглашением хозяйки.

— А это что за проводка? — спросил штандартенфюрер, указывая на десятки проводов различного сечения, протянутых из глубины шахты. Часть проводов направлялась к пульту, но значительно большее количество уходило в стену.

— Это жизненные нервы нашей лаборатории, — все так же лаконично отвечала Грета. — Толстый — кабель, по которому к нам поступает электроэнергия. Эта часть проводов идет на контрольные аппараты и на пульт, а вот те, красные и пестрые, передают сигналы на записывающие аппараты, находящиеся далеко за пределами нашей лаборатории.

— Да, — важно подтвердил Лютце. — Эти аппараты стоят рядом с моим кабинетом. Я так приказал. Они установлены, так сказать, на всякий случай, — счел нужным добавить генерал. — Если здесь опять все взлетит на воздух...

Брук насмешливо покосился на генерала, но ничего не сказал, а фон Лютце уточнил:

— Если бы в прошлый раз записывающие аппараты не стояли вдали от лаборатории, мы бы так и не знали, на какой стадии остановились исследования. Ведь исследователи после взрыва ничего не могли сообщить мне.

Теперь и Грета не сдержала насмешливой улыбки. Брук, иронически поблагодарив генерала, отошел к пульту. Фон Лютце невозмутимо вглядывался в глубину шахты.

— Вам часто приходится спускаться туда, фрейлейн Шуппе? — уже совсем не начальственным током спросил он.

— Каждый день по нескольку раз, господин генерал.

— Это, должно быть, очень... — начал генерал и вдруг, оборвав фразу, прислушался. Из глубины шахты до него донеслись тихие, но четкие звуки, похожие на щелканье метронома.

— Что это там? — встревоженно спросил фон Лютце.

— Сейчас идет проверка приборов, господин генерал. Часть приборов уже действует, их работу я и контролировала перед вашим приходом.

— Но, надеюсь, там не может произойти... какая-либо глупая случайность?

В глазах девушки мелькнул злой огонек.

— Испытываемое вещество уже спущено в нижнее помещение, — ответила она невозмутимо. — Теоретически всякая случайность исключена, но... когда ведутся исследования, никто не гарантирован от неожиданностей.

Генерал отпрянул от шахты и засеменил к столу, жестом пригласив Грету следовать за собой.

— Как вы устроились, фрейлейн Шуппе? — осведомился он, опасливо поглядывая в сторону шахты. Не ожидая ответа собеседницы, фон Лютце торопливо добавил: — Я приказал, чтобы вас устроили возможно уютнее.

— Благодарю вас, господин генерал. Я всем довольна, — сдержанно ответила девушка.

— В военное время приходится мириться с многими неудобствами. — Генерал взглянул на часы. — Черт возьми, совсем забыл, что в семнадцать ноль-ноль мне необходимо говорить с Берлином. Поехали, господин Брук, — позвал фон Лютце своего спутника,

внимательно разглядывавшего контрольные приборы.

— Простите, господин генерал, — с неожиданной почтительностью ответил штандартенфюрер, — мне хотелось бы побеседовать с фрейлейн Шуппе. У меня разговор, совсем не связанный с ее работой, но чрезвычайно важный. Может быть, вы позволите...

— Хорошо, хорошо, — перебил генерал Брука. — Машина вернется за вами через пятнадцать минут. До свидания, фрейлейн Шуппе, а с вами, дорогой Брук, я не прощаюсь. Нет, нет, не беспокойтесь!.. Я один!

И генерал заторопился к двери, провожаемый недоуменным взглядом Брука и снисходительной усмешкой девушки.

Глава 17

ГДЕ ГРЕТА ВЕРК?

Как только генерал Лютце скрылся за дверью, Брук потерял всякий интерес к оборудованию лаборатории. Подойдя к столу, он попросил Грету сесть. Девушка с легким вздохом опустилась в кресло.

— Фрейлейн Шуппе! — любезно осклабился Брук, усевшись против Греты. — Мне нужна ваша помощь в одном небольшом деле. Могу ли я рассчитывать, что вы не откажете мне?

Грета молча кивнула голопой.

— Прошу вас быть со мной вполне откровенной, — продолжал Брук. — Генерал Лютце уже отрекомендовал меня вам, но, чтобы у вас не осталось никаких сомнений, ознакомьтесь, пожалуйста, вот с этим документом.

Брук достал из кармана лист бумаги, который предъявлял при первой встрече генералу Лютце, и протянул его Грете,

— Как видите, он подписан самим рейхсминистром господином Гиммлером, — подчеркнул ээсовец, когда девушка возвратила ему документ. — И все же я не приказываю, а прошу помочь мне.

— Если я чем-либо могу... — начала девушка.

— Можете, можете, — перебил ее ээсовец. — Меня прежде всего интересует такой вопрос: где находится в настоящее время ваша подруга детства Грета Верк?

Грета чуть не вскрикнула от неожиданности. «Только бы он не заметил, что я испугалась, только бы не побледнеть», — в смятении думала она.

Наружно девушка казалась совершенно спокойной, лишь острый блеск глаз да нервное движение пальцев, теребивших бахрому скатерти, выдавали ее волнение.

«Выследили, — с тревогой думала Грета, — а теперь играют, как кошка с мышью. Зельц внизу, он ничего не услышит», — почему-то пожалела она.

А Брук, старательно укладывая документ в карман, даже не глядел в лицо Греты. Это помогло ей взять себя в руки.

— Грета Верк никогда не была моей близкой подругой, — стараясь придать голосу высокомерие, ответила девушка. — В последний раз я видела ее в тысяча девятьсот тридцать восьмом году. Она вместе со своим отцом собиралась куда-то уезжать. Кажется, в Америку. По-моему, она туда и уехала.

— К сожалению, милейшая фрейлейн Шуппе, Грета Верк в Америку уехать не захотела. Мы уже выяснили: в Америку уехал только ее отец, Эрих Верк, а Грета приняла участие в деятельности подпольных коммунистических организаций. Она даже была связана с французским и бельгийским подпольным движением.

— Скажите, пожалуйста! — вежливо удивилась Грета.

— Да, да. Около девяти месяцев назад ее арестовали и, представьте себе, просто как еврейку. Тогда о ее подпольной работе еще ничего не знали. Всего месяц, как ее направили в Польшу, в один из лагерей. Но эшелон попал под бомбежку на станции Зегер, и большинство арестованных разбежалось. С тех пор Грета Верк бесследно исчезла.

Скажите откровенно, в течение последнего, месяца вы не получали от нее каких-либо вестей? Не знаете, где она сейчас? Считайте, пожалуйста, наш разговор дружеским и совершенно конфиденциальным.

— Если бы я знала, где она находится, я немедленно сообщила бы куда следует, — холодно ответила Грета, никак не реагируя на последнюю фразу собеседника.

— Не сомневаюсь, не сомневаюсь, — поспешно согласился Брук. — Но я как раз хотел бы другого. Если вам в будущем что-либо станет известно о Грете Верк, я прошу вас сообщить об этом мне и никому больше.

— Хорошо, — после минутного колебания согласилась девушка. — Но если Грету Верк настигла бомбежка в Зегере, то она, наверное, погибла. Это был такой ужас!.. Я ведь в этот момент выезжала из Зегера... Мне показалось, что его стерли с лица земли.

— Сам поселок не особенно пострадал. А вот от заводов ничего не осталось.

— Бедный папа! — выдавила из себя Грета.

— Да, господину Шуппе эта бомбежка обошлась не дешево, — сочувственно покачал головой Брук. — Не скажите, уважаемая фрейлейн Шуппе, Грета Верк занималась исследованиями в той же научной области, как и вы. Как, по-вашему, она была талантливым физиком?

Грета уже полностью овладела собой. Поняв, что высокопоставленный ээсовец ничего не подозревает, она отвечала спокойно, обдумывая каждое слово.

— Я считаю, что Грета, Верк была способным научным работником. Она, так же как и я, интересовалась физикой атомного ядра. Но исследования в этой области требуют громадных затрат. А Грета была очень ограничена в средствах. Откуда она могла их достать?

— Ну, средства на такие исследования достать нетрудно. Найдутся... — не удержался Брук. Заметив недоумевающий взгляд собеседницы, он изменил направление разговора. — Да, действительно, Грета Верк могла погибнуть при бомбежке Зегера. Это самое скверное, самое нежелательное. Но мы это установим. В Зегере обыщут все развалины.

— На что же она вам мертвая? — вырвалось у девушки.

— Мертвая она нам не нужна, конечно... Но действительно ли она погибла?..

Несколько секунд тянулось молчание. Грета сидела непринужденно, ожидая новых вопросов штандартенфюрера.

Эрнст Брук достал из бокового кармана плоский кожаный футляр и открыл его. Задумчиво повторив несколько раз «Действительно ли она погибла?..». Брук разыскал в футляре какую-то фотокарточку.

Взглянув на снимок, он несколько секунд изумленно рассматривал Грету.

— Что за наваждение! — наконец обретши способность говорить, воскликнул Брук. — Я слышал про сходство, но не до такой степени!

— Что такое? — встревожилась девушка.

— Слушайте, дорогая фрейлейн Шуппе! А вы случайно не Грета Верк?

Грета почувствовала, что кровь отливает от ее лица.

— Вы очень неудачно шутите, господин штандартенфюрер, — возмущенно проговорила она, поднявшись с места.

— Нет, вы в самом деле Грета Верк, — с хохотом прервал ее Брук, забавляясь гневом девушки. — Я скажу генералу Лютце, что в самую секретную его лабораторию проникла еврейка, подпольщица, ха-ха-ха!

— Я Шарлотта Шуппе! — резко проговорила девушка. — Если у вас, господин Брук, есть какие-либо сомнения, вы можете побеседовать с рейхсминистром господином Гиммлером. Если вам и этого будет недостаточно, попытайтесь доложить обо мне нашему божественному фюреру.

Смех замер на губах Брука. «Так вот она какая, — подумал американец. — Колючая... Такая и пулю в лоб пустит, не задумается».

Штандартенфюрер примирительно заговорил:

— Зачем же так обижаться, прелестная фрейлейн Шуппе? Я ведь пошутил... Садитесь,

пожалуйста.

— Неуместные шутки, господин штандартенфюрер! Я знаю, что между мною и Гретой Верк существует большое сходство, но не люблю, когда об этом говорят, — сухо ответила девушка, опускаясь в кресло.

— Простите... но фотография... — Заметив недобрый огонек, снова вспыхнувший в глазах девушки, Брук заторопился: — Да вот, взгляните сами. Вы, как две капли воды, похожи на ту, которая изображена на этой фотографии, — и он протянул снимок собеседнице.

Грета взяла карточку. Видимо, это был снимок, сделанный каким-либо негласным агентом гестапо еще до ареста Греты Верк. Грета была сфотографирована сидящей на садовой скамье под кустом акации.

«В Брюсселе... Я пришла на явку, а явка оказалась проваленной,— лихорадочно думала девушка. — Но почему же они тогда меня не арестовали?...»

Она с равнодушным видом протянула карточку Бруку.

— Оставьте ее себе, — любезно улыбнулся штандартенфюрер. — У меня есть еще несколько штук. Значит... я могу рассчитывать, что, если вам станет что-либо известно о Грете Верк...

— Можете рассчитывать, — облегченно улыбнулась Грета.

— И только мне. Никому другому.

— Пожалуйста. Только вам.

— Надеюсь, вы понимаете, что этот разговор должен остаться между нами?

— Безусловно, понимаю. Можете не беспокоиться. Замолчали. Грета ожидала, что штандартенфюрер

сейчас откланяется и уйдет. Ведь разговор как будто закончен. Но Брук не торопился уходить. Напротив, он поудобнее устроился на стуле и, приветливо улыбаясь, думал, поглядывая на девушку:

«До чего же она похожа на Грету Верк! А не могла ли в самом деле... Хотя нет... При направлении в Грюн-манбург идет жесткая проверка. Гестаповцы в таких делах мастера, не прохлопают. А Грета, пожалуй, и в-самом деле не выскочила из Зегера. Печально, но факт. Попытаться с фрейлейн Шуппе?... С ней, пожалуй, будет легче договориться. Не испорчена красной пропагандой...»

Молчание затягивалось. Грета с удивлением взглянула на Брука. Тот перехватил взгляд девушки, в уме обругал себя растяпой, круглым идиотом и вежливо спросил Грету:

— Фрейлейн Шуппе, здесь, кроме нас, никого нет?

— В этом помещении мы одни, но если вам надо вызвать...

— Нет, нет, — прервал девушку Брук. — Вызывать никого не надо. Как раз наоборот. Скажите, вас устраивают условия работы в Грюнманбурге?

— Что может желать лучшего физик, работающий над проблемой атомного ядра? — удивилась Грета. — У меня целая лаборатория, неограниченные возможности.

— Неограниченные возможности делать все самой,— иронически подхватил Брук. — И даже несколько раз в день заниматься акробатикой, спускаясь в шахту и поднимаясь из шахты по пожарной лестнице.

Девушка, не отвечая, пожала плечами.

— Вам даже не смогли прилично оборудовать лабораторию. Что это? — Брук презрительно повел рукой вокруг. — Скардность? Глупость? Почему лестницу в шахту не заменить лифтом? Почему вы не возглавляете самостоятельное исследовательское учреждение, а подчинены генералу Лютие, ничего не понимающему не только в физике атомного ядра, но и вообще в физике? И почему, наконец, у вас нет ассистентов?

— Мне странно слышать такие слова от штандартенфюрера СС, — удивленно протянула девушка. — Идет война... Государство не имеет возможности... И все же в ближайшее время люди будут. Как только лаборатория начнет исследования, мне дадут достаточное количество научных работников.

— Фрейлейн Шуппе, — понизив голос, заговорил Брук.— Вы умная девушка.

Подумайте над моими словами. Ваши исследования требуют огромных средств и могут быть успешными только при грандиозном развороте работ. Есть государство, где изыскания в области атомной физики поставлены не так, как здесь, а широко, по-американски. Но деловые люди Америки — таких совсем немного, но в их руках сосредоточено пять шестых всех американских капиталов, и они диктуют свою волю даже правительству Соединенных Штатов — эти люди понимают, что силами только своих ученых они не скоро достигнут цели. Они собирают талантливых ученых со всего мира. Они дают им хорошие лаборатории, дают богатство, дают почет, а взамен требуют только одного — работайте. Создавайте, и создавайте как можно скорее атомное оружие. За это они заплатят так щедро, как не сможет заплатить ни одна страна в мире. Фрейлейн Шуппе, переезжайте в Америку.

Грета широко открытыми от изумления глазами смотрела на Брука, а тот, дружелюбно ослабившись, повторил:

— Переезжайте к нам, в Америку, Настоящий ученый может работать только в Америке.

— Господин штандартенфюрер, — медленно проговорила девушка, — а господин рейхсминистр знает о ваших планах?

— Господин рейхсминистр знает то, что ему положено знать, а мы с вами говорим конфиденциально. Так сказать, с глазу на глаз.

— Скажите, господин штандартенфюрер, — спросила Грета, глядя в упор на американца. — По чьему поручению вы меня провоцируете? Неужели...

— Дорогая фрейлейн Шуппе, — вкрадчиво, но с оттенком угрозы перебил девушку Брук. — Мы здесь одни. Вы, конечно, понимаете, что последует, если хотя бы одно слово из нашего разговора станет известно кому-нибудь.

Брук поднял руку и ребром ладони, как топором, ударил по столу.

Но на Грету этот угрожающий жест не произвел впечатления — она досадливо повела плечом и отвернулась.

— Впрочем, нет, — забеспокоился американец, видя, что ему не удалось испугать девушку. — Я немного пересоллил. Если вы проболтаетесь, мы упрячем вас в сумасшедший дом. А оттуда я вас все же увезу в Америку, будь я проклят.

Презрительная улыбка мелькнула на губах Греты.

— Но вы забываете, что я немка! Я не изменю Германии, немецкому народу... Своему обожаемому фюреру.

— Фрейлейн Шуппе! Вы ученый, талантливый молодой ученый, но не политик. Родина, фюрер — все это хорошо, но даже на эти вещи надо смотреть трезво. Я тоже немец... по рождению. Но я отчетливо вижу, что всей этой карусели хватит еще на год, ну, от силы, на полтора. Русские нас разобьют, вернее, уже разбили. Окончательный крах — вопрос времени, но он неминуем. Причем, учтите, второго фронта еще нет. Значит, русские разбили нас один на один. Вот где основная опасность — русские. Борьба с ними не под силу одной стране. Борьба с ними не под силу и одной Европе. Только объединив силы всей Европы и Америки, можно справиться с русскими, можно хотя бы загнать их обратно в берлогу, в их коммунистические полярные снега и азиатские пустыни. Мы, деловые люди Америки, — горделиво выпятил Брук грудь, — первыми увидели эту опасность и сейчас собираем воедино все научные силы, чтобы скорее изобрести самое действенное, самое грозное оружие против русских. Это понимает и большинство нынешних государственных деятелей Германии. Ваш отъезд в Америку никто не назовет изменой. Работая в Америке, вы будете продолжать служение дорогому фа-терлянду, нашей Германии. Только не той Германии, которую помогут слепить немецким коммунистам русские большевики, если мы не отбросим русских назад.

«Что же мне ему ответить? — с тревогой думала Грета, слушая американца. — В Америке гестапо меня не тронет. Это все-таки выход. А дальше что? Помогать американским фашистам готовить новую войну?.. — Грету при одной мысли об этом передернуло. — Отказаться?.. Этот мерзавец не отвяжется так просто. Надо тянуть... Ни да, ни нет. Пока что надо тянуть...»

— Вы будете бороться за настоящую Германию, за нашего фюрера, — патетически продолжал Брук, ободренный молчанием девушки. — Его гениальные замыслы разбились о тупое упорство русских, об их варварское нежелание признать за нами, немцами, право на всемирно-историческую роль. Германию можно спасти только с помощью Америки. Вы меня поняли, фрейлейн Шуппе?

— Ваши доводы очень убедительны, господин штандартенфюрер, — после небольшой паузы заговорила Грета. — Но сейчас я ничего не смогу ответить вам.

— А я и не тороплю вас с ответом, — живо возразил Брук. — Сегодня восемнадцатое. Вы дадите окончательный ответ, скажем, двадцать девятого, ну, тридцатого. «До тридцатого двенадцать дней, — с облегчением подумала девушка. — За двенадцать дней я сумею найти друзей или, в крайнем случае, скроюсь».

— Тридцатого мы еще поговорим об этом, — вслух сказала Грета.

— Я понимаю. Вы не знаете, как отнесется к моему предложению ваш жених, господин Отто фон Бломберг, — заговорил Брук, разочарованный неопределенным ответом Греты. — На этот счет вы можете не сомневаться. Мне известен образ мыслей господина фон Бломберга. Ведь здесь, в Германии, остались только его имения, земля, а все капиталы он еще за год до войны перевел в Америку. О! Господин Бломберг займет почетное место среди деловых людей Америки. На днях он прибудет сюда якобы для того, чтобы встать во главе всего Грюнманбурга. Но для этого пустячка хватит и генерала Лютце. Господина фон Бломберга в Америке ожидают более значительные дела. Кровь бросилась в лицо Греты. О своем предстоящем браке она до этой минуты не подозревала.

— Согласие Отто будет, разумеется, и моим согласием, — не глядя на собеседника, ответила Грета. — Надеюсь, вы разрешите мне передать ему наш разговор?

— Конечно, конечно, — ухмыльнулся Брук. — Только вряд ли это будет нужно. Господин Бломберг сможет сообщить вам больше, чем вы ему.

Грета сделала удивленные глаза, а сама подумала: «Видимо, с фон Бломбергом договорился прохвост покрупнее тебя».

Брук, взглянув на Грету, игриво рассмеялся:

— Господин Бломберг даже не подозревает о той опасности, которая угрожает ему в Америке.

— Опасность? — удивилась Грета. — Какая опасность?

— Опасность потерять свою очаровательную невесту...

— Фи! Какие пустяки вы говорите, — заставила себя кокетливо улыбнуться Грета. — У Отто не будет никаких оснований для беспокойства.

— Ну, не скажите, — не сдавался американец. — В Америке может случиться, что к вашим ножкам положат миллиардное состояние. Великие люди Америки умеют ценить женскую красоту.

— Если придется выбирать между Отто и миллионом, то я, конечно, выберу...

— Миллион! — подсказал Брук.

— Ошибаетесь, — блеснула улыбкой Грета. — Я выберу Отто.

— Возможно, — согласился Брук. — Но ведь я говорю о миллиардах, а это большая разница. Миллиард! — с невольным почтением в голосе произнес он. — О, миллиард — это сила! Она все сломит!

— Посмотрим! — входя в роль, задорно ответила Грета.

— Ну, вот. Это уже лучше, — расхохотался Брук. — А теперь, очаровательная фрейлейн Шуппе, проводите меня из своей норы. Я не имею такого замечательного ключа к вашему убежищу, каким владеет мой друг генерал Лютце. — Поднявшись с места и откланявшись, Брук направился к двери.

— Это подземелье может стать ловушкой, настоящим гробом, если русские высадят здесь десант, — страшил девушку Брук, шагая рядом с нею по спирали коридора.

— Фи! Господин штандартенфюрер! — кокетничала Грета, окончательно войдя в роль и

стремясь полностью усыпить подозрения эсэсовца. — Вы такой видный мужчина, настоящий военный и так боитесь этих противных: русских. Куда же в таком случае мне от них прятаться?

— За океан, только за океан, — убежденно ответил Брук, целуя руку Греты у выхода из подземелья. Слова о трусости перед русскими он пропустил мимо ушей.

Когда Грета, проводив эсэсовца, вернулась к себе, на железобетонном кольце шахты сидел Карл Зельц. В руках у него был фотоснимок, принесенный эсэсовцем, и оставленный Гретой на круглом столе.

— Ну, что там внизу, господин Зельц? — дружески спросила Грета своего помощника.

— Правый аппарат перестал работать, — пристально глядя на девушку, ответил Зельц. — Я решил проверить проводку в стволе шахты. Проверял долго и тщательно, но никакого повреждения не обнаружил. Значит где-то здесь.

Теперь Грета внимательно взглянула на Зельца. Тон, каким он сказал слова «долго и тщательно», насторожил ее.

В первые дни совместной работы Карл держался с новым начальником лаборатории отчужденно и подчеркнуто по-служебному. Он знал, что Шарлотта Шуппе — дочь крупного фашистского деятеля, имеющего огромные связи среди заправил третьей империи, ярая нацистка, награжденная за какие-то заслуги лично Гитлером. Ничего хорошего для себя от такого начальника Зельц не ждал.

Грета тоже настороженно относилась к своему помощнику, как и ко всем, кто окружал ее в подземном городе. Среди работников подземного города могли найтись люди, видевшие Лотту совсем недавно. Зельц также мог видеть ее, и, конечно, ему первому кинулась бы в глаза разница между той Лоттой и его сегодняшним начальником.

Все дни с начала своей работы в Грюнманбурге Грета мучительно искала выхода. «Что мне делать? — десятки раз задавала она себе вопрос. — Бежать? Куда? Ни одной явки... Все связи с подпольем утеряны. Да и есть ли здесь подполье? Здесь, в Грюнманбурге?!»

Грета прекрасно понимала, что скрыться ей сейчас невозможно. Исчезновение начальника секретнейшей лаборатории вызовет переполох, будет пущена в ход вся государственная сыскная машина, и беглянку схватят в течение полусуток. Без помощи извне, без надежных друзей бегство невозможно, оно равносильно самоубийству. Но и оставаться в Грюнманбурге, зная, что каждый случайный встречный может разоблачить тебя, с покорностью обреченного на убой теленка ждать неизбежного и бесполезного конца... Нет! С этим Грета не могла согласиться.

Узнав историю гибели исследователей, работавших до нее в лаборатории «А», Грета подумала: «А что, если этот взрыв повторить?» Размышляя над этим, девушка пришла к выводу, что взрыв лаборатории — пожалуй, единственный выход. «Во-первых, я помешаю нацистам в ближайшее время закончить исследования, — рассуждала девушка. — Во-вторых, можно рискнуть на побег. Взрыв собьет гестапо со следа, все подумают, что я погибла. А если гестаповцы догадаются, кто я, то лучше взорваться, чем попадать к ним в лапы!»

Однако Зельц мог стать помехой в выполнении задуманного Гретой плана. От помощника не скроешь подготовку взрыва. Конечно, можно было бы дожидаться, когда лаборатория начнет работу, и тогда, под видом исследований... Но для этого нужно время, а его-то как раз может не хватить.

Начальница лаборатории начала присматриваться к своему помощнику. Первое, что бросилось Грете в глаза, это необычайная разносторонность знаний Карла Зельца. Он был прирожденный, талантливый конструктор-самородок. Среди аппаратов и механизмов лаборатории он чувствовал себя как рыба в воде, любил их, улучшал и совершенствовал с каким-то упоением. Это был в полном смысле слова творец и хозяин машин.

Грета, по-женски чуткая и наблюдательная, скоро заметила ту страсть, с какой Карл Зельц отдавался работе. Но в то же время она видела, что в работе Зельца существует какая-то раздвоенность, что особенно по утрам он работает без того артистического, творческого вдохновения, которое свойственно его натуре. Лишь постепенно работа захватывала,

окрыляла этого малоразговорчивого, всегда немного хмурого человека. Несколько дней тому назад, восхищенная золотыми руками Зельца, Грета воскликнула:

— Ну и работаете же вы, господин Зельц! Как в сказке. Если и дальше так пойдет, мы все задания будем выполнять раньше срока.

Карл Зельц, словно путник, наткнувшийся на придорожный камень, вздрогнул и остановился. Грета заметила, что ее помощник сразу потускнел. Работал он и дальше добросовестно, но уже без всякого вдохновения. А на слова Греты ответил совсем неожиданной для девушки фразой:

— Да, вот поработаем еще немного и сделаем подарочек немецкому народу...

Что-то в его голосе прозвучало такое необычное и недоговоренное, что Грета удивленно взглянула на своего помощника. Не раз потом, вспоминая эту фразу и тон, каким она была произнесена, девушка думала: «Зельц совсем не такой, каким он кажется генералу Лютце. Что ж, посмотрим!»

Со своей стороны и Зельц, проводя целые дни в лаборатории, вынужден был признаться, что новая начальница совсем не такая, какую он ожидал. Вместо крикливой нацистки, которой доверие и награда фюрера вскружили голову, он увидел сдержанную красивую девушку, за все время работы не обмолвившуюся ни о своей принадлежности к нацизму, ни о пресловутой награде. Осторожно наблюдая за ней, Зельц уже через несколько дней сделал вывод: «А ведь новая начальница чего-то боится. Она что-то скрывает». От глаз Зельца не укрылись постоянная настороженность Греты, ее замкнутость и нежелание искать себе друзей среди нацистов, служивших в подземном городе. Зельц заметил, что с начала своей работы в лаборатории начальница ни разу не была в Борнбурге, хотя могла бы выезжать туда ежевечерне. Да и не только в Борнбург. Ведь за каждым начальником сектора или лаборатории в Грюнманбурге была закреплена персональная машина. «Почему фрейлейн Шуппе никуда не выезжает? Кого она боится встретить?» — задавал себе вопросы Зельц. Постепенно у него появилось что-то вроде симпатии к женщине, возглавившей работу лаборатории. На одной из встреч в комнатухе за пивным залом «Золотого быка» Карл Зельц сообщил своим друзьям:

— Новая начальница лаборатории — любопытный тип. Вовсе не такая, какую мы ждали.

— А что, она не совсем густопсовая? — заинтересовался Ганс.

— Кажется, не густопсовая. А вообще, присмотреться надо.

— Вот если бы удалось обработать! Это бы да! — загорелся дядюшка Клотце.

— Ну, об этом еще и мечтать рано, — охладил его Ганс. — Но ты, Карл, не упускай возможности. Приглядишься к ней...

И Карл Зельц приглядывался. Сейчас, сообщая начальнице лаборатории о проверке проводов, Зельц думал: «Сказать ли ей, что он слышал все, о чем говорил штандартенфюрер?» Но девушка сама сделала первый шаг. Подойдя к пульту и встав к Зельцу спиной, она спросила:

— Господин Зельц, вы слышали наш разговор?

— Слышал, — после некоторого колебания ответил Зельц.

Девушка круто повернулась и взглянула в упор на Зельца:

— Что вы об этом думаете?

Сидя на горловине ствола и глядя на начальницу снизу вверх, Карл Зельц после короткого молчания ответил:

— Господин штандартенфюрер совершенно прав, Еще год-полтора, и русские нас расколошматят.

Грета нетерпеливо передернула плечами.

— Я не об этом вас спрашиваю, господин Зельц. Что вы думаете о переезде в Америку. Есть смысл?

— Смысл, конечно, есть, — горько усмехнулся Зельц. — В Америке, видать по всему, завелись фашисты почище наших. Дай им только наше изобретение в руки — такого наделают...

Зельц, недоговорив, умолк. Молчала и Грета. Несколько минут в лаборатории стояла тишина.

— Вы знаете, господин Зельц, что, если я кому-нибудь проговорюсь о разговоре со штандартенфюрером, меня расстреляют? — тихо сказала Грета.

— Вас-то, может, и не расстреляют, — невесело усмехнулся Зельц. — Вас тогда штандартенфюрер срочным порядком в Америку вывезет. А вот меня расстреляют. Это уж обязательно.

И снова в лаборатории стало тихо. Вдруг Карл Зельц поднялся с места и подошел к девушке.

— Господин штандартенфюрер прав еще в одном, — заговорил он.

— В чем, Карл?

— В том, что вы действительно не Шарлотта Шуппе, а Грета Верк.

Грета медленно повернула побелевшее лицо к Зельцу и тихо, почти шепотом спросила,:

— И вы поверили этой сказке?

— Это не сказка, — резко ответил Зельц. — Я подозревал давно, что вы не настоящая нацистка. А в том, что вы Грета Верк, меня убедила эта фотокарточка.

— Чепуха, — нервно усмехнулась Грета. — Это фотокарточка Греты Верк, а я Шарлотта Шуппе. Попробуйте докажите, что это не так.

— Доказать просто. Скажите, вы в тот момент знали, что вас фотографируют?

— Нет!.. — непроизвольно вырвалось у девушки. Поняв, что ею допущен промах, Грета густо покраснела.

— Ну, вот видите, и проговорились, — весело рассмеялся Зельц. Заметив, что девушка хочет возражать, он потушил улыбку и предупреждающе поднял руку. — Да это и неважно. По снимку видно, что вас не усаживали перед аппаратом, не просили принять интересную позу и так далее. Просто гестаповскому шпику было поручено сфотографировать вас, ну, он и стрельнул, где пришлось и как пришлось. Лишь бы лицо хорошо вышло, Это все механика известная.

— Я не понимаю... — начала Грета,

— Сейчас поймете, — перебил Зельц, — Значит, вы не позировали. Вы просто задумались. А когда вы задумываетесь над чем-либо, то делаете вот так. — Зельц медленно потер кончиками пальцев левой руки свой висок. — Видите, этот жест схвачен на фотографии. Хорошо, что при штандартенфюрере вам не; пришлось задумываться, а то бы и его догадка превратилась в уверенность.

— Учту ваш совет и при посторонних не буду задумываться, — взяв из рук Зельца карточку и внимательно разглядывая ее, сдержанно ответила Грета. — Ыто ваши домыслы не имеют никакого значения. Даже американский ээсовец Брук, и тот не сочтет их за доказательство, не поверит вам.

Зельц одобритительно взглянул на девушку.

— Вы хорошо держитесь, фрейлейн. А я никому в не намерен сообщать о том, что вы не Шарлотта Шуппе, а Грета Верк. Запомните, никому. Но я благодарен штандартенфюреру за его сообщение, что з момент ареста Греты Верк гестапо не знало о ее связи с французским и бельгийским сопротивлением.

— Какое это может иметь значение? — пожала плечами девушка.

— Огромное. Если бы гестапо, арестуя Грету Верк, знало о ней всю правду, мы не имели бы возможности беседовать с вами. Вас расстреляли бы з день ареста.

Грета с хорошо разыгранным удивлением взглянула на собеседника.

— Вы все еще уверены... — начала она.

— Не просто уверен, а знаю, — глядя в глаза девушки, перебил ее Зельц. — Никогда не забывайте, фрейлейн, что вы немка и обязаны работать для Германии, для немецкого народа. Значит, и поступайте как настоящая немка. Это вам-совет на случай нового разговора с Эрнстом Бруком.

ВСТРЕЧА С БРАТЦЕМ

Всю первую половину дня Грета разбирала записи опытов, проведенных ее предшественниками. Чем больше она углублялась в работу, тем яснее видела ошибки, допущенные погибшими исследователями. С каждой минутой становилось все яснее и яснее, что, не будь этих ошибок, можно было избежать неожиданного взрыва.

Погруженная в расчеты, девушка не замечала, как проходили часы. Иногда она поднимала голову от бумаг, чтобы взглянуть на стрелки контрольных приборов, к снова склонялась над записями.

Тонко отточенным красным карандашом она делала на полях пометки, отмечая обнаруженные ошибки.

Неожиданно зазвонил телефон. Грета с досадой оторвалась от работы и подняла трубку.

— Фрейлейн Шуппе!—услышала она голос фон Лютце. — Прошу немедленно приехать ко мне. Машину не вызывайте, она вас ожидает.

Удивленная неожиданным вызовом, Грета заперла бумаги в сейф и по внутреннему телефону позвонила в нижнее помещение лаборатории.

— Карл! Я сейчас уезжаю.

— Куда? — встревожился Зельц. — Надолго?

— Не знаю. Генерал вызвал.

Зельц несколько мгновений молчал, затем Грета услышала дружеский ответ:

— Желаю удачи! Я вас буду ждать.

— Благодарю.

— Быть может, мне подняться вверх? — предложил Карл. — Дадите какие-нибудь указания?

— Нет. Ничего не надо. Продолжайте проверку.

— Есть.

И снова оба замолчали, не вешая трубок. Грета торопливо соображала, сказать или не сказать Карлу о том, что в сейфе лежат просмотренные ею записи опытов, что второй экземпляр записей, хранящийся у генерала, полон грубых ошибок. Так ни на что и не решившись, Грета тяжело вздохнула.

— Ну, ладно. Я поехала.

— Желаю удачи, фрейлейн... — повторил Карл.

Грета была не на шутку встревожена: зачем она могла так срочно понадобиться генералу? Ведь, кажется, все ясно. Три дня тому назад она доложила фон Лютце о состоянии лаборатории, а всего лишь вчера генерал сам приезжал в лабораторию вместе со штандартенфюрером СС Бруком. О чем же генерал намерен разговаривать сегодня? Что ему стало известно? Или, быть может, приехал ее жених Отто фон Бломберг?

Сердце девушки сжалось от предчувствия чего-то страшного, может быть, близкой и мучительной смерти. Садясь в машину, она привычным движением ощупала нагрудный карман мундира. Пистолет был на месте. Но теперь Грета думала не о самоубийстве. «Только не горячиться, последний патрон для себя беречь», — твердила она, сидя в кузове комфортабельной машины. Девушка старалась подготовиться к тому, что через несколько минут может произойти в кабинете генерала Лютце. Если ее сейчас разоблачат, первую пулю должен получить плюгавый хозяин подземного города.

«Конечно, моя смерть и смерть генерала Лютце не остановят исследований, но затормозят их, — рассуждала Грета, — хотя бы на неделю-две, но затормозят. А в этом деле и несколько дней имеют огромное значение. Ах, если бы угадать тот момент, когда гестапо разберется, что я совсем не Лотта Шуппе, — терзалась Грета. — Если бы они целой оравой явились за мною в лабораторию. Тогда бы я повторила неудачу моих предшественников, только в расширенном варианте».

Машина, взлетев под крышу из маскировочных сетей, круто повернула к холму и остановилась у входа в подземную резиденцию фон Лютце.

Снова, уже в который раз, девушка вступила в застланные толстыми дорожками и освещенные молочными плафонами глухие коридоры подземелья. Хотя вся охрана уже знала начальника лаборатории «А» в лицо, Грете приходилось идти, держа в руках раскрытый пропуск.

Эсэсовцы, - дежурившие у стальных дверей, разделявших один коридор от другого, мельком взглядывали на пропуск, более внимательно в лицо девушки, нажимали кнопку, приводившую в движение механизм двери, и затем уже поднимали руку для приветствия. Впрочем, справедливость требует признать, что Грету они приветствовали более любезно, чем кого-либо другого.

Спустившись в средний горизонт подземного города, Грета повернула в правое крыло и увидела идущего к ней навстречу лейтенанта в эсэсовском мундире.

При первом взгляде в лицо лейтенанта девушка почувствовала, что погибает. К ней навстречу шел Фриц Гольд, двоюродный брат ее и Лотты. А лейтенант уже спешил к ней, весело улыбаясь и широко раскрыв руки.

— Лотта! — воскликнул он, подбежав к девушке и обнимая ее. — Слышал, что ты у нас, да никак не мог увидеть. Ты ведь сразу же закрылась в своей лаборатории. Очень рад!.. — лейтенант вдруг замер на полуслове. — Что такое?! Это ты?.. — испуганно отшатнулся он, глядя на Грету выкатившимися от удивления глазами.

Девушка не вскрикнула, не пошатнулась, хотя ей показалось, что пол коридора у нее под ногами вздрогнул и куда-то поплыл. Огромным усилием воли она подавила в себе желание вырваться из объятий эсэсовца и кинуться вдоль коридора, чтобы на ходу выхватить пистолет и пустить пулю себе в висок. «Нужно самой нанести удар... ошарашить его... — пронеслось в голове девушки. — Фриц всегда был трусом. Он и сейчас уже струсил». Грета с ненавистью взглянула на эсэсовца и угрожающе проговорила:

— Да, это я. Но я — Лотта Шуппе. — Запомни это и молчи. Я ведь могу доказать, что ты помог мне пробраться сюда.

Лицо Гольда побелело. Он поднял обе руки и, как будто отталкиваясь от Греты, негромко повторял:

— Да что ты... Что ты?! Кто тебе поверит? Я сейчас...

— Молчать! — оборвала эсэсовца девушка. — Поверят. У меня есть твои письма.

— Но я ничего не писал!

— Врешь! Писал! В гестапо поверят, что писал именно ты. У меня есть твое донесение о работах, проводимых в Грюнманбурге, — вдохновенно фантазировала Грета. — У меня есть еще кое-что. Запомни, меня расстреляют на полчаса позже, чем тебя.

Холодный пот выступил на лбу Фрица Гольда. В словах Греты не было и крупинки правды, но он-то прекрасно понимал, что значит быть заподозренным в государственной измене. За такое дело в гестапо уцепятся обеими руками. Раздуют из мухи слона. Лейтенант знал, какими мерами гестаповцы заставляют людей, попавших в их лапы, сознаваться в чем угодно.

«У этой стервы заготовлены фальшивки, — думал Гольд. — И поверят ей, а не мне. На мое место найдется много охотников. Любой из гестаповских начальников свалит меня и посадит на мое место своего сына или брата. Эта еврейская девка права. Меня расстреляют раньше, чем ее. И зачем только я попался ей на глаза?»

— Запомни мои слова и молчи, — снова услышал Гольд угрожающий шепот Греты.

— Иначе гестапо получит додесение о всех лабораториях и секторах Грюнманбурга, подписанное тобой.

— Грета, дорогая... — начал Гольд замирающим от страха голосом. — Грета...

— Я Лотта Шуппе! — перебила его девушка. — Грета Верк погибла при бомбежке в Зегере, Ну, теперь беги, докладывай обо мне куда хочешь.

— Нет! Нет! Гре... Лотта, — испуганно зашептал лейтенант. — Я никому ничего не скажу. Но только и ты смотри не проговорись, что видела меня. Мы друг друга не встречали. Ни разу не встречали. Я уже два года не встречался с тобой. Я даже не слышал, что ты

здесь. Ладно?

— Ладно,— согласилась девушка. — Только запомни: я здесь не одна. Нас много. Теперь за каждым твоим шагом будут следить. — Грете припомнился вчерашний разговор с Бруком и его попытка запугать ее. Повторяя жест штандартенфюрера, девушка ударила ребром кисти правой руки по ладони левой, как будто отрубая что-то, и угрожающе закончила: — Проболтаешься — смерть. Мои друзья рассчитаются с тобой. Понял?

— Понял, Гре... понял, понял, Лоттхен, — закивал насмерть перепуганный Фриц Гольд. Обойдя Грету стороной, чтобы случайно не прикоснуться к ней, лейтенант чуть не бегом кинулся прочь.

«Хорошо, что никто не видел меня с ней, — думал он, торопясь к выходу.— Никто не видел, что я разговаривал с этой сумасшедшей. А ведь и в самом деле сумасшедшая! Раз удрала в Америку, как и сидела бы там, за океаном. Так нет, принесло ее сюда, в самое пекло. Видимо, у нее сильная поддержка... Кто-то из больших начальников помог ей пробраться к нам. Долго ли она здесь пробудет? Наверное, недолго. Побоится провала».

При мысли, что Грета может провалиться, и тогда обнаружатся документы, обличающие его, Фрица Гольда, лейтенант зашатался. Он только сейчас по-настоящему понял, над какой пропастью стоит.

Грета осталась в коридоре одна. Встреча с Гольдом оказалась последней каплей. Силы совсем покинули девушку. Чтобы не упасть, она вынуждена была прислониться к стене. В таком положении ее и застал один из адъютантов генерала, спешивший куда-то с поручением.

— Фрейлейн Шуппе! — подлетел он к девушке. — Что с вами? Вам дурно? Вы слишком рано выписались из госпиталя. Разрешите, я вас провожу до приемной. Генерал ждет.

В голосе адъютанта Грета услышала неподдельное участие.

— Голова закружилась, — слабым голосом ответила девушка. — Это, наверное, от контузии. Не беспокойтесь, я дойду сама.

Но адъютант настойчиво взял ее под руку и проводил до самых дверей генеральской приемной. Девушка поблагодарила его ласковым взглядом.

Дежурный адъютант немедленно пропустил начальника лаборатории «А» к генералу. Грета шла как во сне. В голове билась мысль: «Выдаст или не выдаст Фриц?».

Идя с адъютантом по коридору, девушка чутко прислушивалась. Ей все казалось, что позади раздаются торопливые шаги охранников, спешащих арестовать ее.. Но вот двери генеральского кабинета закрылись за спиной Греты, и девушка с облегчением вздохнула: генерал был один.

Вопреки своему обыкновению, фон Лютце не сидел в кресле, а торопливо семенил от стола навстречу девушке. Такая предупредительность показалась Грете подозрительной. Она уже знала, что фон Лютце не любит стоять в присутствии своих подчиненных.

А генерал поздоровался с Гретой за руку и с ласковой внимательностью усадил ее. Взобравшись затем з свое кресло, он окинул девушку сочувственным взглядом, и осведомился о ее здоровье.

— Все нормально, господин генерал, — ответила Грета. — Голова иногда кружится. Но с этим не приходится считаться. Сейчас каждый из нас должен напрячь все силы, чтобы приблизить победу.

— Совершенно верно, — закивал фон Лютце. — Мы переживаем дни, когда личное здоровье, счастье и даже сама жизнь — все, что мы имеем, все должно быть подчинено одному — выполнению предначертаний нашего великого фюрера. Я очень рад, что у вас истинно германская душа, фрейлейн Шуппе. Я уверен, что вас не согнет ничто, никакая, даже самая ужасная весть.

Грета будто сквозь туман слушала разглагольствования генерала, чувствуя, как сердце все сильнее и сильнее теснит огромная тяжесть. Казалось, его сжимала чья-то холодная, твердая рука.

— Мы всегда должны быть готовы пожертвовать самым дорогим для нас, —

продолжал генерал, — и остаться беззаветно преданными нашему великому фюреру.

— Я вас не понимаю, господин генерал, — заговорила Грета, чувствуя, что ее молчание становится невежливым. — Разве я...

— Уважаемая фрейлейн Шуппе, — прервал ее генерал, — на меня легла тяжелая обязанность первым сообщить вам об ужасной потере. Безмерное горе не должно сломить вас. Вы сумеете пережить его и стать еще более закаленной, еще более преданной великой Германии и нашему божественному фюреру. Вы должны...

— Да что же, наконец, произошло, господин генерал? — теряясь в догадках, воскликнула Грета.

Фон Лютце спустился с кресла и, молитвенно стиснув синеватые ладошки с сухими остренькими пальчиками, торжественно-печальным тоном сообщил:

— Я вынужден огорчить вас, дорогая фрейлейн Шуппе. Глубоко уважаемый мною ваш жених господин Отто фон Бломберг погиб в борьбе с врагами Германии, с врагами фюрера. Лично я, и не только я, вся Германия скорбит вместе с вами. Мужайтесь! Божественный фюрер вознаградит ваше беспримерное мужество.

И вот тут-то нервы Греты сдали. Уронив голову на стол, она громко разрыдалась. Генерал подбежал к ней и начал торопливо наливать в стакан воду. В кабинет вошел заранее предупрежденный врач. В дверях маячили сочувствующие лица адъютанта и вызванных на прием сотрудников. Все выражали свое соболезнование красивой девушке, неожиданно лишившейся жениха. А Грета плакала, не замечая поднявшейся вокруг нее суеты. Слезы текли по ее щекам, но это были слезы облегчения.

Глава 19

В ПОИСКАХ ВЫХОДА

Неуверенной походкой тяжело больного человека Грета вышла из подземного города. Адъютант генерала, поддерживая Грету под руку, проводил ее до самой машины. Охранявшие коридоры эсэсовцы удивленно косились на изменившееся от пережитых волнений лицо девушки. Но адъютант кидал несколько негромких слов, и охранники, не требуя пропуска, провожали Грету сочувствующими взглядами.

Адъютант усадил Грету, и машина помчалась по мягкой травянистой дороге в лабораторию А Грета сидела, словно окаменевшая. Глаза ее были еще красны от недавних слез, застывшее лицо казалось выточенным из белого мрамора. Шофер, слышавший краем уха о несчастье, постигшем начальницу лаборатории «А», сочувственно поглядывал на нее сбоку, не решаясь заговорить. Да Грете было и не до разговоров. Слезы, хлынувшие из глаз девушки при известии о гибели Отто фон Бломберга, разрядили страшное напряжение, в котором она находилась последние дни. И хотя Грета понимала, что угроза разоблачения лишь отсрочена, она впервые почувствовала, что ей не страшно. Страх остался по ту сторону только что пережитого. Пусть Фриц Гольд доносит на нее. Пусть в любую минуту в лабораторию врываются гестаповцы. Пусть угрожают любыми муками... Живой она им не дастся...

В верхнем отделении лаборатории никого не было.

«Зельц все еще внизу», — с облегчением подумала Грета и, сев на свое рабочее место, опустила голову на столик пульта. Так она и сидела, равнодушная ко всему и только безмерно, нечеловечески усталая. Она не заметила, как из отверстия шахты показалась голова Зельца, как, сев на кольцо горловины, помощник долго смотрел на своего начальника внимательным, изучающим взглядом. Она не расслышала даже, когда Зельц подошел и встал за ее спиной.

— Что случилось, фрейлейн? — негромко спросил Зельц.

Грета вздрогнула и подняла голову. Во взгляде Карла Зельца она прочла искреннее участие и готовность помочь. Девушке захотелось услышать дружеское слово, захотелось рассказать все своему немногословному помощнику. Чувствуя, как это желание все разрастается, Грета,

стараясь побороть его, усталым голосом ответила:

— Обычное в наше время событие, господин Зельц. Меня известили, что мой жених погиб на Восточном фронте.

Зельц испытующе взглянул в глаза девушки. В ее взоре он не нашел той боли, которая, как бы ни владел собой человек, всегда будет красноречиво говорить о невозвратимой утрате. Заметив недоверие на лице своего помощника, Грета повторила:

— Господин генерал пригласил меня к себе и сообщил, что мой жених Отто фон Бломберг пал смертью храбрых.

Голос выдал девушку: он звучал равнодушно. Грета сама это почувствовала, но, не имея сил разыгрывать роль убитой горем невесты, желая переменить тему разговора, спросила первое, что пришло на ум:

— Скажите, Карл, что произошло на нашей радиостанции перед моим приездом?

Зельц насторожился.

— На радиостанции? Ничего особенного, — пристально взглянув на девушку, ответил он тоном полного безразличия. — А разве что-нибудь случилось?

— Когда я въезжала в Грюнманбург, мимо нашей машины провели под конвоем солдата. Позднее в приемной генерала Лютце я слышала разговор двух офицеров. Я поняла, что расстреляли радистов.

Расстреляли одного, — с горечью вырвалось у Зельца. — Старшего радиста Макса Бехера.

Бехера!.. — встрепенулась девушка. — Подождите... Макс Бехер... он не работал в Зегере на заводе моего отца? На заводе сельскохозяйственных машин Эриха Верка... то есть, я хочу сказать, на заводах «Верк и Шуппе». Их ведь так раньше называли. — Кажется, работал...

— Ну да, конечно, работал. Рыжеватый такой, дерзкий. Он еще юнгштурмовским вожаком был. За что же его?

— Фрейлейн, — вместо ответа спросил Зельц, — мы с вами ведем разговоры, за которые не похвалят в гестапо. Вас это не пугает?

— А за вчерашний разговор нас в гестапо похвалят? — невесело усмехнулась девушка. — Меня сейчас ничто испугать не может.

Зельц, насторожившись, пристально посмотрел на Грету.

— Если так, — после некоторого колебания заговорил он, — то я вам расскажу, что знаю. Я с Максом Бехером познакомился на фронте. Мы ведь оба были в Алжире, в армии Роммеля. Макс был старшим радистом, я — механиком. Ранило нас одновременно, при бомбежке аэродрома. После выздоровления мы оба приехали сюда. Макс был назначен старшим радистом. А в то время среди военнопленных в подземельях генерала Лютае оказался стрелок-радист с советского самолета. Имя у него было очень странное. Звали его Тогда сын Ухапов. Я никогда не слышал, чтобы у русских были такие имена. — Тогда сын Ухапов, — повторила Грета. — Я ведь немного учила русский язык. Слова все русские, но это, по-моему, не имя.

— Не знаю. Он назывался этим именем. Макс как-то сумел разговориться с ним, когда пленных вывели на работу. Даже подружился, табак ему приносил. Советский радист вскоре убежал, и с ним еще шестеро ушло. После этого весь Грюнманбург обнесли дополнительной оградой из колючей проволоки. Говорят, беглецы долго жили где-то неподалеку, в лесу. Здесь ведь давно лесопосадки не прореживались, и теперь вокруг нас такие заросли... Ну, в общем, они жили где-то на холмах, ходы там в чаще понаделали. А потом ушли. Позднее мы слышали, что их поймали уже где-то далеко отсюда. Но перед побегом русский зашифровал радиограмму и просил Макса Бехера передать ее советскому командованию. Вот за передачу этой шифровки Макса и расстреляли.

— А что было в радиограмме? — нетерпеливо спросила Грета.

— Никто не знает, что там было, — уклончиво ответил Зельц. — Дешифровщики давно ломают себе голову, стараясь разгадать ее.

— Но Макс-то знал?

— Наверное. Он ведь много раз беседовал с русским. Кажется, русский радист вызывал авиацию, чтобы Грюнманбург вверх дном поставить.

— Хорошо бы!..— девушка осеклась, бросив тревожный взгляд на Зельца.

— Да, неплохо бы...— усмехнулся Зельц. Несколько времени оба сидели молча.

— Карл, — совсем тихо спросила Грета. — Вы были другом Макса Бехера?

— Был, — помолчав, так же негромко ответил Зельц. — Мы были очень близкими друзьями. Я и Макс...

— Почему же вы не помогли ему?— шепотом задала вопрос Грета. — Не спасли?

— Не успели,— после долгого молчания мрачно ответил Зельц.— Макса расстреляли через семь часов после ареста. В нашем распоряжении не было и одной ночи,

— А иначе вы бы его спасли?

— Конечно! По крайней мере, сделали бы все для того, чтобы спасти.

— Карл, это правда, что ваша семья погибла от русских бомб?

Зельц вздрогнул. Лицо его потемнело. Вот уже полтора года прошло, а он не может спокойно ответить на такой обычный в условиях военного времени вопрос. Воспоминание о семье, как рана, кровоточит и не заживает.

— Да,— глухо проговорил он. — Жена и дочурка... Три годика было... Тоже Гретой звали.

— Бомбили русские?

— Наши газеты писали, что русские. Я не поверил. Советские летчики не бомбят мирные города. А от заводов до нашего города было более пяти километров. Когда это произошло, я поехал к своим. Домика не нашел. Зато нашел вот что.

Зельц непослушными пальцами расстегнул верхние пуговицы кителя, надетого под комбинезоном, и, достав из внутреннего кармана металлическую пластинку, положил ее перед девушкой. На темной, покрытой окалиной пластинке, неровно опиленной по краям напильником, четко выступали буквы: «Майе т ТЛ8А» — «Сделано в США».

— Что это?— удивилась Грета.

— Пластинка от стабилизатора одной из бомб, уничтоживших наш городок.

— Ясно,— после долгого молчания произнесла Грета. Зельц, взяв снова пластинку, старательно спрятал ее в карман кителя.

Грета видела, как тряслись пальцы Карла Зельца, застегивавшие пуговицы.

— Полтора года прошло, а мне все не верится...— голосом, в котором слышались задушенные, невыплаканные мужские слезы, проговорил он.

Горячая и горькая; как полынь, жалость хлынула в сердце Греты. На глазах девушки навернулись слезы. Ей захотелось сказать Карлу какие-то ласковые слова, чтобы хоть немного облегчить молчаливое страдание этого сильного человека.

«Он, должно быть, очень одинок, всегда наедине со Своим горем, .— подумала Грета, — поэтому всегда и хмурый».

Но Зельц оправился с волнением и без участия Греты. Застегнув китель, он взглянул на девушку спокойным, хотя и грустным взглядом.

— Что у вас произошло, фрейлейн Шуппе? — повторил он свой вопрос с ласковой настойчивостью. — Дело, видимо, не только в фон Бломберге. Вы его не особенно и ждали.

Девушка закрыла глаза и, покачав головой, тихо ответила:

— Ничего особенного, Карл. Я просто устала. Очень устала.

— Фрейлейн! — понизив голос, заговорил Карл Зельц. — Мы вчера не закончили наш разговор. Фотокарточка, которую оставил вам Брук, только подтвердила то, что я подозревал уже давно. С первого дня вашего приезда в Грюнмаыбург было видно, что вы чего-то боитесь, желаете что-то скрыть, ожидаете какой-то беды. Судя по вашему состоянию, эта беда произошла. В чем дело?

— Вы все еще подозреваете, что я...

— Подозрение у меня было до вчерашнего дня, — прервал девушку Карл. — Со вчерашнего дня это уже твердая уверенность. Слушайте, фрейлейн, вы думаете, я не вижу, что вы не торопитесь с пуском лаборатории? Все, что мы делаем, можно сделать в несколько раз быстрее. Будь вы настоящая Шарлотта Шуппе, вы бы меня заморили на работе, но давно доложили бы о готовности лаборатории. Разве я не знаю, что вы, проверяя записи прежних опытов, нашли уйму ошибок? Будь вы настоящая Шарлотта Шуппе, вы бы уже обо всем сообщили генералу Лютце. А вы? Почему вы молчите и не вносите исправления в записи, хранящиеся в сейфе генерала? Ведь в инструкции говорится, что через двадцать-двадцать пять минут изменения из рабочего экземпляра должны переноситься в контрольный. Давайте говорить начистоту, фрейлейн Верк. Ведь одному всегда плохо. Лучше, когда рядом есть друзья. Вам повезло: друзья у вас есть. Если бы я не был вам другом, союзником, я бы мог давно сообщить генералу Лютце и о задержках в работе, и о нарушении инструкции, и о многом другом. Я еще раз предлагаю, говорите откровенно, в чем дело? Говорите сейчас, завтра может быть поздно.

— Да, завтра, может быть, будет поздно, — словно про себя, повторила девушка. С минуту она сидела молча, собираясь с мыслями, затем заговорила быстро и горячо, торопясь скорее высказать все, что ее угнетало.

— Вы правы, Карл. Меня многое тревожит. Я очень многое скрываю. Мне действительно нельзя без друзей. Настоящих друзей. Без них я погибну. Скоро погибну. Может быть, сегодня. Может быть, через час.

— Так говорите же скорей. Мы вам поможем. - Мы?! — удивилась Грета.

— Да, мы. Один я, Карл Зельц, не многого стою. Но я не один. У меня тоже есть друзья. Друзья Макса Бехера. Нас не тронула бы беда, случись она с Шарлоттой Шуппе, но Грету Верк мы в обиду не дадим. Говорите.

И Грета решилась. Она рассказала Зельцу все, от дня своего ареста до событий, происшедших сегодня утром. Карл слушал внимательно, не перебивая, не задав ни одного вопроса. Только глаза его с каждой минутой загорались все сильнее, и он с удивлением и гордостью смотрел на девушку. Но когда Грета упомянула об утренней встрече с Гольдом, Зельц сильно встревожился.

— Фрейлейн Шуппе, — сказал он, когда девушка умолкла. — Я вас по-прежнему буду звать фрейлейн Шуппе. Так лучше. Самое опасное — это Гольд. — Зельц встал и крупными шагами заходил по комнате. — Сегодня вы его напугали. Сегодня он, может быть, и промолчит, а завтра обязательно выдаст. Такие, как Гольд, не могут не выдать. Над всем остальным у нас

еще есть время подумать, а с Гольдом надо спешить. Этот мерзавец побежит в гестапо, как только очухается от страха. Ведь это он расстрелял Макса Бехера.

— Как же заставить его молчать? — тревожно спросил а Грета.

Зельц сел на горловину шахты и с минуту что-то сосредоточенно обдумывал. Затем он сказал медленно, взвешивая каждое слово.

— Пока что Гольд никому ничего не сказал, иначе мы бы с вами не могли так спокойно беседовать. Где он сейчас находится? Если он здесь, мы бессильны что-либо сделать. Если он уехал в Борнбург и в данную минуту не докладывает о вас в гестапо, то мы еще успеем его обезвредить. Знаете что, фрейлейн Шуппе? Вам не надо вмешиваться в это дело. Все сделают мои и ваши друзья.

Грета молча кивнула головой, во всем полагаясь на Карла.

— Теперь мы сделаем так, — планировал дальше Зельц. — Я поеду в Борнбург. Вернее, вы мне дадите поручение съездить в Борнбург. Если в течение часа вы не получите от меня известий хотя бы по телефону, то это будет означать, что Гольд еще ничего не сказал и, конечно, не скажет. Если же Гольд уже был в гестапо, то... тогда я постараюсь приехать сюда раньше их. А вы, на всякий случай, будьте готовы ко всему. Если удастся бежать, исправленные записи должны исчезнуть вместе с вами. Вы согласны?

— Согласна, Карл. Поезжайте. Я буду вас ждать.

— Ждите. Не падайте духом, и да поможет нам наш добрый немецкий бог, — полушутливо проговорил

Зельц, Пожимая руку Грете. Уже у самой двери он повторил:

— Главное — не падайте духом...

Грета осталась одна. Несколько минут она сидела неподвижно, собираясь с мыслями. Все происшедшее было для нее так неожиданно, так хорошо, что она с трудом могла верить своему счастью. У нее снова есть друзья. Она не одна... Своим локтем она чувствует локоть друга, союзника по тайной, смертельно опасной, но не безнадежной борьбе. Если удастся... Грета вздрогнула. Может быть, сейчас уже идет сюда машина с гестаповцами, которые посланы схватить ее. А она сидит и радуется, ни к чему не готовая.

Грета кинулась к входу. Дверь изнутри можно было поставить на надежные стальные стопоры, и тогда только взрыв смог бы открыть их. «Взрыв, — Грета усмехнулась и, выдвинув стопоры, сказала про себя: — Если гестаповцы начнут ломиться сюда, я устрою им такой взрыв, что фашистское командование долго не забудет Грету Верк».

Девушка открыла сейф, достала записи опытов, сделанных ее предшественниками. Еще раз просмотрела их и подумала: «Вещества, нужного для взрыва, у нас сейчас раз в пять больше. Толчок будет такой, что и в подземном городе у фон Лютце могут быть последствия. Ведь взрыв произойдет на глубине около тридцати метров...»

На какое-то мгновение в голове Греты мелькнула мысль о предложении американца, но девушка пренебрежительно отбросила ее. Нет, в Америку ей бежать незачем. «Там завелись фашисты почище наших», — вспомнила девушка слова Зельца. Сейчас у Греты созревало другое решение. Она поняла, что через Карла снова связалась с тайными силами народа, борющимися против фашизма. Это наполнило Грету уверенностью, что если не она, то кто-то другой доставит документы, грозящие ужасной смертью миллионам людей, в страну, борющуюся за счастье всего человечества, и тем предотвратит беду. Это окрылило Грету. Впервые за много месяцев девушка замурлыкала какую-то мелодию. Вдруг зазвонил телефон. Подняв трубку к уху, Грета вздрогнула.

— Дорогая сестренка! — с наигранной ласковостью кричал в трубку лейтенант Гольд. — Ты ни о чем не беспокойся. Все будет очень хорошо. Нам с тобой надо сегодня увидеться. Обязательно надо. Часам к десяти приезжай в домик тетушки Луизы.

Грета опешила. «Значит, Гольд не уехал в Борнбург? Может быть, он отсюда позвонил в гестапо?!» — пронеслось у нее в голове. Воспользовавшись паузой в выкриках лейтенанта, она спросила:

— Фриц, ты сегодня был в Борнбурге?

— Конечно, был! Только что вернулся! Мне там здорово мозги вправили, В общем, все в порядке. Приезжай, сестренка...

— Но ведь там будет...

— Никого там не будет, — перебил ее Гольд. — Там будет только мой друг. Нам надо серьезно поговорить, ведь мы с тобой давно не видались... Значит, приедешь, сестренка?

— Хорошо, приеду, — нерешительно ответила Грета. — К десяти?

— Да, да! Точно к десяти. Будет очень интересно, — заверил лейтенант.

Грета положила трубку. На лице девушки была написана полнейшая растерянность.

— Неужели это Карла Зельца Фриц назвал своим другом? Ничего не понимаю.

Глава 20

ФРИЦ ГОЛЬД МЕНЯЕТ ХОЗЯЕВ

Фриц Гольд остановился под маскировочными сетями на краю дороги. Широко открытыми глазами он глядел вперед, но ничего не видел. Встреча с Гретой казалась настолько неправдоподобной, нереальной, что он даже зажмурил глаза и сильно потряс головой. «Может быть, — подумал Фриц Гольд, — я еще не очухался от вчерашней попойки у

Зигфрида Бунке и видел Грету Верк во сне? Может быть, сейчас я проснусь, и все будет по-прежнему, так, как было вчера и позавчера, и как вообще было всегда?»

Гольд сильно потер виски ладонями и открыл глаза. Нет, он не спал. Оглядевшись вокруг, Фриц Гольд снова увидел холм, откуда только что вышел, и маскировочные сети, растянутые по вершинам елочек. По асфальту, не сворачивая к главному входу, прошла машина с офицерами. Фриц Гольд рассеянно поднял руку, приветствуя офицеров, что-то кричавших ему из машины. Он повернулся и пошел, сам не зная зачем, вслед за машиной. Перед глазами все еще стояло бледное, искаженное страхом и ненавистью лицо Греты Верк, звучал ее угрожающий шепот: «Я здесь не одна! Нас много! За каждым твоим шагом будут следить! Проболтаешься — смерть!»

Лейтенант зябко передернул плечами, «А что ты думаешь, и будут следить. Их, наверное, и вправду больше, чем нас. Вон Макс Бехер перед смертью тоже мне петлей грозил и говорил, что у него много друзей. И за Бе.хера кто-нибудь со мной рассчитается»,

Гольд вздрогнул при мысли, что из-за любого кусте он может получить пулю. «Только не здесь, — подумал Гольд, — не в Грюнманбурге. Здесь ведь кругом наши». Но сейчас же чей-то голос ехидно шепнул Гольду: «А Макс Бехер, он ведь тоже был из наших?».

«И в самом деле, — размышлял Гольд, — откуда узнаешь, есть ли еще в Грюнманбурге единомышленники Макса Бехера? Ведь Макс Бехер, оказывается, был коммунистом, а мы считали его своим. Он даже Железный крест за храбрость в африканских боях получил. Ни на кого нельзя надеяться. Любой может обмануть, подвести, продать».

Гольд ощутил необходимость с кем-нибудь поговорить, посоветоваться, почувствовать чью-нибудь поддержку. Но чью? К кому может обратиться лейтенант Фриц Гольд, которому, кроме обычной немилости взъевшегося служебного начальства, угрожает смертельная опасность, угрожает смерть при любых обстоятельствах, как бы он ни поступил. Выдать Грету — смерть от ее единомышленников. Не выдать — смерть за то, что не сообщил о Грете в гестапо. Ведь если Грету арестуют, она на первом же допросе укажет на него как на сообщника, знавшего, что она не Лотта, а Грета. Она будет убеждена, что ее выдал Фриц Гольд, и постарается отомстить.

Лейтенант затравленным волком огляделся вокруг. Как же быть? С кем посоветоваться? Что делать? Поговорить разве с Кольбе? Но при одной мысли о своем дружке Гольд сплюнул. Нельзя. Кольбе сразу кинется в гестапо. Грету арестуют, награду получит Макс Кольбе, а друзья Греты убьют его, Фрица Гольда. И сейчас Макс Кольбе идет по службе на одну ступень впереди него. И так всегда: Кольбе оттесняет его в сторону, всегда идет впереди. Нет, с Максом Кольбе он ни о чем говорить не будет.

«Может быть, написать дяде Густаву, отцу Лотты? — размышлял Фриц Гольд. — Тоже нельзя. Цензура, а за ней и гестапо узнает обо всем раньше дядюшки Густава. Тогда не сдобровать. Спросят, почему сразу не сообщил з гестапо. И угораздило же эту проклятую Грету встретиться с ним сегодня в коридоре! Как было все хорошо по этой встрече! Однако, что же все-таки делать?»

Гольд почувствовал себя совершенно беспомощным и одиноким. У него было много знакомых и немало приятелей. Некоторых из приятелей Гольд привык считать своими друзьями. Совместная служба, ночные кутежи и похождения создавали иллюзии дружеских отношений. Только сейчас Гольд понял, что по-настоящему близких людей у него все-таки нет. Перебрав в памяти всех, кого он считал своими друзьями, лейтенант с огорчением признал, что ни одному из них нельзя доверить угнетавшую его тайну. И тогда он вспомнил о белокуром капитане СС, танкисте из дивизии «Мертвая голова».

«Разве посоветоваться с Бунке? — мелькнуло в голове лейтенанта. — Это, пожалуй, будет лучше всего. Бунке — надежный парень».

Чем дальше Фриц Гольд раздумывал, тем сильнее убеждался, что умный совет ему может дать только один человек — капитан Зигфрид Бунке.

Несмотря на частые встречи и дружеские отношения, Гольд в глубине ДУШИ побаивался капитана из «Мертвой головы». Не раз, встретившись взглядом с капитаном, Фриц Гольд

торопливо отводил глаза в сторону. Ему казалось, что капитан видит не только то, что доступно обычному человеческому глазу. Гольд был почти уверен в том, что если капитан попристальнее взглянется в человека, то прочтет и то, что человек прячет в тайниках своей души, в самых глухих ее закоулках.

В глазах лейтенанта образ Бунке был окружен ореолом непоказного героизма, героизма, являющегося чертой характера. Лейтенанту казалось, что если он будет постоянно общаться с Бунке, то и на него перейдут отблески этого ореола. В то же время он почти ревновал Бунке к лейтенанту Кольбе, втайне сердясь на то, что капитан с одинаковым дружелюбием относится к ним обоим.

Вскоре после их знакомства в пивной «Золотой бык» Гольд, воспользовавшись тем, что Кольбе был занят по службе, один отправился навестить Бунке.

У капитана в этот вечер сильно разболелась нога, и он не захотел куда-либо пойти. Капитан лежал, и Гольду даже показалось, что Бунке не особенно обрадовался его приходу.

Впрочем, капитан сразу же позвал своего денщика, к на столе появился столь любимый капитаном коньяк, Сам Бунке в этот вечер только пригубил, зато Гольд удивительно быстро опьянел. Никогда раньше ему не приходилось напиваться до такой степени. Потом он узнал, что Бунке, несмотря на боль в ноге, сам проводил его до квартиры. В голове Гольда сохранились только отрывки того, что он говорил Бунке. Но даже этих отрывков было достаточно, чтобы, протрезвившись, Гольд похолодел от страха. Подумать только — он, Гольд, говорил, что дела на фронте и в тылу обстоят паршиво, что фюрера окружают изменники, и еще многое такое, за что его легко могли из лейтенанта СС превратить в государственного преступника.

Утром, проснувшись и припомнив кое-что из своих высказываний, Гольд со всех ног кинулся к капитану. Он умолял Бунке не губить его, забыть все те глупости, которые спяна ему наговорил.

К удивлению Гольда, капитан не стал упрямиться, не потребовал ничего за свое молчанье. Он внимательно посмотрел на лейтенанта, усмехнулся и сказал:

— Ну, чего ты перепугался? Мало ли что говорится между друзьями, особенно под пьяную руку! Да я уже все забыл.

Гольд был уверен, что капитан не забыл ни одного слова из того, что он наговорил пьяный. Но дальше капитанских ушей эти разговоры не пошли. Капитан не донес на Гольда и, как казалось лейтенанту, стал еще лучше к нему относиться. А Гольд, хотя и почувствовал себя спокойнее, понял, что попал в зависимость к капитану Бунке. Впрочем, эта зависимость не тяготила Гольда. Она как бы приближала его к Бунке. Все чаще получалось так, что, когда лейтенант Гольд в свободное от службы время приходил к капитану, он заставлял его одного. Странными были эти встречи. Каждый раз, направляясь к капитану, Гольд намеревался расспросить его о фронтовой жизни, узнать, что думает капитан о дальнейшем ходе войны, об окончательном разгроме русских. Но всегда почему-то выходило, что говорил больше Гольд, а капитан подливал ему коньяк, дымил сигаретой да время от времени вставлял какую-нибудь фразу, которая вызывала у Гольда новый поток слов. Гольд не был избалован вниманием слушателей. Даже ближайшие друзья лейтенанта часто обрывали его на полупhrазе, предпочитая говорить сами. Капитан же умел слушать и, что особенно нравилось Гольду, слушал с явным одобрением. Лейтенанту казалось, что капитан совсем не любопытен. За время их знакомства Бунке ни разу не заинтересовался, чем заполнено служебное время Гольда. Только раз, когда Гольд снова проговорился, что ему недавно пришлось расстрелять своего школьного товарища, Бунке с необидной усмешкой сказал:

— Ну и зацепило же тебя этим расстрелом. Да мало ли в кого приходится стрелять? За что же ты своего дружка шлепнул-то?

Гольд считал своим долгом прежде всего отмежеваться от всякой дружбы с расстрелянным радистом, а потом рассказал капитану все, что знал о Максе Бехере. Правда, он старательно умолчал о том, что из себя представляет Грюнманбург, и ни разу даже не упомянул этого названия. Капитан, как всегда, молча выслушал и по окончании рассказа задумчиво сказал:

— Да-а! Интересная история получилась. Значит, сейчас вы совсем без радистов остались?

Узнав, что взамен Макса Бехера и его напарников в часть прислали новых, особо проверенных радистов, капитан с явным удовлетворением сказал:

— Ну, вот видишь, значит, все в порядке.

Лейтенант Гольд с любопытством взглянул на «железного» капитана. Неужели в грюнманбургекой трагедии его обеспокоило только то, что подразделение осталось без радиосвязи? Неужели гибель трех человек ему так же безразлична, как гибель трех муравьев, раздавленных сапогом прохожего? Но капитан со скучающим видом рассматривал сигарету, которую собирался закурить, и больше не добавил ни слова. Он даже не полюбопытствовал узнать волнующие подробности допроса радистов и расстрела Макса Бехера.

С этого времени лейтенант Гольд увидел в капитане Бунке человека, настолько не похожего на него самого, что один раз, в порыве откровенности, сказал Кольбе:

— А знаешь, по-моему, все настоящие солдаты должны быть такими, как Зигфрид Бунке.

Кольбе, отличавшийся большей практичностью, определил Бунке совсем с другой стороны. Подумав с минуту, он ответил Гольду:

— Бунке чего захочет, того и добьется. Такому, брат, на дороге не становись. С сапогами слопают.

...Гольд решил немедленно повидать Бунке. Не откладывая, он отправился за своим мотоциклом к гаражу, вкопанному в холм на сотню метров дальше подземного города. Через несколько минут лейтенант, низко склонившись к рулю мотоцикла, мчался по направлению к Борнбургу.

Получасом позже по той же самой дороге спешил в Борнбург Карл Зельц. Придорожные елочки поспешно шарахались в сторону, словно напуганные бешеной скоростью и громким треском мотоцикла. В давние дни молодости Карл Зельц не раз участвовал в мотогонках, устраиваемых профсоюзами, и никогда не занимал ниже третьего места. Сейчас, выжимая из мотоцикла все, что можно из него выжать, Карл делал это почти автоматически. Мысли его были заняты Гретой. Он понимал, что теперь судьба девушки в его руках. Он не имеет права опоздать или оставить ее. В подземном гараже Грюнманбурга ему удалось узнать номер мотоцикла Гольда. К моменту въезда в Борнбург в голове Зельца окончательно сложился план действий.

Влетев в первые улочки городка, он свернул на главную улицу и, сбавив скорость, медленно проехал мимо здания гестапо. У входа стояло несколько мотоциклов, но нужного Карлу номера не оказалось. Облегченно вздохнув, Зельц прибавил газ и помчался к «Золотому быку». Мотоцикла Фрица Гольда не было и здесь. После этого Зельц объехал все значные места городка, но все было безрезультатно. Он задумался. Где мог быть сейчас Фриц Гольд? Видимо, у кого-то из своих близких друзей или родственников. Но Карл не знал, кто эти люди и где они живут. Оставалось одно — прочесать весь городок, хотя бы его главные улицы, не упуская из поля зрения здание гестапо. Не теряя времени, Карл принялся за дело. Проехав еще раз мимо гестапо, он повернул на параллельно идущую улицу. И тут ему повезло. Около калитки небольшого, утонувшего в зелени домика стоял мотоцикл с нужным ему номером. Убедившись в этом, Зельц сразу же прибавил скорость и через две-три минуты затормозил неподалеку от вокзала, около высокого, мрачного здания, сложенного из когда-то красного, а теперь побуревшего от времени кирпича. Видимо, дом был заселен семьями бедноты. Из раскрытых окон доносились крики и плач детей, на всех балкончиках и подоконниках были вывешены для просушки белье и детские пеленки. Около ворот о чем-то оживленно толковала кучка мужчин, одетых в куртки железнодорожников.

Но Карл не вошел во двор. На углу дома, над обшарпанной дверью, висела проржавленная вывеска, извещавшая о том, что здесь находится мастерская, берущая в ремонт мотоциклы, велосипеды, патефоны, а также различную металлическую посуду. В эту-то мастерскую и вошел Карл Зельц, вкатив с собою свой мотоцикл.

В небольшом помещении у верстаков возились над дырявыми кастрюлями и примусами двое

рабочих. Один из них был Ганс. Увидев входящего Зельца, он отложил инструмент в сторону и пошел к нему навстречу.

— Что случилось, Карл? — встревоженно спросил он,

— Есть дело, — ответил Зельц. — Пусть Юрген посмотрит мотоцикл.

— Юрген, — позвал Ганс своего товарища. — Займись мотоциклом Карла. Если что-нибудь — нажмешь сигнал.

Карл и Ганс прошли через маленькую дверь во внутреннее помещение мастерской, а Юрген начал возиться около мотоцикла. Всякий, вошедший в этот момент в мастерскую, мог бы убедиться, что в мотоцикле Зельца произошла незначительная поломка и сейчас Юрген ее устраняет.

А во второй комнатке мастерской, усевшись на край верстака, заваленного разной железной рухлядью, два друга вели негромкий, но напряженный разговор.

— Нет, Карл, тебе самому в это дело соваться нельзя, — выслушав сообщение Зельца, заявил Ганс.

— Мне нельзя, тебе тоже нельзя. А он может сейчас поехать в гестапо.

— А если он не поедет, а пойдет, и не один, а вдвоем?

— Тем более. На мотоцикле я успею удрать. А мой «Вальтер» бьет без отказа. Пойми, ведь ребят ты сможешь предупредить не раньше чем через час, а за это время он черт знает что натворит.

— Хорошо, — после долгого раздумья согласился Ганс. — Твоя задача — не пропустить Гольда, в гестапо. Через час люди будут расставлены, и ты устроишься.

— Согласен. Но Эрих не знает Гольда в лицо. Его надо заменить.

— Некем. Зриха мы пошлем в «Золотой бык». Клотце ему поможет.

— Ладно, Только предупреди всех. Гольд не должен уйти. Иначе — провал.

— Не уйдет, — заверил Ганс.

Через несколько минут Зельц мчался в обратном направлении. В десятке метров от домика фрау Нидермайер его мотоцикл чихнул и остановился. Карл Зельц слез с седла, отвел машину в сторону от дороги и занялся починкой. Калитка домика и стоящий около нее мотоцикл Гольда, казалось, совсем не интересовали Карла.

* * *

Капитан Бунке отложил книгу и потянулся за сигаретами. Вставать не хотелось, да и положение выздоравливающего после тяжелого ранения обязывало как можно больше лежать. Лежать, ничего не делая, скучно, и капитан читал томик за томиком романы Карла Мая. Каждый из этих романов был построен на борьбе добродетели с пороком. Действие романов обязательно разворачивалось за пределами «фатерлянда», а добродетельным героем был обязательно немец. Этаким белокурый сверхчеловек. Через каждые пятнадцать страниц этот добродетельный герой из-за коварных происков англичан или французов подвергался смертельной опасности, но, благодаря своей необычайной хитрости и ловкости, с помощью верных друзей всегда выходил победителем.

В томике, который читал сейчас капитан, белокурый сверхчеловек геройствовал в Аравии, и благородные арабы называли его Кара-бен-Немси, то есть Карл, сын немца. Арабы называли его так потому, что все немецкое считали самым наилучшим, достойным почитания.

Капитан, безжалостно оставив Кара-бен-Немси в самом безвыходном положении, окруженного злоковарными, жаждавшими его крови, вооруженными до зубов англичанами, прервал чтение, закурил и со вкусом затянулся. В доме фрау Нидермайер книг, кроме библии и полного собрания сочинений Карла Мая, не было. Равнодушный к библии даже в тех случаях, когда ее украшали рисунки знаменитого Доре, капитан вознамерился одолеть несколько десятков романов Карла Мая; Бунке не раз слышал, что Карл Май является любимым писателем Гитлера. В разговоре с тетушкой Кларой капитан сказал, что с его стороны глупо не знать писателя, которого так ценит фюрер, и что это легкомыслие он

постарается заглядывать, если фрау Нидермайер разрешит пользоваться ее книгами. Старушка ничего против не имела, и капитан каждый день по нескольку часов проводил за чтением романов Мая. Зато вечерние часы и значительную часть ночи капитан Бунке отдавал «Золотому быку» или прогулкам по улицам и окрестностям Борн-бурга.

Капитан не успел докурить сигарету, как в комнату вошел его денщик Франц.

— Старушка отправилась в деревню — заговорил он, не ожидая вопросов капитана. — Сказала, что вернется завтра к вечеру. Просила меня присмотреть за домом. Доверяет.

— Садись, — кивнул головой Бунке. — Трупы видел?

— Видел. Это — солдаты, которых мы встретили, когда шли сюда из гостиницы.

— Я так и думал.

Треск мотоцикла под окном заглушил слова Бунке. Капитан недовольно поежился:

— Кто там?

— Лейтенант Гольд, — доложил Франц, выглянув в окно. — Он, по-моему, или очень пьян, или ему начальство здорово всыпало.

— Ладно, — быстро сказал капитан. — Пусть нам никто не мешает. Запри калитку и никого не впускай.

Фриц Гольд стремительно вошел в комнату и плотно закрыл за собой дверь. Он запыхался, хотя только что слез с мотоцикла. На красном, распаренном лице блестели капельки пота.

— Зигфрид, — понизив голос, заговорил он вместо приветствия, — Мне надо поговорить с тобой как с самым близким другом. Я мчался сюда сломя голову. Мне не с кем больше посоветоваться. Не у кого попросить помощи.

— Говори, Фриц, — спокойно ответил Бунке. — Обещаю тебе сделать все, что могу.

— Вот-вот, — обрадовался Гольд. — Это самое главное. Нет ли у тебя чего-нибудь выпить?

— Франц, коньяку! — крикнул Бунке.

Франц молча принес и поставил на стол бутылку и две рюмки.

— Пей, Фриц! — пригласил Бунке.

Гольд выпил одну за другой три рюмки коньяку и, крякнув, устался на Бунке.

— Слушай, Зигфрид. Произошла страшная, совершенно непонятная вещь. Я попал в такую переделку, что хоть пулю в лоб пускай.

— Ты проигрался? — сочувственно спросил капитан. — Сколько?

— Мне уже нечего проигрывать! — раздраженно крикнул Гольд. — Хуже, Зигфрид, чем самый крупный проигрыш, гораздо хуже. — Наклонясь к самому уху капитана, он рассказал о встрече с Гретой, а заодно и историю семьи Шуппе и Верков. Он не скрыл даже и то, зачем Лотта была вызвана в Грюнманбург и какие разговоры ходят о лаборатории «А». Капитан слушал внимательно, не пропустив ни слова.

— Что же мне делать, Зигфрид? — спросил, наконец, лейтенант. — Ведь, кроме грязной истории с этой еврейкой, на мне еще и расстрел Макса Бехера. Мне не поздоровится, если в Грюнманбурге остались его друзья.

— Да-а. Красные таких штук не прощают. Я тебе не завидую, — неторопливо ответил Бунке. — Если бы пришлось выбирать между самым паршивым участком на переднем крае и твоим положением... я бы выбрал передний край.

— Я сам согласен уехать сейчас куда угодно, хоть на фронт!

— А, в самом деле, почему бы тебе не попроситься в действующую армию? Это, пожалуй, выход.

— Что ты, Зигфрид. Ни с того, ни с сего... Капитан ничего не ответил. Гольд сидел как на иголках: молчание капитана угнетающе действовало на него.

Но Бунке не спешил на выручку перепуганному эсэсовцу. Спокойно, даже меланхолично он помял в пальцах сигарету, щелкнул зажигалкой и закурил. Время шло. Капитан мастерски пускал в воздух ровные колечки дыма, рассеянно наблюдая, как они медленно тают в воздухе.

— Что мне делать, Зигфрид? — не выдержал Гольд. Капитан неторопливо потушил сигарету и поднял

глаза на Гольда:

— Когда ты видел Грету Верк?

— Сегодня, часа полтора-два тому назад.

Бунке сожалеюще посмотрел на Гольда и с глубоким убеждением ответил:

— По-моему, тебя надо расстрелять. Конечно, если гестапо узнает все, о чем ты мне рассказал, то до завтрашнего утра тебе не дожить.

— Ты что, с ума сошел? За что? — воскликнул Гольд. — Во-первых, за то, что ты сразу не сообщил гестапо о проникновении врага на секретнейший объект. На такой объект, от которого зависит судьба великой Германии.

— Но я могу сейчас же сообщить. Я пойду... — вскочил с дивана Гольд.

— Садись,— оборвал его капитан. — Прошло уже два часа. За это время она, боясь разоблачения, могла все записи, расчеты и формулы передать своим сообщникам.

— Что же делать?! — беспомощно опустил на место Гольд.

— Во-вторых, — будто не слыша Гольда, спокойно продолжал капитан, — тебя надо расстрелять за то, что ты мне, постороннему человеку, рассказал, что делается в лаборатории «А». Проще говоря, ты выдал военную тайну.

Гольд в ужасе уставился на капитана.

— Но, дорогой Зигфрид, — забормотал он. — Ведь я только тебе, как другу... Неужели ты...

— Разглашение военной тайны карается смертью,— холодно проговорил Бунке.

— Я шел к тебе просить совета. Как же я мог не рассказать... Послушай, дорогой Зигфрид, будь другом...

— Я и хочу дать тебе дружеский совет, — перебил Бунке излияния эсэсовца, — совет настоящего друга,— он подчеркнул слово «настоящего».

— Ну, говори скорее, Зигфрид! Что мне делать? — ожил Гольд.

— Молчать, — коротко ответил Бунке.

— А если узнают? — робко осведомился Гольд.

— Тогда расстреляют, — как о чем-то самом обычном сказал Бунке. — Да не дрожи ты, а слушай. Кто, кроме тебя, может отличить Грету от Лотты?

— Кроме родных Лотты да еще тетушки Клары, пожалуй, никто, — ответил Гольд после минутного раздумья. — Сейчас здесь нет никого из тех, кто знал их близко. Мужчины на фронте, женщины разъехались кто куда.

— А Кольбе?

— Что ты, Зигфрид! Он ведь недавно здесь. Его родные живут около Гамбурга.

— Ты слышал сегодняшнюю сводку? — спросил Бунке.

— Слышал, — удивленно взглянул на капитана Гольд. — Паршивая сводка. наших прут.

— А ты не думал над тем, что будет, когда русские придут сюда?

Гольд испуганно подбежал к окну и захлопнул раму.

— Не бойся, там никого нет, — усмехнулся Бунке,— Ты думал над этим вопросом?

— Кто из нас над этим не думает, — шепотом заговорил Гольд. — Только о приходе русских и думать страшно...

— А надо думать, — сурово отрезал Бунке. — Сообрази, как отблагодарит тебя отец Греты, господин Верк, если ты не выдашь его дочь, а поможешь ей. Верк в Америке, но ведь американцы-то — союзники русских. Ты думаешь, эта самая Грета для собственного удовольствия приехала в Грюнманбург?

— Та-та-та! — изумленно воскликнул Гольд. — А я ведь об этом не подумал.

— Ну, так думай, а я пока почитаю, — потянулся за книжкой Бунке. — Видимо, до тебя не сразу доходят умные советы.

— Ну, дорогой Зигфрид, какой ты сегодня странный, — взмолился Гольд. — Я еще не все понял. Хорошо, я буду молчать, но что мне делать сейчас?

Бунке вглянул на него поверх книги.

— На твоём месте я бы прежде всего успокоил Грету, Обещал бы ей поддержку.

— Да, да, — закивал Гольд. — Я это сделаю немедленно. Сегодня же.

— Хорошо бы мне встретиться с Гретой. Я бы по-настоящему втолковал ей, что ты для нее не враг, а друг. Скажем, сегодня в десять часов вечера, в этом доме.

Гольд удивленно взглянул на Бунке.

— Но ведь тетушка Клара сразу ее узнает!

— Фрау Нидермайер до завтрашнего дня не будет дома.

Гольд со все возрастающим удивлением разглядывал капитана.

— А зачем тебе Грета? — недоумевающе спросил он. — Влипнешь еще с нею.

— Дорогой Фриц, — прочувствованно заговорил Бунке, отбросив томик Мая. — Ты ко мне пришел как к другу. Я тебе хочу помочь. Если ты веришь мне, то делай так, как я тебе говорю. Если нет — отправляйся в гестапо, а я пойду заказывать тебе надгробный памятник. Даже потороплю мастеров, чтобы памятник был готов к вечеру. Делай, как тебе лучше.

— Ну, зачем так, — заморгал глазами Гольд. — Зачем мне идти в гестапо? Я верю, что ты настоящий друг, и сделаю все, как ты мне посоветуешь. Ведь ты меня не подведешь, Зигфрид?

— Слово солдата! — обещаю тебе как другу, что помогу во всем. Обещаю тебе, что ты уедешь отсюда очень скоро и очень далеко. Нет, не на фронт, наоборот, ты будешь в самом надежном тылу, и к тебе хорошо отнесутся люди гораздо старше тебя по званию.

— Благодарю тебя, Зигфрид, — растроганно сказал Гольд. — Я сразу почувствовал в тебе настоящего человека. Сейчас я поеду, успокою Грету.

— Поезжай, — согласился Бунке. — Только запомни: я с тобою ни о чем не говорил. Не проболтайся.

— Что ты, Зигфрид! Клянусь тебе...

— Верю, — перебил его Бунке. — А самое главное — берегись друзей Макса Бехера. Ну, отправляйся к Грете. Встретимся в девять в «Золотом быке». Только не запаздывай. К десяти мы должны вернуться сюда.

Окрыленный лейтенант поспешно вышел из комнаты... Вскоре со двора послышался удаляющийся треск мотоцикла.

Капитан Бунке несколько мгновений сидел на диване с глубокой задумчивости. Затем встал и, достав из офицерской сумки книгу небольшого формата, уселся к столу. Взглянув на календарь, висевший над столом, он открыл книгу на странице, соответствовавшей сегодняшнему числу месяца. В книге лежало несколько газетных вырезок. Это были солдатские песни, печатавшиеся в фашистских фронтовых газетах. Не спеша, то и дело взглядывая то на одну из вырезок, то на страницу книги, капитан стал наносить на листок бумаги цифру за цифрой. Видимо, работа требовала большого напряжения, потому что капитан просидел, не разгибая спины, почти три часа. Наконец он положил вырезки и с облегчением: захлопнул книгу. На верхней обложке блестело тиснутое золотом: «Адольф Гитлер. Майн Кампф».

В комнату вошел денщик Франц. Не отвечая на вопросительный взгляд капитана, он вынул из кармана несколько листков бумаги и положил на стол. Бунке просмотрел листки. Один из них привлек к себе пристальное внимание капитана. Мелким, четким почерком на четвертушке бумаги было написано: «Волна 11,5. Позывные — «Викинг». Лично фон Гейму. Что предпринято для лечения Греты Верк...».

Г л а в а 21

ЛИЧНЫЕ ДЕЛА КАПИТАНА БУНКЕ

Солнце уже закатилось, и с комнату медленно вползли сумерки, а капитан Бунке все еще ломал голову над радиোগраммой Брука и ответом фон Гейма. Мысли, совсем не свойственные профессии капитана-танкиста, волновали сегодня Бунке. «Почему Эрнст Брук так заинтересовался судьбой Греты Верк? — размышлял капитан. — Кто такой этот

штандартенфюрер СС — понятно, но какую роль он играет в чертовой кухне — Грюнманбурге? Как вместо Шарлотты Шуппе в Грюнманбург попала Грета Верк? По чьему заданию она здесь? Где настоящая Шарлотта Шуппе?»

Сильно заинтересовало капитана Бунке сообщение о приезде из Берлина доктора Попеля. «Значит, начальник Борнбургского гестапо Цехауер поступает на выучку к Попелю. Попель... Что это за Попель?!» — попытался вспомнить капитан. Хорошо натренированная память услужливо подсказала ему: «Ах да, это тот самый дохтор Попель, который достался гестапо по наследству от полицейского аппарата времен республики. Знаменит кровавыми расправами над рабочими Гамбурга. Знающий криминалист, способный контрразведчик. Значит, этого доктора и направил сюда фон Гейм. У фон Гейма, видимо, есть какие-то особые причины для посылки сюда одного из самых надежных своих подручных. Гестапо что-то пронюхало...»

— Как бы эти ишейки не напали на след Греты Верк, — недовольно проворчал капитан. — Сейчас это совсем некстати.

В комнате потемнело. Вошел Франц и, задернув светомаскировочные шторы, включил электричество.

— Ну, как дела в высших сферах, Франц? — отрываясь от дум, шутливым тоном спросил денщика капитан. — Что нового разболтал твой друг Кибиц?

Но денщик не разделял веселого настроения капитана. Он сказал встревоженно:

— Попель не только пеленгаторщикоз загонял. Он вызвал целую команду с миноискателями и сам уехал с нею. Говорят, ищут что-то около автострады, километрах в сорока от города.

— Что же они ищут? — улыбнулся Бунке. — Клад, что ли, какой?

— Что ищут, знает только майор Попель. Но пока что нашли военные пуговицы, пряжки от ремней советского образца, звездочки.

— И много нашли? — сразу стал серьезным капитан.

— Много, — усмехнулся денщик. — Кибиц говорит, что, судя по количеству пуговиц, русские здесь высадили целый десант. Одних звездочек, говорит, целую пригоршню набрали.

— Откуда же столько? — искренне удивился капитан. — Может быть, врет твой Кибиц?

— Определенно врет. С перепугу. У страха глаза велики, — развеселился Франц. — Солдаты и даже гестаповцы болтают, что здесь высадился чуть не батальон русских десантников. Только один Попель знает, сколько на самом деле найдено пуговиц, пряжек и звездочек.

Капитан подал Францу листок бумаги, над которым работал после ухода Фрица Гольда.

- Сегодня ночью?

— Да, сегодня. Когда обещали данные по Веркам?

— В двадцать один тридцать могут передать.

— Ну, вот в это время и выходи в эфир. Сегодня можно отсюда.

— Отсюда?!

— Да, отсюда. Попель ждет нас после полуночи и, по обыкновению, далеко от города.

— Ясно.

Негромко звякнул звонок у входа. Капитан взглянул на часы.

— Ого, уже десятый час. Это, наверное, Гольд. Он, к девяти ждал меня в «Золотом быке».

Но денщик впустил не Гольда, а Макса Кольбе.

— Хайль Гитлер! — рявкнул эсэсовец с порога комнаты. — Ты с ума сошел—в такой вечер дома сидеть! Собирайся.

— Да я только что хотел идти, — встал, опираясь на палку, Бунке. — Мы с Фрицем условились в девять встретиться в «Золотом быке», да вот видишь, я запоздал. Нога что-то опять подводит.

— А я заглянул туда, — расхохотался Кольбе, — вижу, за столом с унылой миной сидит Фриц. Меня он не заметил. Я — тягу обратно. Думаю, раз Зигфрид еще не пришел, значит,

сидит дома, зайду к нему. Кстати, у меня к тебе есть дело.

— Ну, пошли, по пути поговорим, — направился к двери Бунке.

— Да у меня и дельце-то всего на две-три минуты, — заискивающе проговорил Макс. — Ты не выручишь меня? — и, чуть смутившись под пристальным взглядом капитана, он сделал правой рукой жест, как будто считал деньги. — Я дня через три расплачусь. Очень нужно.

— Продулся в карты? — добродушно спросил капитан.

— Да нет, — хохотнул Кольбе. — Тут совсем другое. Хочу к девчонке одной завалиться, а к ней без этого, — он повторил жест, — и не приходи. Знает себе цену...

— Сколько тебе? — понимающе подмигнул капитан,

— Если бы марок двести. Я бы не сказал, чтобы они были лишними, — балагурил Кольбе.

— Что же она так дешево себя ценит? Всего-навсего двести марок? — пошутил капитан, вынимая портмоне и отсчитывая деньги. — Пойдем.

Приятель вышел на улицу.

Фриц Гольд и в самом деле скучал. Явившись к девяти часам в пивную, он первым долгом осведомился у дядюшки Клотце, не приходил ли капитан Бунке.

— Капитан Бунке? — переспросил хозяин пивной. — Такого не знаю. А-а, — вдруг припомнил он. — Это такой высокий танкист, с палкой ходит?

— Да, да! — нетерпеливо подтвердил Гольд. — Был он сегодня?

— Нет, еще не был.

Гольд досадливо передернул плечами и отошел к своему излюбленному столику. Заказав кружку пива, он уселся в ожидании, то и дело отгибая манжет мундира и взглядывая на ручные часы.

Едва Гольд взял поданную Мартой кружку пива, как Эльза, повинувшись знаку дядюшки Клотце, упорхнула в заднюю комнату пивной. Через пару минут она вернулась и по-прежнему забегала с кружками пива между столиками.

С каждой минутой пивная все больше наполнялась народом. Один из вновь вошедших, коренастый человек лет тридцати пяти, занял самый крайний от входа столик. Одетый в поношенную, но хорошо сидевшую на нем одежду, он с усталым видом много потрудившегося человека сел на стул и оперся локтями о крышку стола. Большие кисти рук с напряженными жилами он положил ладонями на клеенку, словно желая охладить натруженные мозоли. На щеке под левым глазом человека краснел рубец — след давнего ранения. Марта поставила перед ним кружку пива и отошла к столику Гольда.

— Господин лейтенант желает получить еще кружку свежего пива? — кокетливо спросила она офицера. Сидящий у двери человек внимательно посмотрел на Гольда.

— Да, давайте еще одну кружку, — кивнул Гольд и, снова взглянув на часы, воскликнул: — Черт возьми, уже десятый. Почему так долго нет Зигфрида?

Марта, отвечая улыбками на заигрывания и любезности посетителей, побежала к стойке, но ее остановил человек, сидящий за крайним столиком.

— Получите деньги, фрейлейн! Я спешу. Расплатившись, он быстро вышел из пивной, кинув

еще один внимательный взгляд на лейтенанта Гольда.

Дядюшка Клотце, отойдя от стойки, заглянул за занавеску двери, ведущей в заднюю комнату. Там, скрытый полузатворенной дверью, стоял Карл Зельц,

— Все. Он видел, — негромко сказал дядюшка Клотце.

— Хорошо, — кивнул головою Зельц и плотно закрыл дверь.

Тем временем Марта подала Гольду новую кружку пива, но лейтенант неожиданно поднялся с места.

— Пусть эта кружка подождет меня. Я через десять минут вернусь со своими друзьями. Столик прошу считать занятым.

— Хорошо, господин лейтенант. — Марта посторонилась, пропуская офицера. — Столик будет за вами.

Гольд торопливо вышел на улицу. Ночь была темная, но он не стал ждать, пока глаза освоятся с темнотой, а, нащупав ногами плиты тротуара, зашагал к квартире Бунке. «Почему Зигфрида до сих пор нет? — смятенно размышлял лейтенант. — Не задумал ли он выдать меня? Может быть, уже отдан приказ о моем аресте?» Гольду показалось, что следом за ним кто-то идет. Лейтенант втянул голову в плечи и поспешно перешел с тротуара на смутно белевшие плиты мостовой. Впереди послышались оживленные голоса Бунке и Кольбе. Гольд, обрадованно взмахнул руками, закричал:

— Зигфрид! Макс! Ну, где вы пропали? Идите скорее сюда.

Из темноты, с тротуара, наперерез Гольду метнулся какой-то человек. Сильно толкнув его в левый бок, так, что лейтенант отлетел на несколько шагов в сторону и чуть не упал, человек побежал вдоль улицы. Гольд вначале почти не почувствовал боли и очень удивился, что по груди и животу потекло что-то горячее и что сам он начинает валиться на землю. Лейтенант схватился рукою за грудь, и тогда жгучая боль опрокинула его на спину.

— Зигфрид! Макс! На помощь! Меня убивают! — взвыл нечеловеческим голосом Гольд. — Ты что? Уже нализался? — насмешливо крикнул Кольбе, подбегая к лежавшему товарищу.

— Меня хотели убить. Это месть за Макса Бехера, — слабо проговорил Гольд. — Помогите мне встать.

— Что ты ерундишь? — заорал Кольбе, но Бунке, осветив Гольда фонариком, остановил эсэсовца:

— Тише, Макс. Тут что-то серьезное. Кто тебя, Фриц?

— Не знаю, — сквозь зубы ответил Гольд. — Он туда побежал...

— Макс! Перевяжи Гольда! — приказал Бунке. Забыв о раненой ноге, он кинулся в сторону, указанную Гольдом. К месту происшествия начали сбегаться люди.

Отбежав метров сто пятьдесят по узкой, темной улице, Бунке прислушался. Впереди он уловил легкий звук шагов бегущего на носках человека. Еще через полсотни метров он, на секунду включив фонарик, увидел того, за кем гнался. В несколько прыжков капитан догнал убегавшего, но тот неожиданно остановился и кинулся на преследователя. Блеснуло лезвие кинжала. Бунке едва успел отскочить в сторону и ударом палки выбить кинжал из рук нападавшего. В следующее мгновение капитан сдавил руками мозолистые ладони противника и грудью прижал его к стене. Он внимательно, насколько позволяла темнота, взгляделся в лицо задержанного. На него с ненавистью смотрел человек лет тридцати с небольшим шрамом под левым глазом. Пойманный и не думал сдаваться. Прижатый к стене, он напрягал всю свою незаурядную силу, чтобы вырваться из рук капитана.

— Дурак! — вдруг с неожиданной мягкостью в голосе негромко сказал Бунке. — Кто же так убегает? Стой вот здесь и затаись, а потом беги вслед за всеми.

Бунке толкнул опешившего человека за выступ дома, подобрал валявшиеся на земле палку и кинжал и кинулся дальше, крича во все горло:

— Вот он! Вот! Сюда!

Позади послышался топот — это спешил на помощь патруль.

Капитан со звоном бросил кинжал на плиты мостовой, упал на одно колено и, выхватив из кармана пистолет, сделал один за другим несколько выстрелов.

С отдаленного конца улицы, вдоль которой стрелял Бунке, донеслась короткая автоматная очередь. Видимо, и там патрули подняли тревогу. Начальник подбежавшего патруля наклонился над Бунке:

— Где он, господин капитан? Далеко?

— Только что здесь был. Он в таком же, как я, мундире, высокий, здоровый. Догоняйте! Я больше не могу. Нога...

Патрульные с десятком добровольцев из гитлерюгенда кинулись дальше по пустынной улице, время от времени стреляя вверх из пистолетов. Капитан, охая, начал подниматься. Несколько человек из сбегавшейся на шум толпы помогли ему. Первым подхватил капитана под руки крепыш средних лет с шрамом на левой щеке.

— Будьте добры — обратился к нему капитан. — Поищите, где-то тут валяются моя палка и кинжал, которым швырнул в меня этот негодяй. Чуть-чуть в грудь не засадил, мерзавец. Кинжал и палку быстро разыскали. Едва взглянув на кинжал, капитан с видом величайшего удивления присвистнул:

— Нашего образца! Эсэсовский! Интересно!

В сопровождении целого эскорта провожатых капитан Бунке направился обратно. Человек со шрамом некоторое время шел неподалеку от Бунке, не спуская с капитана удивленного взгляда. Затем, словно вспомнив что-то, человек незаметно отстал, свернул в переулок и исчез в ночной темноте. А на окраине городка все еще раздавались выстрелы. Там патрули гонялись за случайными прохожими, пытаясь поймать преступника.

Когда Бунке подошел к месту, где оставил Гольда, Макс, уже перевязав раненого, ожидал приезда санитарной машины. Но, увидев Бунке, Гольд заявил:

— Не хочу в госпиталь. Несите меня к Зигфриду.

— Но врач... — начал было Кольбе.

И врача надо вызвать к Зигфриду, — упрямо твердил раненый.

Конечно, — вмешался Бунке. — Если ты хочешь, Фриц, мы перенесем тебя ко мне... Как ты себя чувствуешь?

— Сейчас боль меньше... только слабость, — еле слышным голосом ответил Гольд. — Крови много потерял.

Не дожидаясь приезда санитарной машины, Бунке осторожно поднял Гольда на руки. Раненый заскрипел зубами от боли.

— Я у тебя и отлежусь, Зигфрид. Ты не будешь возражать? — отдышавшись, спросил Гольд.

— Что за чушь. Конечно! Полежишь, пока не выздоровеешь.

Любопытные расходились. Только один из стоявших в толпе, человек, одетый, несмотря на теплую ночь, в легкое пальто, пошел вслед за Бунке и Кольбе. Поднявшись на крылечко дома, Кольбе распахнул двери, чтобы Бунке мог внести раненого в комнату. Следовавшего за ним человека в реглане он встретил насмешливым вопросом:

— И вы, Цехауер, уже тут? По свежему следу рассчитываете пуститься? Желаю успеха.

Глава 22

ЦЕХАУЕР ПОЧУЯЛ СЛЕД

Бунке заботливо уложил Гольда на свою кровать и приказал Францу:

— Согрей воды! Да побольше...

Даже на белоснежной наволочке подушки лицо Гольда выделялось мертвенной бледностью. Глаза и щеки ввалились, нос заострился.

— Вот хорошо, что ты подоспел, Зигфрид, — задыхаясь, говорил раненый. — Если бы не ты, конец бы мне. Спасибо.

— Какие пустяки, Фриц! — садясь на край кровати, дружески ответил Бунке. — Жаль, что я его не догнал. Нога проклятая подвела.

Цехауер, до этого с любопытством оглядывавший комнату, негромко сказал Кольбе:

— Примите меры, чтобы врач не позднее, чем через десять минут, был здесь. Подхлестните их.

Кольбе вышел из комнаты. Цехауер опустил на стул около изголовья раненого.

— Лейтенант, вы знаете, кто на вас напал?

— Темно было... лица не разглядел, — слабым голосом ответил Гольд.

— А вы, господин капитан? — взглянул Цехауер на Бунке.

— Разве в такой темноте разглядишь, — ответил капитан. — К тому же, налетчик убежал от меня. Когда я почти догнал его, он швырнул в меня кинжалом. Мастерски швырнул, сукин сын. Не отскочи я в сторону — он до рукоятки загнал бы в меня эту железку, — и Бунке

вытащил из-за пояса широкий эсэсовский кинжал с окровавленным лезвием.

Цехауэр осмотрел кинжал и отложил его в сторону. Затем он скользнул придирчивым взглядом по фигуре капитана, как бы удостовераясь, что собственный кинжал Бунке висит в ножнах на его поясе. Несколько дольше взгляд Цехауэра задержался на раненой ноге капитана. Бунке заметил этот тайный, но внимательный и враждебный осмотр.

— Как же все-таки выглядел нападавший? — раздраженно спросил Цехауэр. — Неужели ничего не рассмотрели?

— Нет, я довольно хорошо рассмотрел его фигуру. Он высокий, по-моему, даже атлетического сложения человек. Одет в наш мундир офицера СС. — Бунке припоминал, как выглядел офицер, занявший их столик в «Золотом быке» несколько дней тому назад. — Да еще вот что. Он говорит не так, как прирожденный немец.

— Вы что же, разговаривали с ним? — подозрительно прищурился Цехауэр.

— Разговаривать с ним будете вы, если поймаете, — обрезал Цехауэра Бунке. Под холодным взглядом капитана СС гестаповец отвел глаза. Он давно уже отвык разговаривать с людьми, которые не боялись его.

— Ну, ну, — примирительно заговорил Цехауэр. — Вы что, шуток не понимаете?

— Шутки, кидающие тень на мое достоинство, я называю оскорблением, — прежним тоном ответил Бунке.

Несколько секунд тянулось неловкое молчание.

— Так почему вы думаете, господин капитан, что нападавший неправильно говорит по-немецки? — снова задал вопрос Цехауэр. Теперь его голос звучал почтительно.

— Он выругался, когда увидел, что промахнулся, — холодно ответил Бунке. — При этом как-то странно выговаривал слова. А потом, убегая, еще что-то сказал и, по-моему, не по-немецки.

Иехауэр попросил капитана воспроизвести акцент убийцы. Капитан исполнил его просьбу.

Гольд, услышав знакомый акцент, повернулся к Цехауэру:

— Да, да! Я сейчас припомнил. Это он. Высокий такой, круглолицый и говорит странно, как будто у него каша во рту. А мундир на нем наш. Я его раньше в пивной встречал. Он... — но дальше лейтенант продолжать не мог. Неожиданный приступ кашля потряс все его тело. На губах показалась струйка крови...

В этот момент в комнату в сопровождении Кольбе и медсестры вошел врач. Внимательно посмотрев в лицо раненому, он покачал головой и коротко бросил сестре:

— Шприц! Быстро!

Франц притащил таз и огромный кувшин горячей воды. Пока врач торопливо мыл руки, сестра сделала Гольду укол, и землисто-белое лицо раненого оживилось.

С профессионально-бодрым видом, подшучивая над «нынешней молодежью, которая от всякой царапины в обморок падает», врач подошел к постели, на которой лежал Гольд. Но едва лишь повязка, наложенная неумелой рукой Макса Кольбе, была снята, врач, бросив на рану внимательный взгляд, приказал снова забинтовать раненого.

— Ну, как, доктор? — с надеждой взглянул Гольд на врача.

— Пустяки, — с наигранной веселостью ответил тот. — Заштопаем, будете крепче прежнего. Месяца через два танцевать сможете.

В глазах Гольда вспыхнули радостные огоньки.

— Зигфрид, позвал он. — Сколько времени?

— Без десяти десять — ответил Бунке.

— Что же так долго нет Лотты? — забеспокоился Гольд. Я хотел бы сам тебя с ней познакомиться.

— Не тревожься, Фриц, все будет в порядке.

— Наклонись ко мне, Зигфрид, я хочу тебе кое-что сказать...

Бунке наклонился. Слабеющим голосом Гольд стал просить капитана не проговориться об их дневном разговоре.

Бунке, опасаясь, чтобы гестаповец не разобрался в задыхающемся шепоте Гольда,

вполголоса уговаривал раненого:

— Ничего не бойся, Фриц. Как днем договорились, так и будет. У тебя тяжелая, но не опасная рана.

Между тем Цехауер, отозвав врача в сторону, осведомился:

— В каком состоянии офицер? Выживет? Врач ответил вопросом на вопрос:

— Давно его ранили?

— Минут двадцать тому назад.

— Да? — удивился врач. — Так он и должен был умереть минут двадцать тому назад.

— Неужели у вас нет какого-либо средства... — начал Цехауер. — Мне нужно, чтобы он прожил хотя бы; с час.

— К сожалению, я не бог, — рассердился врач. — Сейчас сделаем еще один укол. Раненый молод... полон сил... но даже часа ему не прожить.

— Действуйте, — раздраженно кивнул Цехауер и, повернувшись, распорядился: — Прошу оставить меня наедине с раненым.

— Не падай духом, Фриц. Вылечат, — ободряюще улыбнулся Гольду Бунке и, делая вид, что поправляет подушку, наклонившись к уху лейтенанта, прошептал: — Не проболтайся. Язык на замок. Цехауер — мерзкий тип, он что-то почуял.

— Лейтенант, — потребовал Цехауер, оставшись наедине с Гольдом, — скажите, кому было интересно вас убить?

Глаза Гольда зажглись лихорадочным блеском.

— Это за Макса Бехера... Тот, высокий... он не немец... Хорошо, что Бунке успел...

— Кто этот Бунке? — резко перебил Цехауер.

— О, Зигфрид Бунке — настоящий парень... хороший: друг... герой. Он такой... Бунке можно во всем верить...

Гитлеровец сделал попытку повернуть речь Гольда в другом направлении.

— Гестапо хорошо известно, что вы и раньше встречались с тем человеком, который ударил вас ножом, — угрожающе заговорил он. — Что этот человек поручал вам? Что ему от вас было нужно?

— Я его видел только один раз... в «Золотом быке». Даже не разговаривал... Он мне ничего не поручал...

— Кто же вам поручал? — быстро повторил вопрос гестаповец.

— Никто не поручал! Идите вы от меня... — заволновался Гольд. Он хотел повернуться спиной к Цехауеру, но это движение дорого обошлось ему. Мучительная боль на секунду почти потушила сознание, на губах снова появилась струйка крови.

— Говорите всю правду, лейтенант, — жестко сказал Цехауер. — Не в ваших интересах оставить преступника безнаказанным. Торопитесь! Вам осталось жить очень мало. Ведь вы умираете. Вы уже труп. Говорите! За что вас убили? Чего от вас требовали?

— Я же вам сказал... Мне мстили за Макса Бехера, — испуганно оправдывался Гольд, — только за Бехера. Я больше ничего не знаю... Я никого не видел... Что вы ко мне пристали? Зигфрид!.. — вдруг взвизгнул он... — Зигфрид!.. Иди сюда скорее!..

Оставив Цехауера наедине с Гольдом, капитан Бунке, врач и медицинская сестра разместились в столовой. Кольбе уже находился в комнате. Присев на подоконник, он негромко насвистывал что-то.

Словоохотливый и много повидавший на своем веку старичок-врач пустился в воспоминания о редкостных раненых, с которыми ему приходилось встречаться. Бунке, делая вид, что внимательно следит за рассказом доктора, чутко прислушивался к тому, что происходило в соседней комнате. Только огромным напряжением всех своих сил капитан сумел сохранить внешнее спокойствие. В голове торопливо, обгоняя одна другую, проносились тревожные мысли: «Сумеет ли Гольд промолчать о встрече с Гретой Верк и разговоре со мною? Ведь он трус. Вдруг гестаповец скажет, что его убили по моему приказанию. Гольд может поверить. Цехауер что-то заподозрил. Но что?.. А-а-а! — капитан чуть не подскочил на месте. — Вот где собака зарыта! Цехауеру подозрительно, как я с больной ногой мог догнать удиравшего

изо всей мочи убийцу. Да-а! Это мой промах... Серьезный промах! — капитан на минуту даже перестал поддакивать доктору. — Выход? Где же выход?.. Надо сбить Цехауера со следа. Разбить его подозрения. Нельзя допускать слежки. Надо самому идти в гестапо».

В комнату в сопровождении Франца вошла девушка. Доктор на полуслове оборвал свое повествование, Коль-бе перестал насвистывать. Все встали. Чарующая красота девушки вызвала молчаливое восхищение.

— Разрешите представить, господа, — первым заговорил Бунке. — Фрейлейн Лотта Шуппе, двоюродная сестра раненого лейтенанта Гольда.

— Боюсь, что уже умирающего, — невпопад вставил доктор.

— Фриц!.. — негромко вскрикнула девушка и бессильно опустилась на поданный капитаном Бунке стул. Усаживая девушку, капитан успел шепнуть ей:

— Здесь все — ваши враги, кроме меня и моего денщика. Не уходите, не поговорив со мной. Девушка сидела, закрыв лицо руками. Плечи ее вздрагивали. В столовой установилась тишина.

В это время из соседней комнаты донесся испуганный крик Гольда:

— Зигфрид!.. Зигфрид!.. Иди сюда... скорее!..

На мгновение в комнате возникло замешательство, но капитан, почтительно склонившись перед девушкой, уверенным тоном сказал:

— Фрейлейн, вам следует быть у постели вашего несчастного брата. Поддержите его.

Бунке взял под руку девушку и, подойдя к двери своей спальни, широко распахнул ее. Цехауер протестующе поднял руку, но на него никто не обратил внимания. Вслед за Бунке и девушкой в комнату вошли врач с медсестрой. Только Кольбе остался на своем прежнем месте в столовой.

— Зигфрид! — протянул навстречу капитану руки Гольд. — Послушай, что он говорит! Он говорит, что я умираю... Разве это правда, Зигфрид?..

— Я видел раны пострашнее, чем у тебя, но и от них люди не умирали, — спокойно проговорил Бунке, проходя вместе с девушкой к кровати Гольда. — Ведь господин Цехауер не врач. Спросим лучше у врача.

Но врач, не отвечая, склонился над Гольдом со шприцем в руках.

Место Цехауера около изголовья лейтенанта заняла Грета. Бунке осторожно присел на край кровати. Цехауер оглядел недовольным взглядом капитана и девушку, но ничего не сказал. Он дождался, когда врач, сделала укол, вышел в столовую, и последовал за ним.

Старик с равнодушно-печальным видом складывал в чемоданчик коробочки со шприцами, иглами и ампулами. Медицинская сестра помогала ему.

— Вы уходите? — спросил гестаповец.

— Мне здесь больше нечего делать, — пожал плечами врач. — Меня в госпитале ждут тяжело, но не безнадежно раненные люди. А лейтенант сможет и сам...

— Что сможет лейтенант?

— Умереть.

Кольбе, сидевший на подоконнике, перестал насвистывать.

— Скоро? — спросил он.

— Скоро. Очень скоро. Если вам что-нибудь нужно от него, советую поторопиться.

Цехауер взглянул на часы, немного подумал и, круто повернувшись, торопливо вышел из комнаты. Вскоре послышался стук калитки, захлопнувшейся за гестаповцем. Врач взял в руки свой чемоданчик и направился было в комнату, где лежал Гольд, но в двух шагах от двери безнадежно махнул рукой и вышел вслед за Цеха-уером. За ним удалилась и сестра!

А у постели Гольда шел негромкий, но торопливый обмен мнениями. Увидев Грету, лейтенант оживился.

— Ты пришла... Это хорошо... — старательно избегая называть девушку по имени, слабо заговорил Гольд. — Это капитан Зигфрид Бунке. Он мой самый лучший друг, Он и тебе друг, ты не думай... Слушай, Зигфрид... Почему Цехауер говорил о смерти?.. Разве...

— Он хотел что-то выпытать и решил припугнуть тебя. Он, кажется, думает, что это я

ударил тебя кинжалом.

Грета, до этого времени сидевшая молча, прижав к губам скомканный платочек, бросила на капитана быстрый взгляд.

— Цехауер — дурак! — вскипел Гольд.

— Сейчас в гестапо хозяйствует майор Попель, — будто вскользь сообщил Бунке.

— Вот-вот... Майор Попель разберется.

— Ну, Цехауер все по-своему доложит майору Попелю. Он определенно выгораживает этого подозрительного немца. Может быть, они заодно.

— Я сам все скажу майору... Я хорошо видел, кто меня ударил, — возмутился Гольд. Теперь лейтенант был действительно убежден в том, что ему удалось рассмотреть нападающего.

— Цехауер постарается, чтобы Попель не встретился с тобою, — предостерег Бунке. — Он сам поведет дело.

— Я не согласен... — забеспокоился Гольд. — Я хочу говорить с майором Попелем.

— Это трудно, Фриц, — с сомнением покачал головой Бунке. — Майор Попель сюда не придет. Он поверит Цехауеру. А ты до гестапо не дойдешь. Как ты себя сейчас чувствуешь?

— Неплохо, — с воодушевлением заговорил Гольд. — Цехауер врет. Через неделю я буду хоть куда... Слушай, Зигфрид. Ты с Францем донесешь меня до гестапо?

— Франца не надо. Если ты хочешь, я и один справлюсь.

— Пожалуйста, Зигфрид! Надо спешить... Капитан внимательно посмотрел в лицо Гольда и после секундного колебания сказал:

— Хорошо, Фриц, сейчас, я только прикажу кое-что Францу...

Бунке вышел из комнаты. Гольд, не поворачивая головы, искоса посматривал на неподвижно сидящую Грету.

Капитана Бунке поймал заждавшийся лейтенант Кольбе.

— Ты извини, Зигфрид, — зашептал он на ухо капитану, хотя в комнате, кроме них двоих, никого не было. — Я, пожалуй, испарюсь. Что мне тут делать?! Фрицу я ничем не помогу, а к девчонке опоздаю. Ты не рассердишься, если я удеру?

— Конечно, удирай, — одобрил капитан. — Мы тут и без тебя справимся.

— Только ты поосторожней с Лоттой, — снова зашептал Кольбе. — Мне про нее много рассказывали. Красивая, конечно, девчонка, но стерва. Так что ты смотри...

— Не беспокойся!

Проводив лейтенанта Кольбе до прихожей и проследив, как Франц крепко закрыл дверь, Бунке, понизив голос, сказал своему денщику:

— Я понесу Гольда к Попелю. Надо сбить гестаповцев со следа. Девушка останется здесь. Ни в коем случае не отпускай ее. Пусть ждет меня... Сам будь на улице. Гестапо рядом. Если засыплюсь - услышишь. Будут выстрелы, взрыв гранаты. Тогда забирай девушку и исчезай. Отсиживайтесь на холме. Предупреди Сеияви-на, и на завтра вызывайте самолеты. Понял?

— Все ясно, — ответил Франц. — Только... Разрешите, я отнесу Гольда в гестапо.

— Бесполезно. Убийцу видел только я. Действуй, как условились. Рассчитываю вернуться минут через сорок. На большее Гольда не хватит.

— Ну, если ты в силах, то я отнесу тебя к Попелю, — проговорил капитан Бунке, входя в комнату.

— Конечно, — обрадовался Гольд. — Покончим сразу все дела, и потом уж я ни с места... Пока все не зарастет. Ты меня отсюда не выгонишь?

— Ну, что ты! Я же сказал тебе... — Капитан Бунке проверил, надежно ли наложена повязка на груди Гольда. — А сейчас я понесу тебя так, что ты почти ничего не почувствуешь.

— Ты, сестренка, подожди нас... мы скоро, — сказал Гольд по-прежнему неподвижной и молчаливой Грете. — Смотри, не уезжай... Обязательно дождись нас...

— Да, да, — повернулся к Грете Бунке. — Вам обязательно надо дождаться нас. Мой Франц

в курсе, и если вам что-нибудь потребуется...

— Я не решаюсь... — начала Грета.

— Приказ не обсуждается, — шутливо перебил ее Бунке. — А я приказываю вам ожидать нас. — Бунке пристально взглянул на девушку. Хотя губы капитана улыбались, глаза его были не улыбочивы и строги. Это и в самом деле был приказ.

С тревогой глядя в лицо Гольду, Бунке осторожно поднял его с постели. Девушка вместе с офицерами вышла в столовую и, проводив их глазами, уселась к столу. До нее донеслись слова капитана, заглушенные закрывавшейся дверью.

— Ничего, Фриц! Держись! Гестапо близко, там передохнешь.

Глава 23

КОНЕЦ ГОЛЬДА

Попель мягкими, неслышными шагами ходил по кабинету. В его походке было что-то настороженное. Так идет тигр, который учуял запах дичи и знает, что жертва находится где-то здесь, близко.

Раньше в этом кабинете царил крикливый, вечно раздраженный начальник Борнбургского отделения гестапо. Но с приездом майора Попеля здесь все изменилось. Хозяин кабинета Цехауер превратился из властителя городка в одного из помощников майора Попеля.

А майор Попель не повышал голос даже в тех случаях, когда приказывал вешать человека на стальной крюк за подбородок.

Цехауер был обижен и напуган приездом Попеля. Начальник Борнбургского отделения гестапо понял, что его опыту и умению не доверяют. А это означало, что в один прекрасный день он может потерять свое видное и теплое место. Но Цехауер ничем не выдавал своих опасений. Он с готовностью отошел на второй план и ревностно выполнял приказы приезжего начальства. Однако вот уже более суток майор Попель не решается отдавать приказания. Подчиненные майора думают, что их начальник придерживается мудрой политики выжидания, что он сделал все для того, чтобы противник сам попался в подготовленную ловушку. Выскользнуть, уклониться в сторону противник не сумеет. Несколько пеленгаторов в любую секунду суток засекают появление в эфире русского передатчика. Правда, пока что без успеха. Все леса вокруг Борнбурга и Грюнманбурга прочесаны в нескольких направлениях. На всех дорогах и даже тропинках выставлены патрули. Особо строго контролируются окрестности Грюнманбурга. Сделано все, что необходимо, и даже недовольный своим подчиненным положением Цехауер считает, что большего сделать невозможно. Ведь даже в самом Борнбурге прошла трехкратная проверка. Теперь остается только ждать, когда майор Попель подаст нужную команду, и операция будет блестяще завершена. Русские будут схвачены.

Но майор Попель молчит. Молчит уже вторые сутки. И что бы там ни думали его подчиненные, сам-то майор прекрасно знает причину своего молчания. Нет, он совсем не выжидает и даже уверен, что выжидать опасно. Надо накосить удар... Но куда?! Впервые в жизни старый полицейский пес майор Попель не знает, какое надо отдать приказание, в каком направлении нужно нанести удар. Впервые за всю свою многолетнюю практику опытный контрразведчик, умеющий разгадывать и предугадывать любые, самые неожиданные выпады своих противников, чувствует себя неуверенно. Попель понимал, что в Борнбурге или в окрестностях города ведется крупная игра, что ставка в этой игре — Грюнманбург. Но знать — еще не означает мочь. В его руках много данных, показывающих, что во вверенном ему районе совершаются дела, которые он, майор Попель, должен пресечь. Но в его руках нет ни одной ниточки, за которую можно было бы уцепиться, чтобы вытащить главную нить. Майор догадывался, что на этот раз его противниками оказались люди более решительные, чем он, имеющие более высокую выучку, обладающие большим, чем имеется у него, запасом хладнокровия и отваги.

Неподалеку от письменного стола майора стоит маленький столик, всегда прикрытый куском черной материи. Майор Попель подошел к столику и откинул покрывало. Вот они, эти предметы, доказывающие, что в Борнбурге и вокруг него орудуют люди, которых надо немедленно изловить, уличить и уничтожить. Но как связать воедино все эти доказательства, чтобы из создавшейся цепи событий встали живые люди, которых ненавидит и в то же время боится майор Попель?

На столе перед майором несколько кучек латунных пуговиц с серпом и молотом, звездочки и пряжки от ремней. Судя по всему, здесь комплекты с одежды четырех человек. Но майор сомневается.

«Обнаружено четыре комплекта, — ворчит он, — а сколько еще не обнаружено? Не может быть, чтобы десантников было только четверо. Что могут сделать четыре человека? Их, по всей вероятности, гораздо больше. Сейчас они затаились где-то среди лесистых холмов. Они выжидают, напуганные прочесыванием, патрулированием и всем прочим, что мы успели против них предпринять. Хорошо хоть их нет в непосредственной близости к Грюнманбургу. В этом-то можно быть твердо уверенным.

Но все же их надо искать, искать, пока не удастся их поймать и уничтожить. Надо продолжать поиски».

Почти рядом со звездочками и пряжками лежит остро отточенный финский нож с обгоревшей ручкой. На но-же — рыжие пятна ржавчины. Но майор Попель знает, что это не ржавчина. Это кровь командира самолета легчика Клемма. Майор Попель убежден, что у одной из кучек латунных пуговиц и у финского ножа один хозяин. Но где он сейчас?

Неподалеку от финского ножа развернут веером десяток фотокарточек. Это снимки двух убитых в лесу под Борнбургом солдат. «Воскресшие», — усмехнулся Попель, вспомнив слова фон Гейма о том, что из настоящих владельцев этих документов один убит под Мадридом, а другой зарезан в пьяной драке. Установить, кто же действительно убит в лесу, до сих пор не удалось. Но точно выяснено, что убитые солдаты не числились в подразделениях, расквартированных в Борнбурге или несущих службу в Грюнманбурге. Сразу же по приезде майор потребовал сведения на всех, кто в течение последних десяти дней прибыл в Борнбург. Ничего интересного не оказалось, за исключением двух радистов из Грюнманбурга. Майор вызвал одного из них — сержанта Гиберта, лично беседовал с ним и убедился, что здесь как будто бы все в порядке. На всякий случай Попель затребовал из управления, пославшего радистов в Грюнманбург, их фотографии.

Правее фотографий убитых солдат лежат три листочка бумаги с цифровыми записями. Это перехваченные шифровки, передававшиеся неизвестной радиостанцией. Майор Попель привез с собой опытных пеленгаторщиков. Каждый вечер он берет взаимообразно солдат и офицеров из охраны Грюнманбурга, но даже с такими силами поймать радиопередатчиков оказалось невозможным. Неизвестный радист работает почти каждую ночь и каждый раз на новом месте. В первую ночь пеленгаторы засекли его юго-восточнее Борнбурга, километрах в пяти от города. Однако переброшенная туда команда ничего не нашла. Вторую передачу неизвестный радист начал под самым Борнбургом, но уже на северной стороне его. Гестаповцы помчались туда с ищейками. Собаки взяли след, но, пройдя по нему не более сотни метров, вдруг взвыли и начали, как бешеные, кидаться из стороны в сторону. Через несколько минут все три ищейки подошли. След был посыпан каким-то сильно действующим ядом.

Майор Попель обозлился. Он приказал раскинуть пеленгаторы кольцом в радиусе пяти километров от города. К каждому пеленгатору была прикреплена команда эсэсовцев. Сегодня таинственный передатчик неожиданно заработал не ночью, как обычно, а вечером, и где-то в самом центре города. Когда команды на машинах с разных сторон въехали в Борнбург, передатчик уже давно умолк. Майору Попелю начало казаться, что радист просто издевается над ним, что радисту известны все приказы, которые отдает он, майор Попель, для поимки вражеского передатчика. Попель стал с недоверием посматривать даже на начальника Борнбургского отделения.

Особенно подозрительной казалась майору Попелю беспомощность Цехауера в оперативных делах. Не реже одного раза в неделю на домах и заборах Борнбургэ расклеиваются листовки подпольщиков. Вон целая пачка таких листовок белеет около листов с шифровками, и содержание каждой из них приводит майора Попеля в ярость. В листовках не только излагаются сводки советского командования, но и даются комментарии к ним. И в этих комментариях убедительно доказывается, что победные реляции фашистского командования — попросту «собачья брехня».

А этот растяпа Цехауер много месяцев подряд не может поймать тех, кто расклеивает эти ядовитые листовки. Не схвачен ни один подпольщик. Правда, после приезда Попеля в Борнбург листовки еще ни разу не были обнаружены. Однако Попель в глубине души опасался, что они снова могут появиться в любую ночь.

Попель бледнеет от сдерживаемой ярости. «Может быть, этот Цехауер куплен подпольщиками? — думает майор. — А может быть, через подпольщиков его перекупила русская разведка? Иначе откуда русский радист знает о том, где его ждет засада?»

Майор с брезгливой grimасой взял в руки пачку листовок и отложил их на край стола, подальше от ножа и фотографий. К листовкам русские разведчики никакого отношения иметь не могут. Их состряпали свои, доморощенные, черт их знает как до сих пор уцелевшие коммунисты.

Собрав фотографии убитых солдат в пачку, майор Попель после минутного колебания положил их рядом с финским ножом и шифровками,

— Убежден, что тут тоже не обошлось без русских НОжей, — неожиданно вслух говорит он и криво улыбается.

В дверь постучали.

Майор Попель накинул покрывало на столик и, сев на свое место за письменным столом, крикнул:

— Войдите!

Вошел Цехауер. На его туповатом лице привыкшего ничему не удивляться службиста лежал отпечаток взволнованности.

— Что еще там случилось? — не приглашая Цехауера сесть, брызгливым тоном спросил Попель.

Цехауер, взглянув на часы, со скрупулезной точностью доложил:

— Тридцать восемь минут назад недалеко от входа в пивную «Золотой бык» смертельно ранен лейтенант ОС Фриц Гольд.— Цехауер на мгновение умолк и затем многозначительно добавил: — Он служил в охране Грюнманбурга.

— Лейтенант уже умер? — нетерпеливо спросил Попель.

Цехауер снова взглянул на часы.

— Когда я был у него, он еще находился в сознании, а сейчас, наверно, уже началась агония.

— Садитесь, выкладывайте, как это случилось, — кивнул головой Попель и сел за стол.

Цехауер немногословно, но точно доложил обо всем, что произошло в тот вечер с лейтенантом Гольдом. Сообщив показания Гольда и Бунке о приметах убийцы, Цехауер таинственно добавил:

— Только, господин майор, мне все это кажется очень подозрительным. Да и сам капитан Бунке мне доверия не внушает.

— Что вам в нем не понравилось? Говорите точнее, — потребовал Попель.

— Самоуверен он очень, господин майор.

— Этого мало для подозрений, — усмехнулся Попель.

— Убийца знал, что от быстроты его ног зависит спасение. Как же раненный в ногу капитан мог догнать спасающегося от смерти человека?

— Резонно, — кивнул головой Попель, — Валяйте дальше.

— У меня создалось впечатление, что лейтенант Гольд кем-то запуган. Похоже, что к этому приложил руки капитан Бунке.

— Он угрожал ему чем-нибудь?

— Нет, господин майор, совсем наоборот. Капитан все время успокаивал Гольда, что, мол, рана пустячная...

— Ну, и что же? Они, по вашим же словам, друзья. Вот он и не хотел тревожить друга.

— Простите, господин майор, но мне кажется другое. Похоже, что капитан старался помешать раненому говорить откровенно.

— Туманно, но возможно, — согласился майор. — То, что раненый капитан догнал здорового убийцу, тоже факт подозрительный. Надо этого капитана прощупать, только так, чтобы он сам ни о чем не догадался. — Майор помолчал. — У него два Железных креста. Видимо, сорви-голова, а значит, любимчик командования. Имеет связи. Нет, с ним мы спешить не будем. Проведем негласную проверку. Запросим о нем сведения из той части, в которой он служил последнее время. Свяжемся с комендантом, пусть он его пошлет на комиссию. Я убежден, что к убийству Гольда он не имеет никакого отношения. Тут вы напрасно приноживаетесь. А сейчас пишите рапорт об убийстве. Затребуйте от врача материал осмотра раненого и вскрытия умершего. Сейчас же...

Майор остановился. За дверью кабинета послышались возбужденные голоса. Затем дверь от удара ногой широко распахнулась, и в кабинет, сильно хромя, вошел капитан Бунке. На руках капитана лежал лейтенант Гольд. Цехауер в растерянности вскочил с места. Попель с любопытством смотрел на вошедшего.

Оглядевшись, капитан подошел к стоявшему около стены дивану и осторожно положил на него Гольда. Затем повернулся к Попелю, четко откозырял и доложил:

— Раненый лейтенант Гольд прибыл для дачи показаний. Господин Цехауер исчез столь неожиданно и стремительно, что не успел записать показаний лейтенанта Гольда.

Цехауер чуть не задохнулся от ярости. Попель, йе обратив внимания на переживания своего подчиненного, быстро подошел к Дивану и доброжелательно сказал:

— Я очень сожалею, лейтенант, что не имел возможности посетить вас раньше. Но я спешил. Через десять минут я был бы у вас. Как вы себя чувствуете?

— Ослаб от потери крови, а так чувствую себя совсем неплохо, — еле слышным голосом ответил Гольд.

Попель видел, что силы лейтенанта на исходе, что через несколько минут может наступить конец.

— Вы хотели нам сообщить... — осторожно начал он.

— Да, да... — заторопился Гольд. — Меня чуть не убили. Если бы не мой друг капитан Буйке...

— Зиписывайте, — шепотом приказал Попель Цехауеру. — Вы хотели сообщить нам приметы нападавшего, — подсказал он умирающему.

— Да, — борясь со слабостью, прошептал Гольд. — Я шел к Зигфриду... Я уже слышал голоса Бунке и Кольбе... С тротуара на меня кинулся высокий... в нашем мундире... офицер... Ударил кинжалом и убежал... Него хорошо знаю! — неожиданно выкрикнул Гольд. — Он штандартенфюрер... Мы в «Золотом быке» встречались... Он по-немецки странно говорит... Я его хорошо разглядел... Бунке побегал за ним...

Гольд умолк. С полминуты в комнате стояла тишина, нарушаемая хриплым дыханием лейтенанта.

— Вот и все, — сказал Гольд. Голос его снова упал почти до шепота. — Мне за Макса Бехера отомстили... Этот высокий... штандартенфюрер...

Снова потянулось молчание. Гольд дышал тяжело, с хрипом, похожим на стон. Нос лейтенанта заострился, на туго обтянувшихся щеках появился землистый оттенок.

— Вы сможете подписать свои показания? — негромко спросил лейтенанта Попель.

— Давайте... подпишу... ослаб я очень...

Мутнеющим взглядом Гольд посмотрел на записи, Все же у него хватило силы взять всунутое в руки перо и криво поставить под показаниями свою подпись.

Я теперь хочу... Пусть меня отнесут к Зигфриду... Зигфрид, где ты... — затосковал

умирающий.

Только сейчас майор Попель вспомнил о капитане Бунке. Капитан сидел на стуле почти у самой двери. Опершись подбородком о левую руку, он правой массировал раненую ногу. Его лицо, по временам искажавшееся гримасой боли, было печально. Попель с минуту молча наблюдал за капитаном.

«Движения массирующей руки автоматичны, — отметил про себя майор Попель. — Значит, массировать приходится много и давно. Ранение пулевое или осколочное в мягкие ткани. Такие ранения требуют длительного массажа. Капитан как будто бы по-настоящему опечален гибелью Гольда. Хотя и массаж и настроение могут быть хорошей игрой. Посмотрим... Будущее покажет».

Не считаясь с тем, что умирающий может услышать его, майор Попель приказал Цехауеру: — Позво-ните в госпиталь. Пусть заберут труп лейтенанта. Акт вскрытия должен быть у меня к десяти часам утра.

За спиной майора послышался скрип зубов и бессвязное бормотание, переходящее в прерывистый храп. У Гольда началась агония.

Цехауер вышел, чтобы исполнить приказание.

— Господин капитан! — окликнул после небольшой паузы Попель капитана Бунке.

— Готов к услугам, господин майор, — поднялся с места Бунке и, прихрамывая, подошел к столу. — Командир роты тяжелых танков дивизии СС «Мертвая голова» капитан Зигфрид Бунке в вашем распоряжении.

— Прошу садиться, — любезно улыбнулся майор Попель, думая про себя: «Орел. Не просто любимчик командования, а действительно боевой командир. Таких командование ценит. Кресты не по знакомству получил», — и тут же с пренебрежительным злорадством подумал: «Не может Цехауер в людях разбираться».

Офицеры уселись за стол. Некоторое время они молча разглядывали друг друга. Каждый оценивал силы и способности своего собеседника.

«Цехауер городит чепуху, — окончательно решил майор Попель. — К убийству Гольда капитан непричастен. Тут или что-то более крупное, или вообще ничего нет. Нужно проверить, так ли уж он тяжело был ранен, этот капитан. Только проверять надо очень тонко. На таком и шею сломать не трудно. — Майор почувствовал, как в груди его поднимается раздражение против этого спокойно сидящего перед ним крепыша. — А сила-то у него, как у орангутанга. Протащил лейтенанта добрых триста метров и даже не запыхался».

Майор недовольно отвел глаза в сторону.

«Умен, собака, и опытен, но трусоват», — коротко определил своего визави капитан Бунке.

— Что вы обо всем этом думаете, капитан? — дружеским тоном спросил майор Попель.

— Поражен, — коротко ответил Бунке. — Я ничего подобного не ожидал. Что здесь, тыл или передний край?

— Как вы узнали об этом? — спросил майор, пропустив мимо ушей вопрос капитана.

— Мы с лейтенантом Кольбе собирались в пивную. Вдруг слышим крик. Подбежали, Фриц валяется весь в крови. Лейтенант Кольбе стал его перевязывать, а я кинулся за преступником.

— Удивительно, — как бы между прочим сказал Попель. — Удивительно, что вы, еще не залечивший раненую ногу, сумели догнать человека, убежавшего от вас на здоровых ногах.

— На здоровых ногах, согласен, — широко улыбнулся капитан Бунке. — Но вот здоровое ли было у него сердце, это еще вопрос.

— Вы думаете, что у нападавшего было больное сердце? — с хорошо разыгранной заинтересованностью спросил Попель. — Это очень ценное сведение.

— Я не утверждаю, но подозреваю. Когда вы поймаете убийцу Фрица, можно будет проверить, прав я или нет.

«Уж не насмехается ли он надо мною?» — мелькнуло в голове майора. Он взглянул на Бунке, но капитан встретил испытующий взгляд майора добродушной широкой улыбкой. Его, видимо, и впрямь интересовал вопрос: прав он окажется или не прав.

— Быстро вы его догнали? — спросил Попель, нахмурившись,

— К сожалению, я его не догнал, — лицо капитана омрачилось. — Убийца, видимо, выдохся и остановился сам. Когда я подбежал к нему, он дышал, как запаленная лошадь, а все-таки швырнул в меня кинжалом и снова кинулся бежать. Кстати, вот этот кинжал. Господин Цехауер впопыхах оставил его в моей комнате.

Попель взял кинжал и, бегло осмотрев его отложил в сторону.

«Сразу видно, что этот солдафон ничего в нашем деле не понимает, — раздраженно подумал Попель. — Попробуй теперь найти отпечаток руки убийцы на рукоятке кинжала. Облапил, как будто резать кого собрался... А может быть, он это нарочно сделал, следы сообщников замечает?»

Попель так же, как и Цехауер, попросил Бунке воспроизвести акцент убийцы. Бунке с явным удовольствием выполнил просьбу майора, повторив ругательство, якобы услышанное им в момент погони.

Замолчали. Майор обдумывал сказанное Бунке, а капитан, глядя на Попеля, соображал: «Видимо, эта ищейка не поверила Цехауеру. Непосредственной опасности пока нет. Попробую «оторваться от противника».

Но майор неожиданно направил разговор в новое русло.

— Не говорил ли вам лейтенант Гольд о неприятностях по службе или о том, что ему кто-то угрожает? — осторожно осведомился Попель.

— Видите ли, господин майор, — с подкупающей откровенностью заговорил Бунке, — мы с Фрицем никогда не говорили о его служебных делах. Я знал от него самого, что он прикомандирован куда-то, а о подробностях Фриц не распространялся. Ну и я, понятно, не спрашивал его ни о чем. Но не раз Фриц говорил мне, что хотел бы куда-нибудь уехать. Хотя бы даже на Восточный фронт. Он даже просил меня помочь ему поступить в нашу часть. Как говорится, замолвить по знакомству словечко, попросить моих друзей... Но дальше мимолетного разговора дело не пошло.

— Значит, лейтенант Гольд хотел, чтобы его откомандировали в действующую армию. Странно...

— У меня, господин майор, сложилось впечатление, что последние пять-шесть дней Фриц был в подавленном состоянии, — понизив голос и наклонившись к Попелю, ответил Бунке.

— Сегодня днем он заезжал ко мне, был чем-то взволнован и сказал, что ему хотят отомстить. Но потом перевел разговор на другое, сказав, что когда-нибудь, когда он уедет отсюда, все мне расскажет. Был он у меня недолго и спешил куда-то по служебным делам.

Попель внимательно, не перебивая, слушал капитана Бунке.

Когда капитан замолчал, майор после минутного раздумья спросил:

— Давно вы дружите с лейтенантом Гольдом?

— Я ведь вообще недавно здесь. Недели две. Но

Фриц быстро со мною подружился. Особенно когда узнал, в какой дивизии я служу.

— Ранение у вас серьезное? — неожиданно спросил Попель.

Бунке поймал беглый, но очень внимательный взгляд, которым майор сопровождал этот, казалось бы случайный вопрос.

— Не особенно. Пулевое. Мой танк сожгли. Пришлось удирать. Да я еще водителя на себе тащил. Тогда меня и стукнули. Навылет, ниже колена. А водителя-то я все-таки притащил живого, — торжественно закончил капитан и весело рассмеялся.

Теперь майор, не отрываясь, смотрел в лицо капитана колючим, пристальным взглядом.

— Долго ли еще пробудете у нас? — задал он вопрос, и Бунке почувствовал, что это, пожалуй, самое важное для Попеля в их разговоре. Капитан сделал вид, что колеблется.

— Видите ли, господин майор, — заговорил он после продолжительной паузы. — Я имею право торчать в тылу еще два месяца. Да разве выдержишь, особенно здесь, у вас. Я ведь рассчитывал встретиться в Борнбурге со старым дружкойм Отто фон Бломбергом. А он,

оказывается, и сам где-то на Восточном фронте болтается.

— Вы близко знакомы с господином фон Бломбергом? — удивленно перебил капитана Попель.

— С Отто? — усмехнулся капитан. — Мы с ним старые друзья. Жаль, что его сейчас нет, а то бы мы неплохо провели время. В общем, я уже соскучился по свое» компании. У нас в дивизии народ отборный. Думаю, дня через два просить коменданта, пусть направляют на комиссию. Если эскулапы особенно придираются не будут, поеду обратно на фронт. Хватит в тылу корпеть, наотдыхался.

— Вы на Восточном фронте были ранены? — спросил Попель таким благосклонным тоном, что Бунке сразу понял: «Попал в точку. Кажется, клюнул на Бломберга».

— Да, на Восточном. Есть там такой населенный пункт Родионове. Под ним мой танк и сожгли.

— Трудно там сейчас?

— Да. Война — вообще тяжелая работа. А русские — очень серьезный противник.

— Разобьем? Или, может...

— Разобьем, — перебил майора Бунке. — Трудно, конечно, будет, но обязательно разобьем.

— Да, кстати, — снова переменял тему разговора Попель. — Вы говорите, что убийца мастерски кидает кинжал. Что, он действительно может таким образом нанести смертельную рану?

— Откровенно говоря, господин майор, — мрачно усмехнулся Бунке, — это чистая случайность, что сегодня убит лишь один Гольд. Кинжал, попади он в меня, пробил бы грудь насквозь. К счастью, я вовремя упал на колено. Кинжал свистнул над самым плечом.

— Интересно. Очень интересно, — протянул майор. — Умение кидать ножи в наши дни — редкость.

В кабинете неслышно появился Цехауер. Он подошел к лежавшему на диване Гольду и притронулся пальцем к его щеке:

— Господин майор. Санитары прибыли. Разрешите взять тело?

— Возьмите, — не оборачиваясь, ответил майор. Пока санитары укладывали тело Гольда на носилки,

майор Попель, вытащив из ящика лист бумаги, положил его перед капитаном:

— Я вас попрошу, дорогой капитан, оказать очень важную для следствия услугу.

Теперь Попель был не просто вежлив, в его голосе звучали дружеские нотки. Ласковая улыбка не сходила с губ майора. «Ишь, как тебя разобрало, когда ты узнал, что Отто фон Бломберг мне друг», — насмешливо подумал капитан.

— Не считите за труд, дорогой капитан, — продолжал Попель, — изложить на этом листе все, что вам известно об убийстве лейтенанта Гольда.

— Очень охотно, господин майор, — согласился Бунке.

Между тем санитары, взвалив на носилки тело Гольда, направились к выходу. В дверях им пришлось посторониться: в кабинет входил штандартенфюрер СС.

— Писать ваши показания, дорогой капитан, я попрошу в форме ответов на поставленные мною вопросы, — поучал капитана Бунке майор. — Все дело мы закончим...

— Лучше всего вам закончить его завтра, майор, — бесцеремонно прервал Попеля вошедший.

Попель поднял голову и поморщился: «Принесло этого дылду не вовремя». Бунке вскочил и почтительно вытянулся. На лице его отразилось глубокое изумление, не скрывшееся от внимательных глаз майора Попеля.

— Слушаю вас, господин штандартенфюрер, — с вежливой улыбкой встретил Брука майор Попель. — Прошу извинить... Мы были заняты... не заметили... Садитесь, пожалуйста. Чем могу быть полезен?

— Мне радировали из Берлина, — как всегда, с сильным акцентом заговорил Брук. — Впрочем, об этом мы лучше поговорим наедине.

«Что так поразило капитана? — напряженно подумал майор. — Что он, штандартенфюреров не видел ни разу, что ли? — Но вдруг его точно молнией ударило. — Акцент... эсэсовец... штандартенфюрер... — начал соображать Попель. — Что за чертовщина... не может быть!..» Чувствуя, что сейчас в его кабинете происходит что-то такое, в чем он не в силах разобраться, майор Попель дружески извинился перед Бунке:

— Как видите, дорогой капитан, меня отрывают. Я буду вынужден побеспокоить вас еще раз.

— Пока я здесь, я весь к вашим услугам, господин майор, — поклонился Бунке.

— Может быть, мы встретимся даже завтра. Я вас извещу.

— В любой час, в любую минуту, господин майор. — Капитан отковырял и направился к выходу. Уже у самых Дверей он остановился. — Прошу извинить, господин майор. Я бы хотел на пару слов...

— Пожалуйста, — поднялся со стула майор. — Вы разрешите, господин штандартенфюрер?

Брук милостиво кивнул головой.

— Не смею советовать, господин майор, — шепотом сказал Бунке подошедшему Попелю. — Было бы лучше, если бы о предсмертных показаниях Гольда знало как можно меньше людей. Попель удивленно посмотрел на капитана.

— Вы наивны в этих вопросах, мой дорогой капитан, — пробормотал он. — В гестапо не болтают.

«Еще не хватало, чтобы он решил, что я заодно со штандартенфюрером и все расскажу ему, — подумал майор, закрывая двери кабинета за капитаном Бунке. — Неужели штандартенфюрер действительно убийца лейтенанта Гольда? Зачем ему это было нужно?..»

Попель почувствовал, что у него голова идет кругом.

Глава 24

ТОВАРИЩ ГРЕТА

Капитан Бунке возвращался из гестапо в приподнятом настроении. Пока что все шло не так уж плохо. Попель обезврежен по крайней мере на сутки. Цехауер без санкции Полел я ничего не решится предпринять. А вдруг Попелю взбредет на ум установить наблюдение? Капитан нахмурился. «Не вовремя случилась вся эта история с Гольдом. Да и я напрасно погорячился. Незачем было догонять того... со шрамом».

Капитан остановился, взял из кармана сигарету, щелкнул зажигалкой. «Нет, как ни прикидывай, завтрашнюю встречу на холме откладывать нельзя. Но придется быть особенно осторожными. Надо сказать Францу, чтобы он завтра всыпал в вечерний кофе тетушки Клары двойную дозу снотворного: пусть старушка спит крепко, как в молодости».

У калитки капитана встретил его верный Франц.

— Все в порядке, — шепотом доложил он капитану. — Девушка в столовой, кругом ничего подозрительного.

— Хорошо, — кивнул капитан. — Проверь еще раз все кругом и, если порядок, стукни в окно столовой. Сам оставайся в садике. Обстановка осложнилась. Гестапо принимает.

Франц молча подал капитану сложенную в маленький четырехугольник записку и исчез в темноте палисадника. Капитан, войдя в вестибюль, запер за собой дверь и развернул записку. «По нашим сведениям, Грета Верк является талантливым физиком. Проводила исследования в области атомного ядра. С 1941 года участница французского и бельгийского сопротивления. Арестована гитлеровцами десять месяцев тому назад, — читал капитан. — Вывезена в конце апреля в концлагерь. Сейчас местопребывание Греты Верк не известно».

Капитан несколько раз внимательно перечитал записку, поджег ее от огонька зажигалки и, растерев пальцами пепел, вошел в столовую.

Грета Верк сидела в столовой одна, глубоко задумавшись. Смерть Гольда поразила ее своей неожиданностью. После телефонного разговора с ним Грета не ждала кровавой развязки. Она думала, что Зельц нашел какой-то другой путь. «Значит, Фриц, говоря о друге, вправившем ему мозги, намекал не на Зельца, — думала Грета. — Вероятно, речь шла об этом самом капитане... как его... Бунке или Гунке. Но откуда взялся этот капитан? Он назвал себя ее другом. С каких это пор друг эсэсовца Фрица Гольда и сам эсэовец может сделаться другом подпольщицы? Что успел рассказать этому «другу» Фриц? Может быть, тут провокация? Так почему же ее просто не увели в гестапо? Или этот капитан — подручный Брука?»

С вечера Грета нарочно задержалась в лаборатории, ожидая какой-либо успокоительной вести от Зельца. Было уже около десяти часов, когда она, вызвав машину, отпустила шофера и, усевшись за руль, отправилась в Борнбург. Но, подъехав к домику своей покойной няни, девушка увидела санитарную машину и поняла, что совершилось что-то необычное. На крыльце она встретила высокого солдата, который, назвав себя денщиком капитана Бунке, первым сообщил ей о гибели лейтенанта.

У девушки хватило силы воли не выдать себя. «Что же, этого нужно было ждать. Ведь Фриц Гольд в любую минуту мог предать меня. Рука друга отбросила эту опасность. Друзья шли из-за меня на риск, так надо оправдать их доверие. Играй взятую на себя роль. Не забывай, что ты Шарлотта Шуппе», — сказала себе девушка.

И Грета справилась с этой трудной ролью: ни у кого не возникло сомнения в подлинности Шарлотты Шуппе. Сейчас Грета думала о том, что готовит ей завтрашнее Утро, смогут ли ей помочь те друзья, о которых говорил Карл Зельц.

В столовую вошел офицер. Девушка узнала эсэсовца, назвавшегося Зигфридом Бунке.

Подойдя к столу, офицер сел и, проведя рукой по белокурым кудрявым волосам, участливо спросил:

— Страшно было?

— Очень, — искренне, от души вырвалось у девушки. Спohватившись, Грета закрыла лицо руками и, словно в приступе отчаяния, сказала: — Как все это ужасно! Утром я получила известие, что погиб мой жених. А сейчас вот не стало и брата.

В окно из палисадника негромко стукнули один раз.

— Да, — протянул капитан. — Для Шарлотты Шуп-пе все это было бы страшным несчастьем, но из-за чего волнуется фрейлейн Грета Верк?

Девушка рывком отняла руку от лица и вскочила со стула. В ее руке блеснул пистолет. Но офицер, не тронувшись с места, с ласковой иронией сказал:

— Пистолета не надо. В друзей не стреляют. Не принято.

— Кто вы? — спросила девушка, не опуская поднятого пистолета.

— Командир танковой роты дивизии СС «Мертвая голова» капитан Зигфрид Бунке и ваш союзник, — раздельно произнес офицер и с подкупающей простотой добавил: — Садитесь. Большого вам про меня никто не скажет. Садитесь, фрейлейн Грета.

Девушка села, не выпуская пистолета из рук.

— Это вы убили Фрица Гольда? — спросила она, в упор глядя на капитана.

— Нет, я даже не знаю, кто его убил и за что.

— Это вам Фриц обо мне рассказал?

— Не только Фриц. Фриц многого не знал. Он, например, думал, что вы уехали в Америку и уже оттуда прибыли сюда. А мне известно, что вы в Америку не ездили, что вы более двух лет были в подполье, вели борьбу с фашистским режимом во Франции и Бельгии.

— Откуда вы все это знаете? — удивилась Грета.

— Обязан знать, — усмехнулся капитан. — Должность такая.

— На кого вы работаете? — саркастически усмехнулась Грета. — На гестапо или...

— Не глупите, — резко оборвал ее капитан. — Стал бы я с вами разговаривать. За все, что о вас знаю, меня озолотили бы. И не какой-нибудь Попель, а сам Гиммлер с интересом выслушал бы мое сообщение. Ну, хватит, будем говорить серьезно.

Капитан закурил и после короткой паузы приказал:

— Спрячьте пистолет! Девушка подчинилась.

— Вы немец? — спросила она, опуская пистолет в карман.

— Я из тех, кто воюет с фашистами. Один из друзей Макса Бехера стойкого коммуниста, честного немца.

— Макса Бехера? — встрепелась девушка. — Вы его видели перед казнью?

— Нет, — резко ответил капитан и после небольшого молчания спросил: — У вас будут еще вопросы ко мне?

— Нет, — сама не зная почему, смутилась девушка.

— Тогда слушайте и решайте, — заговорил капитан, не спуская с Греты внимательных глаз.

— Вы еще не коммунистка, но, как все честные люди, боретесь с фашизмом. В подпольной борьбе вы идете в одном строю с коммунистами. Гестапо же считает вас отъявленной коммунисткой. Вас это не пугает?

— Нет. Я не знаю другого пути.

— Путь правильный, — одобрительно улыбнулся капитан. — Сейчас по вашему следу пущено несколько гестаповских ищеек. Одна из самых опасных — это майор Попель. Рано или поздно они вас схватят.

Грета отрицательно покачала головой.

— Схватят, — еще раз повторил капитан Бунке. — Кроме гестапо, вами интересуется поддельный штандартенфюрер СС Эрнст Брук. Этого человека хорошо знают за океаном, но в списках офицерского состава СС его фамилия появилась совсем недавно. От майора Попеля он отличается только чином да тем, что хозяева у него побогаче, а сам он поглупее гестаповца. Может быть, вы хотите с его помощью переехать в Америку?

— Нет, ни за что, — категорически ответила Грета.

— В Германии вам оставаться нельзя, — продолжал капитан. — Вы слишком заметны. На амплу Шарлотты Шуппе вы долго не продержитесь. Еще несколько дней — и вас разоблачат. Случайная встреча с фрау Нидермайер, приезд сюда отца или брата Шарлотты Шуппе — и вам конец. Но вас нужно сохранить, во что бы то ни стало. Вы крупный специалист и будете нужны Германии. Не сегодняшней гитлеровской Германии, а той, которую создаст немецкий народ после разгрома фашизма. В нынешней Германии вас скоро уничтожат, в Америку вы ехать не хотите. Значит, вам остается только один путь — уехать в страну, которая с оружием в руках один на один дерется с фашистской Германией, Согласны?

Несколько мгновений Грета молчала, удивленно глядя на собеседника.

— Значит, Макс Бехер погиб не напрасно? — шепотом спросила она. — Значит, русские люди слышали его призыв? Как это хорошо!

— Согласны ли вы? — повторил свой вопрос капитан.

— Согласна, конечно согласна, — взволнованно ответила она. — Но разве это возможно?

— Трудно. Опасно. Даже больше — смертельно опасно, но возможно, — спокойно ответил капитан.

— Ой, как хорошо! Спасибо вам! — воскликнула Грета, прижав ладони к вспыхнувшим щекам. Глядя засиявшими глазами на капитана, она снова, но уже почти шепотом, повторила: — Спасибо вам, дорогие...

— Значит, решили? Бесповоротно? — улыбнулся капитан.

— Конечно, бесповоротно! Только... мне нужно время, — горячо заговорила Грета, — У меня на руках важнейшие документы. Копии этих документов хранятся в сейфе генерала Лютце. Я не хочу оставлять их здесь.

— А сможете вы заполнить их? Времени у нас очень мало.

— Завтра я постараюсь получить у генерала Лютце контрольный экземпляр для перенесения исправлений. Тогда никаких следов о проделанной работе не останется. Все надо будет начинать сначала.

— Завтра? — переспросил капитан. — Что ж, это подойдет. Сегодня у нас среда.

Послезавтра, в пятницу, в двадцать три часа будьте у третьего километрового столба на Грюнманбургском шоссе. Ждите. Спрячьтесь в зарослях и ждите. Подойдите к человеку, который громко скажет: «Какая чудесная ночь! Она напоминает мне ночи Венеции». Запомнили?

— Запомнила. Около третьего столба, в двадцать три часа. «Какая чудесная ночь! Она напоминает мне ночи Венеции», — повторила девушка.

— За вами могут прийти или приехать на машине один или несколько человек. Это роли не играет. Важно, чтобы точно сказали пароль. Ясно? Не забудете?

— Нет, что вы! А можно мне сказать другу, верному другу про вас? Этот друг сегодня рисковал для меня жизнью.

Капитан нахмурился. Жесткие складки обозначились около уголков рта.

— Я верю, что ваши друзья — верные люди, фрейлейн Грета, но, к сожалению, ничего говорить им нельзя.

Девушка погрустнела.

— Жаль. Моему другу и его друзьям радостно было бы узнать, что я познакомилась с... с командиром танковой роты дивизии СС «Мертвая голова» капитаном Зигфридом Бунке.

— Будем надеяться, что в будущем, года этак через полтора, вы сможете сообщить им об этом, — улыбнулся капитан. — Не огорчайтесь. Я уважаю и люблю ваших друзей, но так надо.

Девушка кивнула головой в знак согласия.

— Впрочем, — передумал капитан. — Не говоря обо мне ни слова вашему другу, постарайтесь сделать так, чтобы послезавтра ночью ни его самого, ни таких, как он, в Грюнманбурге не было. Ясно?

— Ясно. Благодарю вас, — радостно сверкнула глазами Грета.

— Значит, запомните, в пятницу ровно в двадцать три. Не забудьте время и пароль.

— Это забыть невозможно, господин капитан.

— Только смотрите, не приведите за собой хвостов, — предупредил Бунке, вставая. — Хотя у вас и хороший опыт конспирации... А сейчас прижмите платок к глазам, обопритесь о мою руку, и я провожу вас к вашей машине. Вы очень плохо себя чувствуете после тяжелых потрясений сегодняшнего дня.

Девушка встала. Ее вид совсем не соответствовал тому, что требовал изобразить капитан Бунке. Глаза Греты сияли. Она вздохнула глубоко, всей грудью, и, весело улыбнувшись, протянула капитану руку.

— До свидания... господин Бунке!

— До свидания... товарищ Грета, — ответил капитан, пожимая руку девушки. — До скорого свидания, дорогой товарищ.

Глава 25

ПОПЕЛЬ НЕРВНИЧАЕТ

С момента убийства лейтенанта Гольда прошло уже более суток, а убийца не только не был пойман, но и не установлен. Теперь майор Попель не сомневался в том, что капитан Бунке узнал в штандартенфюрере убийцу лейтенанта Гольда. Но ведь капитан ни слова не сказал об этом. Наоборот, он предупредил его, майора Пополя, о необходимости сохранить в особой тайне предсмертные показания Гольда. Этот капитан-танкист оказался не таким уж солдафоном. Сообразил, что убийство лейтенанта Гольда может оказаться не простой уголовщиной, а государственным делом.

Уничтожения Гольда, очевидно, требовали интересы рейха, но то, что его, Пополя, не поставили об этом в известность, а из каких-то высших соображений штандартенфюрер взял на себя мелкую роль исполнителя, сбивало майора Пополя. Разве нельзя было выполнить это деликатное дело более бесшумным, даже законным способом?! Майор сегодня утром

радирировал все свои соображения в Берлин фон Гейму. Попель был настолько осторожен, что сам потрудился над зашифровкой секретного сообщения своему берлинскому начальству. Но фон Гейм, видимо, или сам был не в курсе, или разозлился на то, что это дело приобрело широкую огласку. Как бы то ни было, он отбросил всякую тактичность и ответил на шифровку с присущей ему краткостью и энергичностью, одним только словом «дурак». К сожалению, фон Гейм не всегда соблюдает необходимую осторожность и велел передать свой ответ майору Попелю открытым текстом, без шифра.

Дактилоскопическое исследование рукоятки и лезвия кинжала, которым был убит Гольд, показало, что все отпечатки, сохранившиеся на них, принадлежат широкой, короткопалой руке капитана Бунке, подобравшего кинжал. С этой стороны путь к розыску убийцы утерян.

Предсмертные показания Гольда — все, что имело гестапо для установления личности убийцы. Они совпадают с теми сведениями, которые, пока что в устной форме, сообщил капитан Бунке. Допрос Брука казался майору единственной ниточкой, уцепившись за которую можно было бы размотать дело об убийстве Гольда. Но после категорического ответа фон Гейма Попель и думать не мог о допросе штандартенфюрера. А тут еще сам Брук пристает с розыском какой-то девчонки, удравшей из эшелона смертников. Далась ему эта Грета Верк! Сегодня в шесть обещал приехать за результатами. Майор взглянул на часы, сердито фыркнул и подошел к окну.

На письменном столе майора лежало подробное сообщение Зегерского отделения гестапо. Труп Греты Верк разыскан. Она вначале была убита осколком бомбы, а затем придавлена обвалившейся стеной сгоревшего дома. На трупе обнаружен золотой медальон с эмалевым портретом какого-то молодого человека. Медальон раздавлен, портрет очень сильно попорчен. Тело сфотографировано и похоронено, фотография и медальон будут в ближайшее время высланы майору Попелю.

Попель нахмурился.

«Откуда у заключенной взялся золотой медальон, если ее десятки раз обыскивали? — криво усмехнулся майор. — Это какое-то недоразумение. Надо установить, чей портрет в медальоне».

За окном быстро опускались сумерки. Взглянув на утопающую в полутьме улицу, майор Попель поморщился: «Господин штандартенфюрер непростительно задерживается. А что, если здесь, в кабинете, при закрытых дверях, спросить этого господина Брука, зачем ему понадобилось самому лезть в это дело с Гольдом? Нет, нельзя. На этом нетрудно сломать себе шею. Брук — крупная птица».

Майор почувствовал, как у него в груди нарастает чувство возмущения.

- Провалиться бы им, этим высокопоставленным дилетантам, — ворчал он, неслышной походкой шагая по темному кабинету. — Не умеют прятать концы. Об убийстве Гольда шушукуются по всему городу! Да только ли об убийстве Гольда перешептывались жители Борнбурга? Городок полон слухами о высадке русского десанта. Майор Попель в глубоком раздражении зашагал по комнате. Вместо того, чтобы заниматься поимкой русских разведчиков, он должен разыскивать эту девку, которая срочно понадобилась штандартенфюреру. А нет ли какой-нибудь связи между русскими разведчиками, убийством интересом штандартенфюрера к Грете Верк?

Обдумывая эту версию, майор подошел к столику с вещественными доказательствами и поднял застилавшую его ткань. Теперь на столике посредине, между финским ножом и листовками, лежали эсэсовский кинжал со следами крови Гольда и предсмертные показания лейтенанта. Майор Попель решительно передвинул кинжал, положил его рядом с обгоревшим финским ножом. Но показания Гольда оставил на старом месте. Ответ Гейма на донесение об убийстве Гольда не оставлял у Пополя никакого сомнения в том, что привлечь к этому делу штандартенфюрера Брука ему не позволят. Между тем именно Брук казался Попелю той ниточкой, потянув за которую, можно было бы размотать весь клубок. Больше пока что не за кого зацепиться. Если бы было еще хоть что-нибудь, кроме этих молчаливых вещественных доказательств и неожиданно возникающих в ночи коротких, отрывистых

позывных неизвестного радиста! О, если бы удалось поймать этого радиста или узнать, кто его скрывает! Но вот это-то как раз и не удастся. Ведь по его, майора Попеля, приказанию окрестности Борнбурга и Грюнманбурга снова несколько раз прочесывали пехотными частями. Радиопеленгаторы дежурят круглые сутки. Днем и ночью по всей окрестности, по всем дорожкам и тропинкам ходят специально проинструктированные патрули. О каждом, кто прибыл в Борнбург и Грюнманбург в течение последних полутора месяцев, посланы специальные запросы и требования выслать их фотографии. Все силы брошены на поимку русских разведчиков, и безрезультатно. Огромная невидимая сеть, ежечасно закидываемая Попелем, каждый раз возвращается пустою. Те, против кого она создана, с удивительной ловкостью проскальзывали сквозь ее ячейки. Ежедневно звонки фон Гейма, его настойчивые требования ликвидировать опасность, нависшую над Грюнманбургом, нервируют и, что греха таить, пугают майора Попеля. Он чувствует свое бессилие и не может признаться в этом. А тут еще этот штандартенфюрер со своей Гретой Верк. Наконец-то хоть сегодня можно будет покончить с этим делом.

Майору Попелю долго пришлось ожидать Эрнста Брука в этот вечер. Время подходило к полуночи, когда штандартенфюрер вошел в кабинет майора Попеля.

— Коллеге Попелю пришлось-таки долго меня прождать, — заговорщически подмигнул он настольной лампе, протягивая руку поднявшемуся навстречу майору. — Ничего, в свое время я целый вечер бесполезно просидел в пивнушке «Золотой бык», ожидая посланца господина фон Гейма. Так и не дождался. Извините, уважаемый, — обратился он уже прямо к Попелю. — Был разговор с Берлином, а там затаили ответ. Ну, что у вас интересного для меня?

— Интересное кое-что есть, — вежливо улыбнулся Попель, — но боюсь, что оно не покажется вам особенно приятным.

— Что-нибудь о Грете Верк?

— Да. Сообщение из Зегера. Брук внимательно прочел бумагу.

— Это не та девушка, — сказал он, отбрасывая листок. — Это не Грета Верк. Пусть ищут Грету Верк.

— Почему не Грета Верк? — удивился майор. — Труп опознан охраной эшелона.

— Чепуха, — отрубил Брук. — Солдаты, охранявшие эшелон, не могли знать в лицо всех заключенных. Эти балбесы что-то спутали... Откуда у заключенной золотой медальон? Что, я не знаю ваших молодчиков, что ли? Они охулки на руку не положат.

Попель промолчал, не зная, считать последние слова Брука похвалой или бранью в адрес гестапо.

— Это не Грета Верк, — уверенно повторил Брук. — Выходит, Грета жива, и ее надо разыскать. Продолжайте поиски.

Майор неуверенно пожал плечами.

— Знаете что? — воскликнул Брук. — Как только придут фотографии из Зегера, вы их передайте мне. Я сам хочу показать их фрейлейн Шуппе. Уж она-то сразу узнает, Грета Верк погибла в Зегере или кто-нибудь другой.

— Да, я тоже намерен был показать снимки фрейлейн Шуппе, — ответил майор, хотя у него и не мелькало такой мысли. — Но если вы хотите взять это на себя... Не имею никаких возражений...

— Послушайте, майор, — многозначительно подмигнув Попелю, заговорил Брук, — мы деловые люди, и каждый заинтересован в своем бизнесе. Я предлагаю вам, отбросив все другие дела, заняться розысками Греты Верк. Если вы ее разыщете живой, я выплачиваю пятьдесят тысяч марок в любой валюте.

— А если будет установлено, что она погибла? — заинтересовался Попель.

— Ну, за мертвую я вам не буду платить как за живую. Но если будет точно установлено, что Грета Верк погибла, я вам все-таки выплачу двадцать тысяч. Согласны?

— Безусловно. Можете на меня рассчитывать.

— Значит, столковались. Очень рад, что мы так быстро нашли общий язык.

Несмотря на позднее время, штандартенфюрер не спешил покидать кабинет майора. И Попель, со своей стороны, был очень доволен тем, что штандартенфюрер не торопился. Собеседники вначале обменялись мнениями о последних сводках с фронта и оба нашли, что сводки могли бы быть значительно лучшими. Отсюда разговор перешел на качество вооружений войск фюрера в сравнении с вооружением советских войск, а затем заговорили о преимуществах немецкого солдата перед русским.

— Русские очень сильны в ближнем бою, — осторожно высказался Брук, — в так называемом рукопашном.

Попель, согласившись с этой оценкой, так же осторожно добавил, что, к сожалению, приемы рукопашного боя все-таки недостаточно отработаны у солдат славной немецкой армии.

— В частности, — развивал свою мысль майор, с ласковой почтительностью глядя на штандартенфюрера, — совершенно утрачено искусство метать холодное оружие и на расстоянии поражать врага. А ведь наши предки, когда они не могли дотянуться до противника, швыряли свой боевой топор прямо в голову врага и никогда не промахивались. Наши тяжелые ножи очень удобны для метания, а кто об этом сейчас помнит! Во всем фатерлянде разве только в цирках кое-кто умеет метать ножи, а среди военных не найдешь никого.

— Ну, не скажите, дорогой майор, — перебил Попеля штандартенфюрер. — Найдутся и среди военных. Вот, посмотрите...

Брук вытащил из ножен ээсовский кинжал, взял его за кончик клинка и, не поднимаясь с кресла, пустил дверь кабинета коротким, но сильным взмахом. Кинжал, свистнув на лету, глубоко вонзился в самую середину верхней филенки двери.

— Неплохо? — лукаво покосился Брук на майора.

— Замечательно, — восторженно отозвался Попель. — Просто чудо. Значит, если бы там стоял человек...

— То он сейчас бы не стоял, а висел на ноже, — усмехнулся Брук. — Я бы его наколол, как букашку на булавку.

— Удивительно, — восторгался Попель, не сводя пристального взгляда с Брука. — А скажите, господин штандартенфюрер, могли бы вы с такой же легкостью и силой бросить кинжал в других условиях? Скажем... на бегу, в темноте, в преследующего вас человека?

— Наивный вопрос, — расхохотался Брук. — В любых условиях, с одинаковыми результатами. Если человек бежит на меня, то это даже легче. Сам наскочит.

Прикусив чуть не до боли нижнюю губу, Попель острым, изучающим взглядом рассматривал штандартенфюрера, развалившегося против него в кресле.

«Значит, Бунке не соврал. Он действительно случайно избежал смерти, — думал майор. — Гольда убил Брук. Это теперь доказано. А что доказано? — рассердился сам на себя Попель.

— Попробуй, скажи этому кабану хоть слово...»

— Что это вы меня, милейший, так разглядываете? — прервал Брук размышления Попеля. — Поражены? Не ожидали, что я тоже могу штучки откалывать?

— Да, признаюсь, не ожидал, — кисло улыбнулся Попель.

— Да!.. Совсем было забыл. Я ведь хотел спросить у вас. Поймали вы убийцу лейтенанта... ну, как его... которого вчера угробили?

Даже привычного ко всему гестаповца покорило. «Ну и мерзавец! — поразился он. — Хоть бы покраснел».

Но ответить на вопрос Брука майор не успел. В дверь постучали.

— Войдите, — предупреждая Попеля, крикнул Брук. Дежурный с пакетом в руке торопливо вошел в комнату.

— Что там у вас? — недовольный помехой, спросил Попель.

— Господин майор, — впопыхах забыв спросить разрешения у штандартенфюрера, обратился дежурный к Попелю, — передатчик снова заработал.

— Где? — вскочил с места Попель.

— В лесопосадке за старым пивным заводом.

— Лесопосадка окружена?

— Так точно. Окружают. Там господин Цехауер.

Майор, быстро смахнув в ящик все лежащие на столе бумаги, спросил, указывая на пакет в руках дежурного:

— А это что?

— Фотографии радистов, присланных в Грюнманбург. Вы запрашивали.

Бросив и этот пакет вместе со всем прочим в ящик, Попель щелкнул замком стола и сунул ключ в карман.

— Вы разрешите, господин штандартенфюрер? — обратился он к Бруку. — Я вынужден срочно выехать.

— Пожалуйста, пожалуйста, — милостиво кивнул Брук. — Действуйте. Я не буду вас задерживать.

— Машину, — приказал Попель.

— Ожидает, — вытянулся дежурный.

— Быть может, и вы пожелаете с нами, господин штандартенфюрер? — любезно осведомился Попель у Брука.

Брук, молча наблюдавший за торопливыми движениями майора, спросил без особого любопытства:

— А куда это?

— Русские высадили под Борнбургом группу своих разведчиков. Часть этого десанта мы сейчас поймаем.

— А не опасно?

— Что вы! Наших там чуть не батальон. А русских не больше четырех.

— Да? Ну тогда это обещает быть интересным, — поднялся с места Брук. Он подошел к двери, вырвал крепко засевший в доске кинжал и привычным жестом бросил его в ножны.

— Если вы ничего не имеете против господин майор, я с удовольствием.

— Сочту за честь, — поклонился майор. — Видимо, в эту ночь мы даже в такой глуши, как Борнбург, будем свидетелями волнующих событий. Едем!

Глава 26

РАЗВЕДЧИКИ «СХВАЧЕНЫ»

Майор Попель не ошибся. В эту ночь в глухом? Борнбурге произошли значительные события. Но начались они задолго до того времени, когда майор произнес свою пророческую фразу.

Утром, торопясь к сроку поспеть на работу, Зельц забежал позавтракать в солдатскую столовую Грюнманбурга. Здесь царила обычная утренняя суета. Все столики были заняты. Проголодавшиеся солдаты шумно выражали свое нетерпение. Торопливо сновали официантки» Около буфетной стойки толпилась порядочная очередь.

Зельц осмотрелся, разыскивая местечко, где бы пристроиться. В этот момент один из кончивших завтракать эсэсовцев поднялся со стула, и Зельц поторопился занять его место. За втиснутым в угол столом могло усесться не более двух человек. Взглянув на сидящего за столом, Зельц довольно улыбнулся. Его соседом оказался один из новых радистов.

Зельц уже знал, что этого дюжего, пышущего здоровьем парня зовут Петер Брунер. Он и до этого не раз; пытался завязать с ним знакомство, да все как-то не получалось. Брунер оказался на редкость нелюдимым человеком. Но сейчас Зельц решил не торопиться. Брунер - только что начинал свой завтрак — значит, есть еще время втянуть его в разговор. Зельц вытащил из кармана газету и начал просматривать ее, незаметно наблюдая за радистом. На первой полосе газеты был напечатан, большой портрет Гитлера.

— Эй! Карл! — окрикнул Зельца рябой, добродушного вида здоровенный эсэсовец,

стоявший в очереди у буфета. — Дернем сейчас в город. Я до восемнадцати гуляю. А в кармане у меня кое-что завелось.

— Не выйдет, Фридрих, — отрываясь от газеты... Дружески ответил Карл. — Новая начальница лаборатории не дает ни минуты передышки, загоняла. Вечером, можно.

— Жаль, — покачал головой рябой. — Вечером мы в наряде.

— Как в наряде? — удивился Зельц. — Ведь ваша, рота, кажется, только утром сменилась?

— Да не во внутреннем, а по городу. Радистов ловить поедем.

— Каких радистов?

— Говорят, что русских.

— Русских? Откуда они здесь взялись?

— С неба свалились, — усмехнулся рябой. — А теперь кругом Грюнманбурга ползают.

— Ну, ну! — добродушно, с оттенком недоверия, улыбнулся Зельц. — Раз ползают, то желаю наловить их тебе полные штаны.

— Иди ты к черту, — расхохотался рябой. — Сам лови таких радистов, если они тебе нравятся.

Официантка с подносами, заставленными мисками с похлебкой и кружками пива, подошла к столику Зельца. Карл, кинув на стол так и непрочитанную газету, встал и, любезно поблагодарив официантку, сам снял с подноса миску с похлебкой. Поставив ее на газету, он потянулся за кружкой пива, совершенно не заметив, что дно миски попало как раз на лицо гитлеровского портрета. Брунер, увидев это, сердито нахмурил брови.

— Черт бы побрал наших поваров, — не замечая недовольства Брунера, заговорил, обращаясь к нему, Зельц. — С каждым днем наша похлебка становится все хуже и хуже.

— Что же требовать от поваров, если мы сами с каждым днем все больше превращаемся в свиней, — раздраженно ответил ему Брунер.

— Ты это о чем, дружище? — не понял Карл.

— Не о чем, а о ком, — явно напрашиваясь на скандал, крикнул Брунер. — В данном случае о тебе.

— Какая муха тебя укусила? — недоумевал Зельц. Брунер, не допив кофе, с сердцем отставил табурет-

щ и встал. Табуретка с шумом отлетела в сторону. Подойдя к Зельцу, он грубо, расплескав похлебку, вытащил из-под миски газету.

— Ты что, — вскочил Карл, — обалдел?

— Нет, это ты обалдел! — рявкнул Брунер. — Куда ставишь миску со своей бурдой? Видишь? — Он торжествующе развернул газету. На гитлеровском портрете, как раз на физиономии, расплылось жирное пятно.

В столовой многие с интересом ждали, что начавшаяся ссора перейдет в драку. Но Зельц сокрушенно покачал головой и, взяв из рук Брунера газету, осторожно свернул ее и спрятал в карман. Затем взглянул на рассерженного радиста и миролюбиво проговорил:

— Мог бы и попросту сказать. Кидаешься, как бык.

Похлебку вот пролил.

— Фюрера уважать надо, — сердито бросил Брунер и, четко повернувшись, направился к выходу. Отойдя на несколько шагов, он снова повернулся к Зельцу и уже тише, но с угрозой добавил: — Раньше за это к стенке ставили.

Никто из толпившихся у буфета не обратил внимания на этот мимолетный инцидент. Только рябой, подождав, когда за Брунером закрылась дверь, кивнул вслед ему головой и сказал, обращаясь к Зельцу:

— Из идейных, видать. Зеленый еще. На фронт бы его.

— А вообще-то он прав, — взял под свою защиту радиста Карл, продолжая трудиться над миской. — Я, конечно, сделал глупость.

«Дежурная машина в зону лаборатории «А» отходит от центрального города через пять минут, — раздался из рупора, висящего над дверями, четкий голос диктора. — Всем едущим в зону лаборатории «А» через три минуты быть у главного входа центрального города.

Повторяю...»

— Вот всегда так, — проворчал Зельц, торопливо отхлебывая кофе. — Поесть не дадут. Как наша новая начальница, все бегом да поскорее.

Оставив пустую кружку и, пожелав рябому выловить всех «радивов», Карл Зельц торопливо вышел из столовой.

Весь этот богатый событиями день Карл Зельц не забывал слова своего рябого приятеля о предстоящей операции по розыску русских радистов. Думая об этих не известных ему русских, Зельц почему-то невольно вспомнил радиста Грюнманбурга — Петера Брунера. «Могут застукать настоящих, хороших ребят, — тревожно думал он, — а вот такая гнида, как Брунер, еще много лет будет корпеть под солнцем».

Уже вечером, направляясь на мотоцикле в Борнбург, он обогнал несколько грузовых машин с солдатами из охраны Грюнманбурга. С одной из машин ему приветливо помахал рябой.

— Чтоб вас, чертей, тряхнуло, перевернуло и еще раз треснуло, — сердито проговорил Карл, обгоняя машины по обочине шоссе.

А на Борнбург и его окрестности опускалась темная и теплая весенняя ночь.

Тоненький серп молодого месяца долго, но безуспешно пытался бороться с густой темнотой весенней ночи... Убедившись в бесплодности своих попыток, молодой месяц сконфуженно юркнул за горизонт, предоставив землю в полную власть ночной темноты.

Темнота была такой густой, что, казалось, ее можно ощущать на ощупь. Она укрыла собой все дороги и тропинки, превратила отдельные кусты в черные массы самых причудливых очертаний, а опушку леса — в высокую черную стену, зубчатая верхушка которой едва различалась на фоне темного беззвездного неба. Природа спала. Но тишина теплой весенней ночи не была сонной тишиной мирно уснувшей природы. В этой тишине постоянно слышались шаги людей, то осторожно крадущиеся, то четкие, уверенные, раздавались резкие, но негромкие окрики, взволнованные, робкие ответы, изредка лязгало оружие.

Заросшая травой тропинка, ведущая к развалинам заброшенного пивного завода, была совсем незаметна в ночной темноте. Но и на ней время от времени слышался шелест травы, сминаемой тяжелыми сапогами патрульных. Вот очередной патруль прошел от города к развалинам, встретился на пути со встречным, обменялся парой негромких фраз, и на некоторое время установилась полная тишина. Но ненадолго.

Где-то в стороне сонно прострекотала сойка; из-под большого куста, росшего у самой тропинки, ей отозвалась вторая, и послышался шелест травы. К кусту осторожно подошел человек с двумя плоскими металлическими коробками в руках. Из-под куста на секунду приподнялся второй. Оба улеглись рядом и совершенно слились с темнотой. Только что пришедший тяжело дышал.

— Все в порядке? — шепотом спросил подошедшего его товарищ.

— В порядке, — прошептал тот в ответ. — Только патрули кругом. С километр ползти пришлось.

— Нервничают, — послышалось в ответ и, несмотря на темноту, было понятно, что это слово сопровождалось довольной улыбкой. — Взрывчатку всю забрал?

— Всю.

На несколько минут установилась полная тишина.

— Отдышался? — спросил один из лежавших... — Отдышался. Можем двигаться.

— Если напоремся на патруль с собаками — нападаем. Первым делом — людей. Ножам. Собаки — потом... Ты берешь правого. Ясно?

— Ясно.

— Пошли.

Оба осторожно поднялись и направились к развалинам. У второго в руках оказался небольшой по объему, но, видимо, довольно тяжелый чемоданчик, а за плечами вещевой мешок. Путники были уже почти у цели, когда впереди послышался легкий шум. Отступив на несколько шагов от тропинки, они легли в траву. Теперь уже ясно слышались звуки приближавшихся шагов. Негромко звякнуло оружие. По тропинке медленно прошли два

солдата с висящими на груди автоматами. Проводив глазами неторопливо вышагивающих патрульных и убедившись, что впереди ничего подозрительного не слышно, притаившиеся в траве люди поднялись и снова вышли на тропинку.

Миновав развалины, они подошли к густой лесопосадке. Елочки, посеянные здесь лет восемь-десять тому назад, выросли, переплелись густыми, колючими ветвями и стали непреодолимой преградой для пешеходов. Тропинка повернула вправо, вдоль посадки, но путники свернули влево. Скоро трава исчезла, и под ногами зашуршала твердая каменистая почва. Идущий вторым несколько раз останавливался и из обычной резиновой спринцовки посыпал тропинку каким-то порошком. Пройдя метров двести, путники опустили на землю. Передовой начал осторожно исследовать низко склонившиеся ветки елочек. Продвигаясь ползком по краю посадок, он скоро нашел то, что искал.

— Здесь, — наклонившись к уху подползшего спутника, сказал первый.

— Сигнал! Я наши следы надежно припудрил. На десяток собак хватит.

Первый лег грудью на землю, приложил руки ко рту, и негромкий плач зайчонка, попавшего в зубы ночного хищника, нарушил тишину. В глубине лесочка встревожено завозилась и пискнула спросонок какая-то птица.

— Ждет. Ползи! — шепнул второй.

Первый раздвинул густые ветки, низко наклонил голову и, плотно прижимаясь к земле, вполз в ельник. Второй последовал за ним. Молодые упругие ветви согнулись под напором человеческих тел и, пропустив их, снова выпрямились. Даже при дневном свете самый зоркий глаз не смог бы разыскать место, где два человека проскользнули в глубину зарослей. Под густым навесом ветвей царил такая непроглядная темень, что ползущий вынужден был включить фонарик. Стекло фонарика было заклеено светонепроницаемой бумагой, и только в самом центре оставалось отверстие величиной с булавоочную головку. Но и при свете такого слабенького луча можно было рассмотреть что кто-то заранее подготовил здесь проход. Нижние ветви елочек были срезаны, давая возможность ползти на четвереньках. Если бы дело происходило днем, путешественники могли бы убедиться, что проход в ельнике сделан уже давно, во всяком случае, не меньше года тому назад: места срезов густо заплыли смолой и потемнели. Секретная тропа начала круто забирать вверх, к вершине холма. Минут десять два человека ползли по этому узкому, как звериная тропа, коридору. Неожиданно впереди прозвучал негромкий голос:

— Это вы, Николай Михайлович?

— Нет, это я, Глушков. Николай Михайлович следует за мной, — ответил ползший впереди.

Коридор неожиданно расширился, насколько позволяли стволы молодых елочек. Сидеть в этом логове можно было только согнувшись. Старший лейтенант Глушков поспешно отполз в сторону, освобождая место для майора Лосева.

— Здравствуйте, Валерий Григорьевич, — поздоровался Лосев, влезая вслед за Глушковым.

— А я уже начал беспокоиться, — заговорил капитан Сенявин. — Вы задержались...

Разговор велся шепотом. Лосев, устроившись поудобнее, сказал:

— Иван Ильич! Вставайте на пост, как условились. Валерий Григорьевич, второй лаз подготовлен?

— Так точно. В отличие от этого, он скрыт и со стороны вершины.

— Очень хорошо, — удовлетворенно сказал Лосев. — Смотрите, Иван Ильич, в случае чего себя ничем не обнаруживайте. Дайте сигнал и скрытно отходите к вершине, — напутствовал он старшего лейтенанта Глушкова, уже начавшего спускаться по старому лазу к подошве холма.

— Как дела у Степана Дмитриевича? — спросил Лосев капитана Сенявина.

— Все в порядке, Николай Михайлович. Он на дежурстве. Вместе мы отлучаться не можем.

— Вас не подозревают?

— В Грюнманбурге не подозревают. А вот в гестапо, меня уже вызвали. Пока сошло благополучно.

— Благополучно? Нет, не все благополучно. Майор. Попель неспроста приехал в Борнбург. Гестапо о нас узнало.

— Что узнало? Как?

— Мы допустили грубый промах. Гестаповцы нашли наши пуговицы, звездочки, пряжки.

— Ну-у-у!

— Да. Попель — не дурак. Он установил место нашей высадки, связал это с появлением в эфире наших передач, видимо, еще что-нибудь заметил, сделал выводы и начал охоту. Его пеленгаторы засекают нас моментально. Два раза чуть не захватили.

— Это очень серьезно, Николай Михайлович! Они могут помешать нам.

— Думаю, что не успеют. Задачу свою мы выполнили. Через двадцать четыре часа должны исчезнуть отсюда... Ну, а сюрпризы, конечно, могут быть.

Негромко зашуршала развертываемая карта. Луч электрического фонарика забегал по ней бледным пятнышком света.

— Все, что нам известно о Грюнманбурге, полностью нанесено на карту. Вы не желаете ничего уточнить?

Сенявин, внимательно взглядевшись в очерченные на карте два небольших овала, покачал головой:

— Трудно будет бомбить. Жаль, взрывчатки мало,— своими бы руками поднять все это гнездо на воздух.

— Да, взрывчатки мало, — согласился майор Лосев. — Сегодня мы ее израсходуем... Добавлять к отметкам на карте вы ничего не будете?

— Хватит и этих двух пунктов. Центральный подземный город и лаборатория «А». Гаражи и прочее не стоят внимания. Впрочем, — усмехнулся капитан, — и им! достанется. Все недолеты и перелеты на их долю, пойдут.

— Хорошо, — свернул майор карту. — А не смогли бы мы дать еще какие-либо указания цели?

— Нет. К лаборатории «А» не подступишься. Зато маяк подземного города упрятан надежно. Два раза я поднимался на холм, антенну ремонтировал. Под шумок и заложил маяк в самую вершину холма. Если первая фугаска ляжет хотя бы в полукilометре, детонатор маяка сработает. Загорится такая люстра, что света хватит с избытком.

— Значит, решили так. Сейчас передаем координаты. Вызов самолетов на завтра, в двадцать четыре ноль-ноль. Радиограмму я уже зашифровал. Завтра в двадцать три ноль-ноль встретимся у третьего километрового столба на Грюнманбургском шоссе. Ясно?

— Ясно.

— На всякий случай запомните, что на место встречи придет еще один человек. Пароль при встрече: «Какая чудесная ночь! Она напоминает мне ночи Венеции». Это на случай, если вы придете раньше или вообще произойдет что-либо непредвиденное. Но постарайтесь сразу не выдавать себя. Если я задержусь, тогда другое дело. В двадцать три тридцать все должны быть на месте посадки самолета, Даже в том случае, если я не смогу прийти.

— Это что, приказ? — нахмурился Сенявин.

— Да, приказ. В двадцать три тридцать, если я не приду, группу возглавите вы.

— Понятно. Но, может быть, лучше...

— Приказы не обсуждаются.

— Слушаюсь. А кто еще может прийти?

— Девушка. Так называемая Шарлотта Шуппе. Начальник лаборатории «А». Ее тоже берем с собой.

Капитан Сенявин негромко присвистнул:

— Вот это номер! О! Черт!

Капитан, забывшись, распрямил спину и основательно поцарапал затылок об острый сучок.

— Что это вы так переживаете, капитан? — усмехнулся майор Лосев. — Нервы сдают? Подлечиться надо.

А как вы отнесетесь к тому, что фрицы нас сегодня накроют?

— Как накроют? — забеспокоился Сенявин.

— Вот так, возьмут и накроют. Во время передачи.

— Не понимаю.

— Мы должны пожертвовать этим передатчиком, Валерий Григорьевич. В крайнем случае выкопаем резервный. Взрыв на время отвлечет внимание Попеля от вас и от меня, а может быть, и Попель взлетит на воздух. Он сейчас разъярен и, наверное, сам прискачет ловить нас. Если Попель попадется на удочку... то мы, хотя бы на сутки, будем в безопасности.

— Понятно, — одобрил капитан Сенявин и, взглянув на циферблат светящихся часов, добавил: — Ну, пора готовиться. Сейчас без двадцати минут двенадцать.

— Вчера мы вели передачу прямо из Борнбурга. Я думаю, Попель решит, что сегодня мы будем километрах в пяти-шести от города, и, соответственно, разгонит своих людей. На передачу и исчезновение нам останется минут двадцать пять. За глаза хватит. Вызывайте Глушкова.

Жалобный заячий крик дважды прорезал тишину ночи. Через несколько минут Глушков присоединился к друзьям.

— Все в порядке, — шепотом доложил он. — Темно, как в коровьем желудке, и тихо, как в могиле.

— Ползите вперед, — скомандовал Лосев.

Один за другим Глушков, Лосев и Сенявин скрылись в проходе, ведущем к вершине холма.

С полчаса на вершине холма шла осторожная возня, слышался шорох раскапываемой земли, негромкое потрескивание сучьев. На каменистой вершине холма оказалась небольшая впадина. Тол, принесенный лейтенантом Глушковым, был разделен майором Лосевым на четыре равные части и заложен в края и середину впадины. Сверху его завалили всей оказавшейся поблизости щебенкой. Из сучьев, чемодана и плащ-палатки капитан Сенявин соорудил над миной нечто похожее на фигуру человека, лежащего перед портативным передатчиком.

Майор Лосев сам вставил запалы в подготовленный фугас и натянул бечевку. Теперь достаточно было сдвинуть с места чучело человека, чтобы два с лишним десятка килограммов тола разнесли в клочья все, что в момент взрыва будет находиться на вершине холма. Закончив установку мины, майор Лосев облегченно вздохнул:

— Готово. Ну, Иван Ильич, — обратился он к старшему лейтенанту Глушкову, — действуйте. На всю передачу даю вам десять минут. Даже меньше. Через десять минут мы должны уже исчезнуть отсюда, — и майор подал лейтенанту подготовленную шифровку.

Глушков развернул радиопередатчик в десятке метров от заряженных мин. Натренированный слух разведчика различал, как от негромкого постукивания ключа под рукой лейтенанта в эфир полетела «морзянка», складываясь в слова: «Говорит Россия! Говорит Россия! Слышите ли вы меня?..»

Отзыв пришел сразу. Видимо, радисты на далекой Родине ни на секунду не уходили с волны майора Лосева. Облегченно вздохнув, лейтенант Глушков начал передачу текста.

Стоя на самой высокой точке холма, майор и капитан вглядывались в ночную тьму. В том, что враг уже засек работу передатчика, майор не сомневался.

— Сейчас у них начнется кутерьма, — шепотом проговорил Лосев. — Забудут и про светомаскировку, с зажженными фарами помчатся. Задерживаются что-то.

— Подождите, Николай Михайлович, — дайте им с духом собраться, — усмехнулся Сенявин. — Ведь пеленгаторы-то должны нас засечь с трех точек. Пока засекут, пока уточнят координаты да передадут их самому Попелю, время нужно немалое. Не торопите их очень.

— Да я и не тороплю. Пусть себе действуют не спеша, — добродушно ответил Лосев. — А нам лучше всего, здесь не задерживаться! Кажется, лейтенант уже кончает?

— А там, кажется, начинается, — сразу стал серьезным Сенявин. — Всполошились.

С холма было видно, как по главной улице Борнбурга пронеслось несколько машин. Судя по

огню фар, шли» грузовики.

— Шесть машин, — подсчитал Лосев. — Идут, капитан! Здесь будет знатный кегельбан! — переиначив слова запавшего в голову стихотворения, ударил майор по плечу капитана Сенявина.

— Товарищ майор! — доложил старший лейтенант

Глушков. — Закончил! Передали благодарность и привет. Нашу просьбу выполняют.

— Давайте сюда передатчик.

Майор осторожно поставил передатчик перед заминированным чучелом радиста и подсунул под короткий конец ключа заранее приготовленную им деревянную пластинку.

— Зачем это? — удивился старший лейтенант.

— Надо же помочь попелевским пеленгаторам разыскать нас, — усмехнулся майор. — Пусть думают, что у нас рация барахлит. Пошли.

Фашистские машины, ворча моторами и помахивая световыми столбами фар, расплзались вокруг холма.

«Мерседес» начальника Борнбургского гестапо круто затормозил около самой подошвы холма. Из машины вылезли майор Попель и Брук.

Встретивший майора Попеля Цехауер доложил:

— Запеленгованный участок полностью окружен. Автомашины расставлены. Свет фар поможет прочесыванию.

— Генерал Лютце солдат прислал?

— Так точно, прислал. Сто двадцать человек во главе с лейтенантом Кольбе. Они окружили холм с севера и запада.

— Собак по следу пускали?

— Пускали! Вон они... последние, — горестно указал Цехауер куда-то в сторону.

Майор пригляделся. Недалеко от тропинки лежали, вытянувшись, две крупные, похожие на волков собаки.

— Околели?

— Тот же яд. Только встанут на след и... кажут. Попель яростно топнул ногой:

— Ну, попадутся же они... — Свирепо взглянув на Дехауера, майор спросил: — А не удрали они оттуда?

— Нет, — уверенно ответил Цехауер.

— Никак нет, не удрали, — поддержал Цехауера стоявший за спиной пеленгаторщик. — Они тут. У «их» какая-то неисправность в передатчике. Сейчас их радист, наверное, устраняет поломку.

— Тогда начинайте, — приказал Попель. Вспыхнули фары машин, осветив густые заросли молодого ельника. Цепь солдат двинулась на штурм холма. Говор, ругательства и треск ломающихся ветвей нарушили тишину ночи.

С каждым шагом приближаясь к вершине холма, цепь стягивалась, становилась все гуще. Теперь уже не только человек, но и мелкая зверушка не проскочила бы незамеченной. Между тем на вершине холма не чувствовалось никакой паники, не слышалось встревоженных человеческих голосов, не прозвучало ни одного выстрела.

Попель и Брук в сопровождении Цехауера двигались, отстав от цепи на десяток метров.

— Кажется, птички упорхнули, — насмешливо посочувствовал майору Брук. — Опять неудача.

— Если Цехауер и сейчас прохлопал... — начал Попель и вдруг чертыхнулся, напорвшись на обломанную ветку дерева.

Цехауер метнулся к остановившейся цепи.

— Что встали? — свирепо зашипел он.

— Лес кончился!.. Дальше открытое место! — раздались в ответ голоса.

И в самом деле, цепь остановилась в последнем ряду елочек. Дальше начиналась лысая макушка холма. Свет фар не достигал до вершины, но, насколько позволяла видеть ночная темнота, на холме никого не было. Не отходивший от Попеля радист азартно зашептал:

— Здесь они... Здесь... Передатчик гудит... Майор, задумавшись на мгновение, приказал:

— Передать по цепи. По команде «Вперед!» штурмовать вершину холма. никоим образом не стрелять. Всех взять живьем. Быстрее!

Через минуту он властно скомандовал:

— Вперед!

Гестаповцы и эсэсовцы бегом кинулись к вершине. Майор схватил за руку рванувшегося вперед Брука:

— Не торопитесь! Ведь там русские... Пусть сначала скрутят их.

Здоровенный верзила-гестаповец, первым достигнув верхушки холма, закричал:

— Рус, сдавайся! Рука наверх!

Со всех сторон к ложбине бежали солдаты. Каждый спешил, рассчитывая получить награду. Увидев лежавшего в ложбине человека, гестаповец заорал:

— Вот он! Я его держу! — и прыгнул на спину воображаемому радисту.

Взрыв разметал густую цепь солдат. Камни и щебенка брызнули во все стороны, разбивая головы фашистов. Майора Полея и Брука, находившихся довольно далеко от взрыва, только оглушило и свалило с ног. Цехауер после команды «Вперед!» предусмотрительно лег на землю, боясь получить шальную пулю, если русские задумают отстреливаться. Это спасло жизнь начальнику Борнбургского отделения гестапо.

Только минут через десять майор Попель пришел в себя. Хромая и охая от ушибов, майор первым делом разыскал Брука. Штандартенфюрер пострадал значительно сильнее Пепеля. Отброшенный взрывом камень ударил штандартенфюрера в плечо, и Брук не мог пошевелить распухшей рукой.

— В какую историю вы меня втянули! — набросился он на Пепеля. — Ведь это же настоящая засада! Вы не имели права рисковать моей жизнью! Я доложу...

Но всегда выдержанный майор ответил на этот раз не совсем в почтительном тоне:

— Это война, господин Брук! Мы воюем с русскими разведчиками. А русские приезжают к нам без визы рейхсминистра Гимmlера.

— Что вы этим хотите сказать? — забыв на минуту про боль, опешил Брук.

— Только то, что русские воюют, не считаясь с нашими желаниями. Сегодня победили они.

Увидев пробежавшего Цехауера, майор приказал:

— Осмотрите место взрыва. Все, что найдется, немедленно ко мне.

— Поехали, дорогой майор, — неожиданно миролюбиво заговорил Брук. — Здесь справятся и без вас. Да, русские — серьезный противник. Я всегда говорил это.

Грохот взрыва на холме за развалинами пивного завода разбудил весь Борнбург. Перепуганные жители осторожно выбирались во дворы и прислушивались: не гудят ли в небе моторы советских бомбардировщиков, не загромяхают ли новые взрывы.

Но, убедившись, что бомбежки нет, что самолетов в воздухе не слышно, жители Борлбурга постепенно успокоились и разошлись по своим углам. Городок снова затих, и только гудки санитарных машин нарушали тишину.

Фрау Нидермайер в эту ночь уснула очень крепко. Возвратившись из поездки уже перед вечером, старая! фрау была поражена обилием свалившихся на нее новостей. Подумать только: и проехала-то всего сутки, а за это время какие-то злоумышленники убили Фрица Гольда. И надо же было этому случиться как раз в ее отсутствие! И с Фрицем перед его смертью не попрощалась, и фрейлейн Лотту не повидала.

Фрау Нидермайер с пристрастием допросила денщика капитана Буйке. Но Франц мог рассказать ей лишь то, что видел сам. Кто и как убил Фрица Гольда, Франц не знал. Старушка хотела порасспросить соседей — ведь не может же быть, чтобы в городе не говорили об убийстве лейтенанта. Но Франц по-дружески предупредил ее, что перед смертью лейтенант Гольд о чем-то долго говорил с Цехауером, а затем капитан Бунке на руках отнес его в гестапо к приехавшему из Берлина майору Попелю. Любопытство фрау Нидермайер, ее желание разузнать, как и почему погиб лейтенант Гольд,

может не понравиться гестапо или, что еще опаснее, может быть неверно истолковано приезжим майором. Поразмыслив, старушка согласилась, что, пожалуй, капитанский денщик прав. Она даже не решалась ничего спросить у своего жильца. Кто его знает, как капитан Бунке отнесется к расспросам фрау Нидермайер! Ведь Фриц Гольд ей совсем даже не родственник.

Задолго до обычного часа старая фрау крепко заперла все двери в своей половине дома, помолилась богу и легла спать, рассчитывая на другой день узнать подробности убийства у своего племянника. Обычно фрау Нидермайер с вечера долго ворочалась в постели, но на этот раз уснула сразу, едва улеглась. Взрыв на холме разбудил ее.

Старушка подпрыгнула от неожиданности и села з кровати, с трепетом ожидая новых взрывов. Страшные картины бомбежки Зегера с необычайной живостью встали перед глазами фрау Нидермайер. «Неужели и сюда, в Борнбург, прилетели русские?» — в страхе подумала она.

Прошло с полчаса. По улице, гудя сиренами, промчалось несколько машин.

«Санитарные, — тревожно прислушивалась старая — Значит, бомбежка».

Замирая от страха, фрау Нидермайер добралась до двери, ведущей в комнату жильца, и постучала. Но капитан Бунке не отвечал.

«Крепко спит, — одобрительно подумала старушка, — бомбежка его не разбудила».

Она направилась было к окну, чтобы из-за маскировочной занавески выглянуть на улицу, но в этот момент в комнате капитана Бунке послышался какой-то шум.

— Господин капитан, проснитесь, — с новой энергией забарабанила в дверь фрау Нидермайер. — Проснитесь! Нас бомбят!

Из-за двери послышался сонный голос капитана:

— Что с вами, фрау Нидермайер? Кто вас напугал?

— Бомбят! Борнбург бомбят русские!

— Чепуха! Какой дурак будет бомбить эту дыру, — непочтительно ответил капитан Бунке из-за двери. — Спице, фрау Нидермайер. Русские сюда не прилетят.

— Но я своими ушами слышала! — уверяла старушка.

— Пустяки, — сонно ответил капитан. — Я ничего не слышал... Франц!

— Я вас слушаю, мой капитан, — отозвался Франц из палисадника, где с наступлением теплых ночей он привык спать.

— Узнай, что там? Если бомбежка, помоги фрау Нидермайер спуститься в подвал. А я буду спать.

Немного постояв у закрытой двери, фрау Нидермайер забралась под одеяло, шепча:

— Вот что значит настоящий немец. Такой и под бомбежкой будет спать спокойно.

Глава 27

РУССКИЕ ЗДЕСЬ

В эту ночь двери «Золотого быка» закрылись значительно раньше положенного времени. Даже старый Клот-Це был удивлен. Куда девались господа офицеры? Куда провалились завсегдатаи, каждый вечер аккуратно появившиеся под гостеприимной кровлей «Золотого быка»? Не пришли ни старый доктор госпиталя Краузе, ни парикмахер Шульц, ни хромой часовщик Гецке — никто из тех, кого дядюшка Клотце привык встречать по вечерам дружеской улыбкой. Неужели вчерашнее нападение на лейтенанта Гольда так напугало господ офицеров и всех постоянных посетителей пивной, что они решили по вечерам не показываться на улице?

Часов около десяти в пивную забежал лейтенант Кольбе. Он прямо у стойки выпил кружку пива, наскоро выкурил сигарету и, заказав вторую кружку пива, распорядился вынести по кружке своим солдатам, сидевшим в грузовых машинах у входа в пивную. Торопливо расплатившись, лейтенант посоветовал Клотце:

— Закрывайте, дядюшка Клотце, своего «Золотого; быка» и отправляйтесь на покой. Сегодня у вас работы не будет.

Затем он прикрикнул на солдат, сел в кабину рядом с шофером, и машины умчались.

Старый Клотце вышел на улицу и долго стоял около входа в свое заведение. Кругом было безлюдье и тишина. Городок словно вымер.

Пока Марта и Эльза занимались уборкой зала на ночь, дядюшка Клотце сам проверил, хорошо ли задрапированы окна. Этому ему показалось мало, и он обошел пивную снаружи.

Убедившись, что светомаскировка в порядке и с улицы через окна ничего невозможно рассмотреть, старик вернулся и крепко запер дверь пивной. Затем не спеша зашел за стойку и открыл крышку люка, ведущего в подвал.

После этого Клотце потушил в зале все лампы, кроме одной, и отправился в заднюю комнатку. Сегодня в ней было тесно. Кроме Ганса, Генриха и Карла Зельца, здесь находилось еще человек шесть. Оглядев собравшихся, дядюшка Клотце кивнул головой в сторону зала:

— Пойдемте. Там удобнее. Следом за Клотце все вышли в зал.

— На случай, если нагрянут «черные», — сказал дядюшка Клотце, — за стойкой открыт люк в подвал. Первым пойдет Ганс. Он знает выход из подвала. Последним пусть идет Карл и закроет люк. А мы тут сами разберемся. — Взглянув на племянниц, он добавил: — Идите, покараульте.

Девушки вышли через черный ход. Одна осталась у самых дверей, вторая узким, темным двором прошла к воротам, ведущим на такую же темную улицу.

— Друзья, — негромко заговорил Ганс, когда все вошедшие в зал расселись по местам. — Друзья! — повторил он взволнованно. — У нас есть очень важная и очень радостная новость. Макс Бехер погиб не напрасно. Мы имеем все основания для того, чтобы сказать: «Русские услышали нас. Русские прислали к нам'помощь».

Только привычка постоянно в течение многих лет скрывать свои мысли и чувства помешала сидящим в зале людям бурно выразить свой восторг. Единодушный вздох облегчения был ответом на взволнованные слова Ганса.

— Где же они? — вырвалось у немолодого сутулого человека в засаленном комбинезоне из брезента. — Хоть посмотреть бы... Поговорить...

Он положил на стол подрытые ссадинами и темные от вьевшегося мазута руки и поудобнее уселся на стуле, словно желая немедленно вступить в разговор с русскими, если они сейчас сядут против него.

— Ну, увидеть русских, а тем более поговорить с ними нам, как говорится, не позволяет политическая-обстановка, — ответил Ганс. — Но о присутствии русских говорят несколько фактов. Во-первых, наше гестапо и эсэсовцы из Грюнманбурга носятся, как наскипидаренные. Ловят неизвестный радиопередатчик. Ловят уже несколько дней, но безрезультатно.

— А может, это английский или американский передатчик? — нерешительно сказал кто-то, из сидящих, в зале.

— Сказал тоже, — насмешливо оборвал другой. — Англичане или американцы сюда не полезут. Я уверен, это русский передатчик.

— Конечно, — улыбнулся Ганс, — всем нам хочется, чтоб это был передатчик русских. И, пожалуй, оно действительно так. Солдаты из охраны Грюнманбурга слышали от своих офицеров, что передатчик русский. Кроме-того, у нас есть еще кое-какие факты. Эрих Лонге, расскажи товарищам о том, что случилось с тобой.

Человек, к которому обратился Ганс, снял с головы порыжевшую от долгой носки кепку и нервно провел рукою по светлым слегка вьющимся волосам. От волнения его смуглое лицо покраснело, и особенно стал заметен шрам под левым глазом.

— Вчера мне было поручено уничтожить одного эсэсовского лейтенанта. Этот сукин сын мог выдать гестаповцам кого-то из наших товарищей, — тихим голосом начал Эрих Лонге. — Я поручение выполнил, но скрыться не успел. За мною погнались. В переулке,

ведущем на запасную ветку, что идет к элеватору, меня догнал офицер... — Эрих запнулся и неуверенно закончил: — Тоже эсэсовец. Я его... ножом... А он выбил нож и говорит: «Дурак! Разве так надо прятать концы в воду? Засохни вот тут в темноте, а затем беги следом за всеми». И толкнул меня в темный угол. Ласково так толкнул, а я отлетел и спиной чуть угол дома не отворотил,— пояснил Эрих улыбаясь.— А сам отбежал немного и начал кричать: «Вон он! Держи!» Кричит, а сам стреляет. Тут прибежали патрули, толпа собралась. И я в толпу замешался. Даже помог этому офицеру с колена подняться и кинжал ему свой с земли поднял. Вот и все.

Лонге умолк и снова надел кепку. Несколько мгновений стояла тишина.

— Непонятный эсэсовец,— протяжно проговорил один из присутствующих. — Мне про таких слышать не приходилось.

— И не услышишь больше, наверное, — рассмеялся Ганс.

— Ты хорошо его лицо запомнил? — поинтересовался дядюшка Клотце.

— Ну, еще бы,— вырвалось у Эриха Лонге. — На всю жизнь.

— А до этого ты его видел? — допытывался Клотце. Эрих Лонге, вопросительно взглянув на Ганса, ответил:

— Видел и до этого и сегодня днем видел.

— Кто же это? Какой он с виду? — загорелся старик. — А вот этого, товарищи, всем, пожалуй, знать не следует, — прервал вопросы хозяина дома Ганс. — Ведь если мы не ошиблись и это действительно русский, то мы можем только помешать ему. А в случае какого-либо неуспеха это даст нашим врагам, и не только в Германии, повод для шумихи и клеветы. Важен сам факт, что русские здесь. Значит, мы должны поставить свою работу так, чтобы она содействовала им... Помогла сделать то, зачем они сюда приехали. Отвлекла от них внимание и черных и коричневых. Но сделать это нужно так, чтобы русские даже не догадались, что им помогают подпольщики Борнбурга.

— А по-немецки русский чисто говорит? — сутулый смазчик задал этот вопрос тоном человека, глубоко убежденного в том, что неизвестный может быть только русским.

— Чисто.— Лонге помолчал и добавил: — Можно подумать, что он познанский немец:

— Молодец! — неизвестно кого, русского или Лонге, похвалил сутулый смазчик.

— Теперь, товарищи, мы послушаем сообщение Карла Зельца,— объявил Ганс и, заметив разочарование на лицах своих друзей, добавил с улыбкой: — Сообщение по этому же вопросу.

В зале воцарилась мертвая тишина. Карл заговорил почти шепотом, но никто не выразил неудовольствия. Все придвинулись поближе к Зельцу, а дядюшка Клотце взял свой стул и поставил его около стула Карла.

— К нам поступили сведения, что в Грюнманбурге в самые ближайшие часы кое-что произойдет. Может быть, и не во всем Грюнманбурге, но в главной его кухне обязательно. А самое важное то, что при этом исчезнут такие вещи, без которых наци придется начинать все сначала.

— Откуда эти сведения? — не выдержал Клотце.

— Нам об этом сообщили друзья Макса Бехера.

— Какие друзья? Ведь мы знаем всех друзей Макса! — не унимался Клотце.

— О том, кто эти «друзья» Макса Бехера, я знаю не больше вас. Но за то, что в Грюнманбурге будет жарко, ручаюсь головой.

— А что должны делать мы? — спросил Генрих.

— Друзья Макса Бехера просят нас сохранять спокойствие и в Грюнманбург не совать носа,— несколько угрюмо ответил Карл.

— Здорово получается! — весело рассмеялся Эрих Лонге.— Друзья Макса Бехера просят друзей Макса Бехера не совать нос туда, куда сами сунули уже не только нос, а, наверное, и еще кое-что похлеще. Таковую просьбу нельзя не исполнить.

— Тем более, что ее исполнить очень легко,— подхватил Ганс.— Ведь в Грюнманбурге из

наших только один Карл Зельц.

— Не совать носа в Грюнманбург — этого мало, — увесисто, как положил булыжник, сказал сутулый смазчик. — Мы все-таки должны сунуть свой нос, хотя бы не в Грюнманбург. Совесть-то у нас есть или нет? Те друзья Макса Бехера будут жизнью рисковать, а мы будем пить доброе немецкое пиво? Плохо получается.

— Вот-вот, — кивнул Ганс. — Правильно. Я советовался с товарищами. Надо нам часть работы взять на себя.

— В Грюнманбурге? — спросил Клотце.

— Просьбу друзей нашего Макса надо уважать, — шутивно и в то же время почтительно ответил Ганс. — В Грюнманбург нам не так просто попасть. Да, пожалуй, и незачем. Там все, что можно, сделают другие. А вот о теплоцентрали следует подумать нам.

— Мы же хотели к Первому мая, — напомнил Клотце.

— Давно пора, — горячо поддержал Ганса Эрих Лонге. — И Первого мая ждать незачем.

Молчавший до сих пор Генрих заговорил, для убедительности при каждом доводе загибая палец на левой руке.

— Теплоцентраль отдает весь ток Грюнманбургу. Значит, жители не пострадают. Это раз. Оставить Грюнманбург без электроэнергии в самую трудную минуту — значит сделать большой вклад в дело борьбы с фашизмом — два; показать народу, что мы не только листовки можем расклеивать, а и по-настоящему бороться — это три; и, наконец, если русские действительно здесь или в Грюнманбурге, то взрыв теплоцентрали отвлечет от них внимание гестапо — это четыре. Теплоцентраль надо взорвать.

— Как вы думаете, товарищи? — обратился Ганс к остальным.

— Взорвать! — в один голос ответили сидящие в зале.

— Надо так рвануть, чтоб от теплоцентрали только пыль осталась, чтоб наци долго очухаться не могли, — дополнил Эрих Лонге. — Чтоб гул по всей Германии слышали! Словно в подтверждение этих слов здание «Золотого быка» вздрогнуло, в окнах зазвенели стекла.

— Что это? — с удивительной для толстяка легкостью вскочил со стула Клотце. Ему никто не ответил. Все сидели прислушиваясь. Наконец донесся приглушенный расстоянием звук взрыва.

— Почти четыре секунды, — раздался спокойный голос Карла Зельца. — По прямой около тысячи двухсот метров.

Посыпались различные предположения:

— Это не в городе...

— И не в Грюнманбурге.

— Конечно! До Грюнманбурга двенадцать километров.

— Может быть, на шоссе?

— Взрыв небольшой...

— Ну, не скажи. Взрыв нормальный... Тряхнуло неплохо.

В этот момент в зал вбежала Эльза. Торопясь выложить распивавшие ее новости, она от самой двери защебетала:

— Ой, что было! Сначала, как только я стала на пост, шесть грузовиков с солдатами проехали в сторону развалин пивного завода. Потом за ними помчалась машина Цехауера. Потом ка-ак что-то взорвется!.. Огонь от наших ворот видно было.

— Взрыв был на развалинах завода? — спросил Ганс.

— Нет, гораздо дальше. Скорее всего, на холме.

— Спасибо, Эльза. А теперь пойді обратно, и смотрите там с Мартой внимательно. Не подведите нас.

Девушка исчезла в дверях.

— Может быть, это русских накрыли? — нерешительно проговорил Генрих.

— Тогда была бы стрельба. Разве русские сдадутся без борьбы? — запротестовал Зельц.

— Спокойно, товарищи. Сейчас мы ничего не можем сделать. Завтра все узнаем.— Ганс встал и, опершись обеими руками о столик, с улыбкой посмотрел на друзей.— У меня тоже такое предчувствие, что этот взрыв имеет отношение к тому делу, ради которого русские появились здесь. Этот взрыв, товарищи, мне кажется могучим голосом наших русских друзей.

— Почему же они не свяжутся с нами? — с обидой вырвалось у Клотце. — Что они, нас боятся, что ли? Мы бы им помогли.

— Не нам учить русских конспирации, — отрезал Ганс. — Ведь они приехали не как представители братской компартии, а как военные люди, разведчики. А за помощь они нам будут благодарны. Ты, Эрих, — взглянул Ганс на Лонге, — и ты, товарищ Митман, — взглянул он на смазчика,— сегодня получите все нужное для того, чтобы завтра перед рассветом теплоцентральный взлетел на воздух. Сигналом вам послужит взрыв в Грюнманбурге. Товарищ Зельц, надеюсь, звук взрыва в Грюнманбурге будет слышен на теплоцентрали?

— Будет не только на теплоцентрали, а вдвое дальше, — подтвердил Зельц.

— Ну, так вот. Вам разрешено отстать от грюнманбургского взрыва не больше чем на пять минут. План операции старый, как намечали раньше. Разница только в количестве взрывчатки. Ее вы получите вдвое больше, чем намечалось. Взрывать надо так, чтобы не могло быть и речи о восстановлении.

Лонге и сутулый смазчик встали, словно солдаты, получающие боевой приказ от командира. — Будет исполнено, — ответил Лонге.

— Сделаем, — отрубил Митман.

— Помните, что не только наша группа, а и многие другие группы отдадут вам с трудом и смертельной опасностью добытую взрывчатку. Ни один грамм ее не должен пропасть.

— Не пропадет! — заверил Лонге. Митман молча поднял кверху сжатый кулак.

— Обо всем, что произойдет в ближайшее время в Борнбурге и Грюнманбурге, мы должны правдиво рассказать нашему народу. Значит, как только будут готовы листовки, они должны быть расклеены в ту же ночь в городе и на вокзале.

— Нужно рассказать и о положении на фронтах, — напомнил Генрих. — Мы давно уже ничего не давали. В газетах печатается сплошная брехня. Надо ее разоблачить.

— Пока что мы не можем сами принимать сводки советского командования, — развел руками Ганс. — там, Карл, с новыми радистами в Грюнманбурге?— обратился он к Карлу Зельцу.

— Не подступишься, — махнул рукой Зельц. — Самые густопсовые. Не люди •— звери. С тридцать третьего года эсэсовцы. Только и разговоров, как они преданы фюреру и как им доверяет начальство.

— Значит, ничего нельзя сделать?

— С такими не сговоришься.

— Что же, они из Грюнманбурга не вылезают? — недоверчиво любопытствовал Клотце.

— Пиво-то они все-таки пьют, наверное?

— Как не пьют? Пьют, — пожал плечами Зельц. — Им по приказу генерала Лютце все доставляют. Они держатся отдельно от других солдат и очень высокомерны.. Любимчики начальства!.. Нет, с ними ничего не выйдет. Надо искать другие пути.

— Ищем, — ответил Ганс. — Товарищи из других групп обещали помочь. На следующей неделе приемник у нас будет. Мне кажется, что попытку завязать отношения с радистами из Грюнманбурга надо прекратить. Опасно.

— Да. Я точно так же думаю, — согласился Зельц.

Утром по Борнбургу поползли десятки новых слухов. Одни говорили, что гестапо накрыло русских десантников, и был настоящий бой. Русские, увидев, что они окружены и спасения ждать неоткуда, взорвали самих себя. Другие под строгим секретом сообщали, что все было наоборот: гестапо заманило русских десантников на минное поле и взорвало их. Третьи уверяли, что никакого десанта не было, а просто неизвестный самолет сбросил какую-то небывалую бомбу, которая взорвалась и перебила всех, кто оказался поблизости.

Однако самые осведомленные люди говорили только о грузовике, наполненном трупами гестаповцев и эсэсовцев, погибших при взрыве, и о двух санитарных машинах, до самого утра вывозивших раненых с холма, на котором произошел взрыв.

Фрау Нидермайер еще до завтрака побывала в пяти-шести знакомых домах и вернулась к утреннему кофе с целым ворохом новостей. Всю эту разноголосицу слухов она и высыпала перед капитаном Бунке во время завтрака. Капитан слушал ее, не прерывая, но, когда старушка выговорилась, недоуменно признался:

— Ничего не понимаю. Зачем русским понадобилось высаживать десант в такой глухой дыре, как Борнбург? Здесь же ничего интересного нет.

— Как нет? — подскочила на стуле экспансивная старушка. — А Грюнманбург?!

— Лагерь, о котором вы говорили? Так разве мало у нас таких лагерей?

— Э... э... нет, — погрозила пальцем старушка. — Грюнманбург — не обычный лагерь. В городе говорят...

Фрау Нидермайер готова была выложить капитану Бунке все, что говорят в городе о грюнманбургском лагере, но капитан перебил разговорчивую старушку на середине фразы:

— Кстати, скажите, фрау Нидермайер, почему этот лагерь назван Грюнманбургом? Что это за «Город зеленых людей»? На картах нет никакого Грюнман-бурга.

— Не знаю, есть на карте или нет, — обиженная невниманием капитана к ее сообщению о лагере, ворчливо ответила старая фрау, — а только знаю, что Грюнманбургом называют большую лощину — болото между холмами. И лощина, и все, что окрест нее, — все это земли господ фон Бломбергов. Да, из молодежи никто не знает, почему эта лощина зовется Грюнманбургом. Старики — те кое-кто помнят.

— Но, при чем тут город и зеленые люди?

— Города там никакого нет. Развалины, правда, были в нижнем конце лощины, где болото не засыхает даже в самое жаркое лето. Рассказывают, что очень давно, лет, может, тысячу назад, шла здесь война. Немцы воевали с каким-то народом. А народ тот жил в этих местах спокон веков. Воевали, воевали, да весь народ и завоевали. Осталось взять всего один город, да и не город, а так, одно название, что город, — поселение. Однако жители этого поселения или города не хотели сдаваться. Много раз немцы начинали бой, вся лощина была трупами покрыта, а городок все не сдавался. Тогда решили не брать городка.

Стало войско на холмах вокруг лощины и ни в город, ни из города никого не пропускает. Много месяцев стояло войско. Все ждали, когда жители города сдадутся. Но никто не пришел договариваться о сдаче. Тогда полководец послал отряд проверить, что делается в го-воде. Пошли солдаты, подошли к воротам, а в городе тишина. Взобрались на стены и видят: все, кто был в том городе, мертвые лежат. И не просто от голода или ран умерли, а, видать, ядом каким-то отравились. Все мертвецы зеленые-презеленые. Ну, солдаты, конечно, не зевали, пошарили по домам да амбарам, взяли, что поценнее, и вернулись к войску. Докладывают: так, мол, и так, город можно занимать. И вещичками, принесенными из города, хвастаются.

Начальники войска обрадовались и решили наутро занять город. Однако ночью все, кто побывал в городе, заболели какой-то непонятной болезнью. Целую ночь мучались, а к утру все, как один, скончались. Это бы еще ничего!.. В войске солдат много. Но от умерших солдат заразились другие, и пошел мор по войску. Такой страшный мор, что тогдашние лекари ничего не могли сделать. Тут самый главный над войсками полководец приказал всем здоровым бежать и собраться где-то в другом месте. Приказал всех больных оставить, где

кто упал. Войско убежало, а все, кто заболел, умерли и тоже после смерти стали зелеными, как трава.

Много лет никто не подходил к этому проклятому месту, и прозвали его Грюнманбургом. Вокруг развалин сделалось непроходимое болото. На болоте по ночам горели огни. Большие огни, ростом с человека, и маленькие, чуть от земли видные. Народ говорил, что это светятся души умерших на болоте, не погребенных и не отпетых людей. Однако, — улыбнулась старушка, видя, с каким вниманием слушает ее капитан, — эту легенду теперь мало кто помнит. Сказки все это глупые...

— А вот это уж совсем напрасно, — недовольно покачал головой капитан. — Легенда интересная, и, мне кажется, в основе ее лежит подлинный исторический факт.

— Ну, что вы, — усомнилась старушка. — Может, что и было, но чтобы целый народ умер, но не захотел сдаться — в это я не поверю.

— Все могло быть, дорогая фрау Нидермайер. Ведь мы здесь живем на земле, тысячу лет тому назад принадлежавшей полабским славянам, племени бодричей.

— Славянам? — удивилась старушка. — Это значит, вроде русских. Вот ведь они куда заходили. Пол-Германии захватывали.

— Никуда они не заходили, а просто жили здесь, — пристально рассматривая ногти на руке, медленно заговорил капитан. — Сами же вы рассказали, что народ, с которым воевали тогда немцы, жил в этих местах испокон веков. Эльбу они называли Лабой, и сами прозывались полабскими славянами. Завоевал их Генрих Лев. Правда, не сразу. В открытом бою его разбили, а уж потом он.

— Об этом замечательном немецком рыцаре я, кажется, что-то читала, — довольно закивала головой старая фрау. — Только уж не помню что. Он ведь очень давно жил.

— Да, порядочно. Лет восемьсот тому назад, — уточнил капитан.

— Значит, все-таки меньше тысячи, — с сомнением в голосе произнесла старушка. — Не о нем, наверное, эта легенда.

— А на месте развалин раскопки не делали?

— Ну, кто же позволит! Господа фон Бломберги не хотели, чтобы про их имение разные глупости рассказывали, а кто же захочет ссориться с господами фон Блом-бергами? Вот почему, наверное, Грюнманбурга. и нет на картах. Старое название. Народ так назвал.

— Интересная легенда, — одобрил капитан.

— А вот я еще вам расскажу...

Но на улице хлопнула калитка. Фрау Нидермайер, выглянув в окно, всплеснула руками:

— Макс! И в каком виде! Боже мой! Что с ним такое случилось?

В комнату вошел лейтенант Кольбе. Куда девался его бравый вид! Голова лейтенанта была забинтована так, что рыжие волосы совсем скрылись под повязкой. Правая рука висела на перевязи. Он сильно хромал.

— Макс, дорогой! Что с тобсмэ?! — воскликнула фрау Нидермайер, обнимая своего любимого племянника.

— Осторожнее, осторожнее, тетушка, — взмолился Макс. — У меня, наверное, ни одной косточки без щербинки или трещины не осталось. Из самого ада полуживым выскочил.

— Да что с тобою, Макс? С кем подрался? — заинтересовался капитан.

— Какое там подрался!.. Это нам по морде дали. И как дали! Тридцать шесть убитых и семьдесят два тя-жгло раненых, не считая таких, как я, — ходячих.

— Фю-и-ть, — присвистнул капитан. — Солидно, Как это так?

— Черт бы брал этих русских! — воскликнул Макс. — Все это их штучки. Не по правилам, свиньи, действуют. Ну, смылись, так и смылись бы по-честному. А зачем мины расставлять?

— Вот, господин капитан, — не утерпела фрау Нидермайер. — Я вас ночью будила, говорила, а вы не поверили.

— Да и сейчас не верю, — упорствовал капитан. — Откуда здесь взялся русским?

— Дьявол их знает, откуда они здесь появились, — обозлился Кольбе. — Но такую

мясорубку, какую они нам устроили вчера, до самой смерти не забудешь. Подумать только, тридцать шесть убитых... и какие это были люди... бульдоги!.. вепри!.. гориллы? Каждый был в два метра ростом и кулачище — во!.. Отборный народ! Хоть на выставку!

— Да ты садись, Макс, и расскажи толком, что произошло?

— Да, собственно говоря, и рассказывать почти нечего, — немного спокойнее заговорил Кольбе. В нескольких фразах, пересыпанных ругательствами, он изложил вчерашнее происшествие.

— Русских задержали? — спросил капитан.

— Нет. Все удрали. Как сквозь землю провалились.

— А собаки?

— Они еще до начала всей этой истории от яда передохли.

— Из офицеров никто не погиб? — осведомился Бунке.

— Никто. Легче всех отделался Цехауер. Ни одной царапины. Майора Попели крепко стукнуло. С холма, говорят, сам уехал, а сегодня еле ходит.

— Очень рад, что майор Попель не стал жертвой этой глупейшей истории, — с выражением доброжелательности на лице проговорил Бунке. — Он на меня произвел самое приятное впечатление. Это, по-моему, способный и культурный офицер.

— Способный!.. — раздраженно фыркнул Макс. — Он-то и велел штурмом взять холм. Как будто не знает, что с русскими надо быть осторожным...

— Что же, он действовал, как и подобает офицеру фюрера, — смело и решительно взял майора Попели под свою защиту Бунке. — Я бы на его месте действовал так же.

Фрау Нидермайер не терпелось поговорить с племянником наедине. Кроме того, она боялась, чтобы в запальчивости ее Макс не сказал чего-либо резкого про майора гестапо. Кто его знает, как к этому отнесется капитан Бунке!

— Ну, начались служебные разговоры, — всплеснула руками фрау Нидермайер. — Это совсем не интересно. Расскажи лучше, Макс, как устроилась фрейлейн Лотта! Как она сейчас выглядит? Поправились ли после несчастья в Зегере?

— Я с нею почти не разговаривал... — угрюмо ответил Кольбе. — Когда приключилась эта штука с Фрицем, не до разговоров было.

Капитан Бунке поднялся из-за стола, поблагодарил фрау Нидермайер и вышел, оставив хозяйку наедине с племянником. Капитан закурил сигарету, спустился с крылечка и пошел во дворик, залитый жаркими лучами солнца.

По чисто выметенной и посыпанной песком дорожке он прошел в глубь заросшего кустами роз палисадника. От улицы кусты роз отделялись, кроме решетки, ровной шеренгой молодых и стройных, как новобранцы, ясеней. Яркая, еще не запыленная весенняя зелень кустов радовала глаз. В центре небольшой цветочной клумбы, на невысокой гюдставке, переливался и сиял под лучами солнца большой зеркальный шар. В нем отражался весь окружающий пейзаж, правда, уменьшенный в тысячи раз, но зато ставший во много раз ярче. Капитан с минуту постоял перед клумбой, докуривая сигарету. «Узок же кругозор немецкого мещанства, — подумал он усмехаясь, — коль даже такой пустячвый эффект доставляет ему удовольствие. Мещанину непонятна могучая красота природы. Он хочет видеть ее миниатюрной, меньше, чем он сам, отраженной на дешевом, покрытом зеркальной эмульсией стеклышке».

От калитки донеслись голоса. Капитан прислушался. Франц разговаривал с кем-то посторонним. Капитан не мог разобрать слов, но по тону голоса понял, что Франц чем-то встревожен. Сунув правую руку в карман, Бунке направился по дорожке в сторону калитки. Но Франц уже сам шел ему навстречу. В руках денщика белели две четвертушки бумаги.

— Что случилось, Франц? — негромко спросил Бунке. — Повестки. Нас вызывают в гестапо.

— По делу об убийстве Гольда, — сказал капитан, прочитав текст повестки.

— Пойдем?

— Придется. Вызвали на восемь вечера, — медленно проговорил капитан, обдумывая что-то. — Рановато немного... Ну что ж, ничего не поделаешь. — Затем шепотом, пристально

глядя на Франца, добавил: — Сюда мы уже не вернемся. А там будем действовать по обстановке.

Глава 29

ПОЕДИНОК

Все сложилось не так, как рассчитывала Грета. Утром, после ночного разговора с капитаном Бунке, она позвонила фон Лютне и попросила принять ее. Но у генерала было почему-то плохое настроение, и он, нелюбезно ответив девушке, что весь день будет занят, повесил трубку. Грета позвонила еще раз и сухо напомнила генералу, что, согласно инструкции, всякие исправления записей хода опытов должны переноситься из рабочего экземпляра в контрольный немедленно, в течение, двадцати-двадцати пяти минут.

— Ничего, — буркнул генерал. — Я разрешаю перенести ваши замечания позднее.

— Слушаюсь, — официальным тоном ответила Грета. — Но в таком случае я должна буду донести о вводимом вами изменении инструкции господину-министру.

— Что! — взвизгнул генерал. — Вы думаете о том, что говорите?

— Я действую согласно указаниям, полученным мною лично от обожаемого фюрера и господина рейхсминистра, — холодно ответила Грета.

— Сколько времени вам нужно, чтобы внести изменения? — снизил тон фон Лютце.

— Немало, господин генерал. Часов двенадцать поработать придется.

— Забирайте ваши рабочие записи, приезжайте сюда и переносите здесь, — приказал фон Лютце.

— Слушаюсь, господин генерал. Но я должна буду на этот срок выключить аппаратуру. Сейчас ответственный момент испытаний, и аппаратура не может работать без моего наблюдения.

— Капризы! — пискнул генерал. — Когда вы закончите испытание?

— Послезавтра, — обнадежила Грета. — В субботу, в двенадцать часов дня, я доложу вам о готовности лаборатории.

— Хорошо, — уже более милостиво заговорил генерал. — Приезжайте в семнадцать ноль-ноль и заберите контрольные записи. Через двадцать четыре часа вы мне их возвратите.

— Слушаюсь. — Грета положила трубку и, улыбаясь, взглянула на нахмурившегося Зельца.

— Чем вы недовольны, Карл?

— Послезавтра вы докладываете о готовности лаборатории?

— Придется. Дело и так затянулось. Слишком затянулось. Пора его кончать...

— Что вы задумали, фрейлейн Грета? — сурово спросил Зельц девушку. — Хотите, чтобы эта чертова мельница заработала на полный ход?

— Нет, не хочу.

— Так говорите, что вы задумали.

— Дорогой Карл, — мягко заговорила Грета, — я, к сожалению, не имею права говорить вам всего. Но вчера произошло замечательное событие.

— Знаю, Фриц Гольд сыграл в ящик.

— Не только это. Я очень благодарна вам и вашим друзьям, дорогой Карл, за то, что вчера вы спасли меня, — тихо продолжала Грета. — Но главное все-таки не это. Я должна кое о чем предупредить вас и поручить одно важное дело. Но я хочу, чтобы вы сначала дали мне слово не задавать ни одного вопроса, не пытаться узнать больше, чем я вам скажу.

— Но, фрейлейн Грета... — запротестовал Зельц, удивленно глядя на девушку.

— Я требую от вас этого слова, товарищ Зельц, — перебила его Грета. — И даже больше. Я требую, чтобы вы, не спрашивая ни о чем, помогли мне. Я верю вам, как самой себе, я просила разрешить рассказать вам все. Но мне это категорически запретили.

— Кто?

— Друзья Макса Бехера. Они называют его честным немцем и стойким коммунистом.

— Хорошо, — недовольным тоном сказал Зельц. — Даю вам честное слово, хотя, откровенно говоря, не понимаю...

— Сейчас поймете, мой хороший, мой настоящий товарищ, — ласково заговорила Грета, положив ладонь на плечо Зельца. — Очень скоро я исчезну из Грюнманбург-га. И я решила, что со мною должны исчезнуть все записи опытов. Они не должны остаться в руках фашистов. Это все, что я могу вам сказать.

Зельц встал со стула и заходил по комнате. Грета настороженно, испытующим взглядом следила за ним. Несколько минут протекло в полном молчании.

— Ясно, — глухо проговорил Зельц, останавливаясь перед Гретой. — А что обязан сделать я?

— Садитесь, Карл, — мягко пригласила Грета. — То, о чем мы сейчас с вами договоримся, нам никто не поручал. Я думаю, что и эта лаборатория «А» должна взлететь на воздух.

— Должна, — без колебаний согласился Зельц. — Но как?

— Нужно повторить эксперимент наших предшественников, только значительно усиленный.

— Я готов, — твердо сказал Зельц. — Но сумею ли я?

— Это сделают без нас аппараты. Но они рассчитаны на незначительное количество вещества, а сейчас его будет в несколько раз больше. Было бы хорошо, если бы «ни сработали в заранее назначенный час.

Карл задумался, соображая, какие изменения надо сделать в структуре аппаратов, чтобы вышло так, как он метила Грета.

— А может быть, вы расскажете мне, что и как, и я сам сделаю эту штуку? Так все-таки надежнее...

— Нет, Карл, — решительно отвергла предложение Зельца девушка, — на этот раз попробуем без жертв. В крайнем случае, обойдемся тем же количеством, какое взорвалось в тот раз. Конечно, эффект будет меньше, но все же...

— Когда должен произойти взрыв? — спросил Карл.

— Хорошо бы послезавтра, часа в четыре утра. Снова установилась длинная пауза. Карл задумчиво чертил что-то на клочке бумаги, девушка выжидательно смотрела на него.

— Сделаем! — проведя на наброске последнюю линию, воскликнул Карл. — Вот, смотрите...

— Я была уверена, что вы что-нибудь придумаете, — улыбнулась Грета и закрыла ладонью набросок. — Сейчас мы спустимся и все подготовим. Но у меня есть еще одно дело...

— Слушаю.

— Нужно сделать так, чтобы вас не заподозрили.

— Вряд ли из этого что-нибудь выйдет. Мне, видимо, придется сменить не только объект работы, но заодно» фамилию. Лучше всего, если в гестапо подумают, что я погиб при взрыве.

— А если я попрошу, чтобы вас, как и меня...

— Нет, фрейлейн Грета, этого не нужно, — решительно отказался Зельц. — Вы — это одно, я — совсем другое. Вы — не рядовой боец. Вы — крупный ученый, гордость нашей будущей Германии. Я здесь, в подполье, вы там... среди свободных людей... Мы оба будем делать одно дело — бороться за то, чтобы Германия перестала быть фашистской, чтобы во всем мире матери перестали пугать детей словом «немец».

— Тогда завтра перед вечером я пошлю вас в Борнбург. А в десять тридцать вечера вы меня встретите... скажем... на выезде из Борнбурга в Грюнманбург. Договорились?

— Хорошо, — согласился Зельц.

— Теперь еще одно, — Грета открыла ящик стола и/ достала фотографию, переданную ей Бруком. Ножичком для очинки карандашей она вырезала верхнюю часть снимка — голову и плечи девушки, задумавшейся на садовой скамейке.

— Сожгите, — подала она Зельцу ненужную часть фотокарточки. — Зельц немедленно выполнил просьбу девушки.

Тем же ножом Грета разрезала по диагонали волнистой линией оставшуюся часть фотографии. Одну половину она спрятала в карман, другую подала Зельцу.

— Если к вам придет человек с той половинкой снимка, что я оставила себе, знайте, что он пришел от мен» или от наших друзей. Значит, ему надо верить и помогать.

— Понятно, — оживился Зельц. — Только прошу запомнить, что меня здесь может не быть. Пусть этот человек придет в пивную «Золотой бык» и покажет кусок фотографии хозяину пивной дядюшке Клотце.

— Пивная «Золотой бык», дядюшка Клотце, Клотце! Хорошо, запомнила. Вы сами подготовьте этого Клотце. Он надежный человек?

— Очень надежный. Ручаюсь, как за себя.

— Хорошо, — одобрила Грета. — Пойдемте вниз и будем готовить аппаратуру.

— Фейерверк устроим что надо, — широко улыбнулся Зельц, открывая горловину шахты. Он уселся верхом на бетонное кольцо и, нащупав ногою ступеньку железной лестницы, шутливо пригласил Грету:

— Прошу вас, фрейлейн. Небольшая гимнастика очень укрепляет и дух, и тело, А нам и то и другое нужно иметь покрепче стали герра Золингена.

До самого выезда Греты в центральный подземный городок они проработали в нижнем помещении лаборатории, подготавливая ее к взрыву. Лишь перед концом рабочего дня Грета вошла в кабинет фон Лютце. Передавая ей драгоценные записи, генерал хмуро сказал:

— По существу я не должен разрешать Вам брат эти документы к себе, но что поделаешь! Инструкция не может охватить все стороны жизни, и доносить об это; министру я не буду, — карлик покосился на Грету. В субботу вы закончите оборудование лаборатории, а понедельник у вас будет достаточно ассистентов и лабс рантов, чтобы, по мере надобности, эти записи исправлялись здесь. Люди в ваше распоряжение уже выехали.

Запирая привезенные от Лютце записи в сейф, Грета подумала: «Генерал приказал вернуть их через двадцать четыре часа. Он рассчитывал, что я буду работать до полуночи... Ничего, скажу — голова разболелась... После контузии в Зегере...» — усмехнулась Грета.

Для того, чтобы убить время, Грета начала заниматься перенесением исправлений утром следующего дня. Карла еще не было в лаборатории. За весь период совместной работы это был первый случай, когда Зельц опоздал. Да и у Греты работа не спорилась. Она просидела не менее двух часов, а на контрольном экземпляре краснело не более десяти пометок.

Карл явился только к полудню. Глаза Зельца сияли. Поздоровавшись с Гретой, он сел рядом с нею на стул и, понизив голос, сказал:

— Хотя я честно выполнил слово, данное вам, фрейлейн Грета, и не пытался узнавать что-нибудь, но русские такой народ, что о них сразу узнают.

— Как вы узнали? — встревожилась Грета.

— По почерку, — улыбнулся Зельц.

— По какому почерку?

— По русскому почерку, — весело засмеялся хмурый помощник Греты. — У них ведь во всем свой особый почерк.

Видя, что, девушка встревожена, Зельц заговорил серьезно:

— Ничего особенного, фрейлейн Грета. Просто русские сегодня ночью заманили наших головорезов из СС и гестапо на холм около развалин пивного завода и устроили им коллективную панихиду.

— Как устроили? Какую панихиду?

— Взорвали. Более тридцати человек отправили на тот свет, около ста тяжело ранили.

— А русские? — бледнея, спросила Грета.

— Не нашли. Когда наши штурмовали вершину холма, русских там и след простыл. Они оставили гестаповцам посылку «до востребования», а сами отошли подальше. Разделяйтесь, мол, как умеете, мы свое сделали. Молодцы!..

— Вы твердо уверены, что ни один русский не погиб или не захвачен гестапо? — недоверчиво допытывалась Грета.

— Твердо, — заверил Карл.

После такого сообщения о работе не могло быть и речи. Записи были отложены в сторону. Зная, что через несколько часов предстоит разлука и, может быть, навсегда, Карл начал подробно рассказывать Грете все, что ему было известно о настроении трудового народа Германии, о тяжелой, неравной, но не прекращавшейся ни на минуту борьбе, которую вели немецкие коммунисты в фашистском подполье. Карл передал Грете несколько десятков листовок, выпущенных подпольщиками Германии.

— Покажите их нашим товарищам — русским коммунистам. Они должны быть уверены в том, что не весь немецкий народ склонился под ярмом фашизма.

— Обязательно передам, — обещала Грета, пряча драгоценные листки. — Обязательно передам и все расскажу.

— Передайте русскому народу, что мы здесь не только листовки печатаем. Начинаются и более серьезные дела. Завтра утром, например, Грюнманбург останется без электроэнергии. Теплоцентральный взлетит на воздух.

— Постойте, — забеспокоилась Грета. — А наш взрыв? Ведь без электричества аппараты не сработают.

— Теплоэлектроцентральный взлетит вслед за лабораторией. Наш взрыв послужит знаком для ребят на теплоцентрали. Хотя... Рисковать нельзя. Обойдемся "без теплоцентрали. Мы подключим аппаратуру к аварийным аккумуляторам. Сработают, как часы.

Рассказывая о том, что было проделано известными ему группами сопротивления, Карл снова назвал имена Макса Бехера и его русского друга, радиста со странным именем Тогда сын Ухапов.

— Вы там постарайтесь разузнать, жив ли этот Тогда. Действительно ли его поймали гестаповские ищейки или это брехня? Он был радист с бомбардировщика.

— Я расскажу все подробно и о Максе Бехере и об этом русском товарище со странной фамилией, — торжественно обещала Грета.

Дружескую беседу прервал звонок. Грета сняла трубку.

— Вы еще у себя, фрейлейн Лотта? — услышала она голос Брука.

— Да, я в лаборатории, — несколько растерянно ответила Грета.

— Очень хорошо. Сейчас я к вам приеду. Прошу вас! встретить меня у входа.

Повесив трубку, Грета взглянула на часы и удивленно воскликнула:

— Как быстро идет время! Уже девятый час.

— Девятый? — удивился Зельц. — Пора заряжать, аппараты. Через три часа вы исчезнете из Борнбурга.

Направляясь к горловине шахты, Зельц спросил:

— Кто это звонил?

— Брук. Он сейчас приедет сюда.

— Какого черта ему понадобилось? — встревожился Зельц.

— Не знаю, — пожал плечами девушка. — Вы спускайтесь, Карл, и заряжайте аппараты. Не забудьте подключить их к аккумуляторам. Только будьте осторожны... А я пойду встречать господина штандартенфюрера.

— Он нам может здорово помешать, — проворчал Зельц, исчезая в отверстии шахты.

Грета поднялась на поверхность как раз в тот момент, когда машина Брука затормозила перед кустами, маскирующими вход в лабораторию.

Штандартенфюрер выглядел так, как будто только что выскочил из рукопашной схватки. Его правая рука была на перевязи, на лбу багровел огромный синяк, подбородок и левая скула сильно поцарапаны, словно кто-то основательно потер их наждачной бумагой.

— Бог мой! — воскликнула Грета. — Что это с вами, господин штандартенфюрер? Кто вас так?

— Пустяки, — недовольно проворчал штандартенфюрер. — Была небольшая авария.

Грета не сочла удобным расспрашивать эсэсовца о месте и причинах аварии, хотя и догадывалась, что штандартенфюрер оказался одним из тех счастливых, которым удалось

уцелеть при взрыве на холме. Она молчаливым жестом пригласила Брука следовать за собой. Всю дорогу штандартенфюрер не проронил ни слова и, лишь войдя в верхнее помещение лаборатории, спросил:

— Фрейлейн Шуппе, мы здесь одни?

— Здесь мы одни. В нижнем помещении работает мой помощник, но он скоро закончит.

— Нельзя ли его поторопить, фрейлейн Шуппе?

— Торопить бесполезно,— хладнокровно ответила Грета.— Он не может ни ускорить, ни прервать процесс. Думаю, что минут через десять господин Зельц освободится.

— Вы каждый раз так поздно задерживаетесь?

— Время не ждет,— усмехнулась девушка. — Я обедала завтра доложить генералу о готовности лаборатории.

На столике перед пультом загорелась лампочка. Грета сняла трубку внутреннего телефона.

— Как дела, господин Зельц? Закончили? Хорошо. Закрывайте нижний люк и поднимайтесь...

Брук насторожился:

— Фрейлейн, вы еще намерены работать?

— Да, я сказала Зельцу, что задержу его часов до одиннадцати. А что?

— Мне нужно с вами побеседовать. Зельц будет мешать,— торопливо заговорил штандартенфюрер.— Но просто отпустить его тоже нельзя. Он не должен догадываться, что я нарочно отсылаю его. Знаете что, фрейлейн Лотта? Разрешите, я его попрошу съездить в Борнбург с моей запиской к майору Попелю.

В глазах Греты сверкнули веселые огоньки. Лучшего алиби Зельцу и не придумать. Штандартенфюрер своей запиской свидетельствует гестапо о непричастности Зельца ко всему, что произойдет в лаборатории «А» после его отъезда.

— Господин Зельц, — обратился к Карлу штандартенфюрер, едва лишь тот вылез из шахты и закрыл за собою люк,— вам придется съездить в Борнбург, в гестапо. Отвезете мое письмо.

Зельц удивленно взглянул на Грету, но девушка, кивнув головой, дополнила слова Брука.

— Обратного можете не возвращаться. А в остальном поступайте, как договорились.

Штандартенфюрер присел возле круглого столика и, морщась от боли в руке, начал писать записку, а Зельц обратился к Грете:

— Фрейлейн Шуппе, разрешите, я позвоню дежурному адъютанту. Доложу, что выезжаю в Борнбург.

— Звоните,— кивнула Грета.

— Звонить бесполезно,— предупредил Брук.— Там сейчас не до вас.

— А что там случилось? — быстро спросила Грета.

— Чрезвычайное происшествие,— сердито фыркнул Брук.— Русские разведчики пристроились под крылышко к генералу Лютце.

— Да что вы!.. Не может быть!..— одновременно воскликнули Грета и Зельц.

Забыв о нарушении субординации, Брук ядовито покосился на пораженных слушателей и насмешливо переспросил:

— Не может быть, говорите? А вы сообщите об этом местному гестапо. Оно чуть не в полном составе примчалось сейчас к генералу Лютце.

— Кто бы мог подумать?..— растерянно прошептала Грета. «Какое ужасное несчастье! За два часа до выезда,— лихорадочно соображала она.— Кто же выдал русских гестапо? Кого схватили? Во всяком случае, не капитана Бунке! Бунке не имеет никакого отношения к Грюнманбургу. Значит, это его помощники. А как он сам?»

Пока штандартенфюрер, с трудом шевеля пальцами висевшей на перевязи руки, запечатывал свое письмо, Грета торопливо взвешивала в уме, как может повлиять на ее судьбу провал русских разведчиков. После короткого, но мучительного раздумья Грета решила: «Буду поступать так, как договорились с капитаном Бунке. Здесь все равно оставаться нельзя».

Штандартенфюрер подал Зельцу запечатанное письмо.

— Поезжайте на моей машине, вручите письмо майору Попелю. Шоферу скажете, чтобы, высадив вас, ехал в гараж. Я вызову, когда будет нужно.

Провожая Зельца, Грета успела шепнуть ему:

— В десять тридцать ждите меня, как условились. Будем действовать так, как будто ничего не произошло.

— Фрейлейн Шуппе, — начал Брук, едва лишь остался наедине с Гретой, — теперь у вас нет основания затягивать решение вопроса о выезде в Штаты. Я глубоко сожалею о гибели вашего жениха господина фон Блом-берга, но это событие значительно облегчает положение. Все зависит только от вас. Я бы хотел услышать ваше согласие.

— Но ведь сегодня еще не тридцатое, — удивилась Грета. Брук с минуту не отвечал, внимательно рассматривая дымок только что закуренной им сигареты. Затем поднял голову и, пристально глядя в глаза Греты, спросил:

— Вы взяли у генерала фон Лютце второй экземпляр записей предыдущих опытов?

— Да, они у меня, — ответила Грета.

— И больше нигде нет ни единой строчки об опытах, которые проводились вашими предшественниками? — весь подавшись вперед и не спуская с девушки глаз, настойчиво переспросил штандартенфюрер.

— Думаю, что нигде, — нерешительно ответила Грета и затем, поправившись, категорически закончила: — Конечно, нигде.

— Так ведь это же чудесно! — заликовал Брук. — У вас на руках все козырные карты. Вы можете сделать такой бизнес, какого никто не делал от сотворения мира... Вы уезжаете в Штаты владелицей секрета мирового значения. Перед вами все будут ходить на задних лапках... У вас блестящая будущность, будущность, которой может позавидовать президент. Да что президент! Президентов избирают, а вы — владелица секрета самого ужасного оружия. Это выше, чем десяток президентов.

Слушая штандартенфюрера, Грета незаметно взглянула на часы: «Бог мой! Скоро десять, а он, кажется, намерен вести долгий разговор», — с досадой подумала она. Приняв молчание девушки за колебание, американец начал убеждать ее:

— Только в Штатах вас ожидает будущность большого ученого с мировым именем. Только в Штатах вы будете в безопасности от всяких социальных потрясений, коммунистической революции и даже проникновения русских разведчиков в вашу лабораторию.

«Что ему ответить? — напряженно думала Грета, по привычке потирая левой рукой висок.

— Может быть, следует согласиться для вида. Пусть отстанет и убирается отсюда. Да нет, противно даже для вида. Откажусь».

— Я уполномочен передать вам, что в день вашего выезда в Штаты с этими самыми записями вам будет вручен чек на миллион долларов. Причем от вас даже не потребуют этих записей. Только работайте, развивайте ваше изобретение, превращайте ваши ученые расчёты в маленькую симпатичную бомбочку, перед которой замрет в ужасе весь мир. У вас будет отлично оборудованная лаборатория с целым штатом ассистентов. Ваш заработок будет в десятки раз выше, чем сейчас. Короче, все говорит за то, что вам надо переехать в Штаты.

— И все же я категорически отвечаю; нет, — все еще не отнимая руки от виска, твердо ответила Грета. — Я немка, и никуда из Германии уезжать не думаю.

Штандартенфюрер с удивлением смотрел на Грету. Девушка вспомнила предупреждение Зельца и в замешательстве отдернула руку от виска. Но было уже поздно.

Не спуская с Греты круглых от удивления глаз, Брук хрипло рассмеялся.

— Вот это номер! А ведь я тогда был прав. Будь я проклят, если вы не Грета Верк. Сходство сходством, но не до такой же степени! — Брук на мгновение замолчал, словно припоминая что-то. — Теперь мне понятно, почему на теле Шарлотты Шуппе в Зегере нашли золотой медальон с портретом какого-то мужчины. Понятно. Настоящая Шарлотта Шуппе закопана в Зегере, а сюда, нацелив ее перышки, проскользнула другая птичка — Грета Верк. А эти остолопы в гестапо ломают голову, раздумывая, откуда у Греты

Верк оказался золотой медальон. Ха-ха-ха!

Смех эсэсовца оборвался, когда он внимательно взглянул в лицо сидевшей против него девушки. Грета была бледна, но глаза ее горели такой ненавистью, что Брук невольно поежился.

— Ну, ну! Вы полегче, — прикрикнул он, хотя Грета Верк не сказала ни слова. — А то я сейчас позвоню... — и, опершись левой рукой о подлокотник, эсэовец, морщась от боли в плече, начал подниматься с места.

— Сидеть, — негромко приказала Грета. — Сидеть, мерзавец!

— Что! — взревел Брук. — Я тебе сейчас покажу, лагерная девка...

Левой рукой он попытался вытащить из кобуры пистолет, но его предупредил окрик Греты.

— Руки на стол, гадина!

Черный глазок пистолета угрожающе уставился в лоб эсэовца.

Брук понял, что это не шутка, что смерть, которой он всегда угрожал тем, кто попадал в его лапы, сейчас может свалить его. Лицо штандартенфюрера начало сереть, в угрюмом взгляде мелькнул страх.

— Ну, зачем так круто? — начал он. — Мы можем договориться.

— Нет, — звонко ответила девушка. — Мы с вами не договоримся, господин американский эсэовец. Я немка, и с предателями моей любимой Германии договариваться не буду. Да, я Грета Верк, вы угадали. Сейчас я уйду отсюда, а вы останетесь здесь навсегда. Через несколько часов все это дьявольское гнездо взлетит на воздух, и вы вместе с ним. Поняли? Не прыгайте! Вы никому не сможете сообщить об этом. Попробуйте встать, и я вас пристрелю. Вы не правы, господин американский фашист. В гестапо сидят не остолопы. Там сидят умные, опытные ищейки, преданно охраняющие фашистский строй, а заодно и вас, господин фальшивый американец. Но они ничего не смогут сделать с нами, со мной и тысячами моих друзей. В конце концов, победим мы, а не вы и не они. Поняли ли вы это хотя бы перед смертью?

Брук сидел, положив руки на стол, сникнувший, обмякший. Казалось, угроза смерти парализовала его. Но это только казалось. Осторожно, боясь выдать себя, он сантиметр за сантиметром вытягивал ноги, скрытые опущенной скатертью. Вот его подошвы уперлись в массивную ножку стола. Тогда, собрав все силы, Брук толкнул тяжелый стол на Грету.

Крышка стола больно ударила девушку в грудь и отбросила ее на пол. Пистолет выпал из ослабевших рук Греты. От боли перехватило дыхание. Девушка на мгновение зажмурилась глазами. «Конец!» — пронеслось в ее мозгу.

Брук, скрипя от боли зубами и яростно ругаясь, левой рукой тащил из кобуры пистолет. Тогда Грета, вскочив, схватила с пола покрытый металлической сеткой сифон и изо всех сил ударила им эсэовца. Тяжелый сифон угодил в больное плечо Брука. Взвыв от боли, эсэовец рухнул на пол.

Но Брук не хотел признавать себя побежденным. Вцепившись в девушку, он повалил ее рядом с собой и старался схватить Грету за горло.

— Врешь, лагерная девка! Я и одной рукой сверну тебе шею, — брызгая слюной, рычал Брук. — Сверну шею! Не уйдешь!

Напрягая все силы, девушка пыталась вырваться, сбросить с себя тяжелую тушу фашиста. Случайно рука ее наткнулась на открытую кобуру эсэовца. Девушка вырвала пистолет из кобуры и нажала на спусковом крючок. Выстрела не было — пистолет отказал. Грета чувствовала, что еще немного — и она потеряет сознание, но в эту минуту в голове мелькнула спасительная мысль: «Забыла предохранитель... Поэтому и не стреляет...» Фашист наконец добрался до горла Греты. Огненные искры сверкнули перед глазами девушки. Почта бессознательно она отвела скобу предохранителя и нажала спусковой крючок. Ей показалось, что выстрела было. Просто Брук сильно дернулся и откатился куда-то. Грета вскочила на ноги. Брук хрипел и ругался у ее ног.

Вытащив из угла комнаты кусок эластичного провода и заставив эсэовца под угрозой пистолета лечь лицом вниз, Грета крепко связала ему за спиной руки. Связывая тем же

проводом ноги сразу присмирившего; американца, Грета увидела, что прострелила ему правое бедро.

Обезопасив себя от Брука, Грета без сил опустилась на стул. Эсэсовец, лежа на груди, повернул голову и угрюмо смотрел на девушку. Не обращая на него внимания, Грета привела себя в порядок.

— Нам лучше всего договориться по-хорошему, — неожиданно мирным тоном заговорил Брук. — Вы можете получить большую выгоду.

Несмотря на необычность положения, Грета не смогла удержаться от едкой улыбки:

— Мы уже договорились, и с большой выгодой для меня, — ответила она.

— Я говорю о долларах. Я могу дать много долларов.

Грета, не отвечая, подняла пистолет и жестом приказала эсэсовцу открыть рот. Старательно затолкав в широко открытый рот Брука его носовой платок и свой собственный, Грета принялась собираться. Отодвинув опрокинутый стол, она подобрала свой пистолет, достала из-сейфа записи, уложила их в чемоданчик и вызвала машину. Мучительно болела шея, в голове стоял-какой-то туман. «Ну, кажется, все, пора!» — как в полусне подумала она и направилась к выходу. Уже у самых дверей девушка была остановлена звонком телефона. Поколебавшись, Грета вернулась, сняла трубку.

— Господин штандартенфюрер Брук у вас? — услышала Грета чей-то почтительный голос и догадалась, что это говорит шофер Брука.

— Да, — ответила она, — господин штандартенфюрер очень занят и к телефону не подойдет. Что ему передать?

— Доложите, пожалуйста, что его приказание выполнено. Господин Зельц доставлен мною в Борнбург. Машина находится в гараже.

— Хорошо, — с полным спокойствием ответила девушка. — Пока отдыхайте. Господин штандартенфюрер позвонит вам, когда освободится. Сейчас он очень занят.

Прежде чем повесить трубку, Грета вынула из нее мембрану. То же она проделала и с трубкой внутреннего телефона. Затем, подойдя к американцу, освободила его рот от кляпа.

— Вы хотели получить для американских фашистов секрет атомного взрыва. Он здесь, внизу, под вами. Отдаю вам его бесплатно. Подумайте на досуге, так ли уж нужна американскому народу атомная бомба?

Не дожидаясь ответа, девушка вышла из лаборатории. Вслед ей раздался вопль:

— К дьяволу атомную бомбу!.. Выпустите меня отсюда за полмиллиона долларов! Куда же вы уходите?! Я даю милли...

Грета задвинула дверь лаборатории..

Глава 30

РУССКИЕ В ГРЮНМАНБУРГЕ

В восемь часов вечера Бунке в сопровождении Франца вошел в помещение гестапо. В приемной перед дверью начальника Борнбургского отделения сидел дежурный гестаповец. Увидев капитана, он вскочил и в самой вежливой форме передал Бунке извинение майора Попела, который задержался, но прибывает с минуты на минуту.

— Господин майор болен, но не хочет считаться с этим, — прочувствованным тоном сообщил дежурный. — Просто чудо, что он остался жив после вчерашнего прискорбного случая. Ведь господин майор лично вел солдат на штурм холма и был в самом опасном месте.

Выразив свое сочувствие и удивление, капитан Бунке уселся ожидать майора. Франц скромно встал, у стены. Чувствовалось, что вчерашний «прискорбный случай» дорого обошелся гестапо. Давно наступило время вечерней работы, а в здании царил тишина: взрыв на холме, очевидно, основательно уменьшил силы Борнбургского отделения гестапо.

Время шло с «минуты на минуту», но только в половине девятого Бунке вошел в кабинет

майора.

Попель выглядел очень неважно. Глаза ввалились и покраснели, в движениях чувствовалась скованность. Майор с трудом поворачивал шею. Бунке определил: «Скованные движения и шея—это от контузии, а глаза ввалились и покраснели от нагоня сверху».

— Я вас снова побеспокоил, дорогой капитан, для того, чтобы оформить ваши показания об убийстве лейтенанта Гольда, — сколько мог любезно улыбнулся Попель.— Мы напали на след убийцы, и ваши показания имеют огромную ценность.

— Если мои показания помогут опознать убийцу моего друга Фрица Гольда, то я всецело в вашем распоряжении, господин майор, — заверил Попель капитан Бунке.— Я рассказал вам все, что успел заметить в тот печальный вечер, и готов подтвердить это своей подписью.

— Хорошо, хорошо. Я думаю, мы сделаем так, — майор открыл ящик стола и, покопавшись в нем, вытащил лист бумаги, на котором было записано десятка полтора вопросов. На глаза майору попался запечатанный пакет. Майор на секунду задумался, припоминая, что это за пакет. «Фотографии радистов, направленных в Грюнман-бург», — вспомнил он и, вынув пакет из ящика, положил его перед собою на стол.

— Я думаю, мы сделаем так, — повторил майор. — Вот на этом листе записан ряд интересующих нас вопросов. Я дам вам бланк протокола допроса, вы сами заполните соответствующие графы, а затем дадите подробные ответы на поставленные вопросы. Не возражаете взять на себя этот труд?

— Пожалуйста, — с готовностью согласился Бунке. Попель усадил его за отдельный столик, где уже лежали подготовленный бланк и стопа чистой бумаги.

Просматривая перечень вопросов, Бунке убедился, что майор положил немало труда на их составление. Если он утвердительно ответит на все вопросы Попея, то ни у кого не возникнет сомнения, что убийца лейтенанта Гольда — штандартенфюрер СС Брук. Ведь он, Бунке, единственный человек, видевший убийцу.

Майор, устроив капитана Бунке, вызвал дежурного:

— Там сидит денщик господина капитана. Пусть его допросит Цехауер.

Несколько минут Попель просматривал очередную почту, накопившуюся за день, затем на глаза ему снова попался пакет, только что вынутый из ящика стола.

Неторопливо распечатав конверт, майор со скучающим видом начал читать сопроводительную бумагу. Отбросив ее, он так же неторопливо развернул снимки. Но при взгляде на присланные фотографии майор замер. Широко открытыми глазами Попель долго смотрел на фотокарточки; на лбу гестаповца крупными каплями выступил холодный пот. Он медленно, словно на плечи ему внезапно легла огромная тяжесть, поднялся с кресла. Осторожно, как будто подкрадываясь, подошел к столику, откинул покрывавшую его ткань и уставился на лежащие рядом с обгорелым финским ножом фотокарточки неизвестных убитых солдат. С минуту майор Попель, словно окаменевший, стоял у столика в глубоком молчании. Лишь взгляд его перебегал с фотокарточек, лежащих на столе, на фотокарточки, которые он держал в руках, и обратно. Трижды за это время изменилось выражение глаз майора: вначале в них отразилась растерянность, затем удивление и наконец откровенный страх. Налившееся было кровью лицо гестаповца начало белеть. Он с такой яростью рухнул на свое место за столом, что массивное кресло жалобно скрипнуло. Обычная выдержка полностью изменила Почелю.

— Цехауера ко мне! — наверное, впервые с начала своей работы в гестапо заорал он во все горло, забыв вызвать дежурного. Но, должно быть, рев Попея был слышен далеко за пределами кабинета, потому, что не прошло и полминуты, как Цехауер пулей влетел в кабинет.

— Господин майор... — начал он, испуганно глядя на разъяренного Попея.

— Баба! — взорвался майор, не стесняясь присутствия капитана Бунке. — Старая супоросная свинья!

Куда вы здесь смотрели?! Кто сейчас радистами в Грюн-манбурге?

— Сержант Гуго Гиберт и рядовой Бруиер, — доложил Цехауер. — Оба направлены к нам...

— Молчать! Старый дурак! — бушевал Попель. — Гиберт и Брунер похоронены вами, идиот безмозглый, под видом сержанта Рихтера и рядового Гунке! Так кто у вас сейчас в Грюнманбурге, я вас спрашиваю?

Видя, что Цехауер ничего не понимает, Попель швырнул ему фотографии и сопроводительную бумагу:

— Читайте!

Майор ее слышал, как хрустнула ручка в пальцах капитана Бунке. Ему не было видно, как склонившийся над бумагой капитан крепко прикусил нижнюю губу и на минуту зажмурил глаза. Майору было не до капитана Бунке.

— Возьмите людей, сверля трясущегося Цехауера свирепым взглядом, приказал Попель. — Поезжайте в Грюнманбург и привезите обоих радистов. Людей возьмите побольше...

— Кого же взять? — запнулся Цехауер. — После вчерашнего...

— Что? Что?.. — голосом, не предвещавшим ничего приятного для Цехауера, переспросил Попель. — Что вы там бормочете про вчерашний ваш провал?

— Я... — побелевшие губы Цехауера бились мелкой дрожью. — Я хотел только сказать...

Многие наши люди еще в госпитале... Три группы находятся на пеленгации. _Одна оперативная группа по вашему приказанию...

— Знаю, — перебил Попель. — Группа скоро вернется. Оставьте часовых и дежурного, а остальных забирайте'.

— А как же вы? — Цехауер поднял на Попеля испуганные глаза.

— Что я? Я дома! Часовые на постах, оперативная группа должна вернуться с минуты на минуту, — и, наклонившись, шепотом закончил: - Возьмите подменных из караулов и всех шоферов. Действуйте.

Цехауер кинулся выполнять приказание.

Капитан Бунке слышал, как по коридору торопливо пробежали созданные Цехауером гестаповцы, как прогудел под окном мотор удалявшейся машины. В помещении гестапо установилась полная тишина. За спиной капитана, как запаленный бегун, тяжело дышал Попель. Он посматривал на склонившегося над бумагами капитана, и злость, еще не полностью вылитая на Цехауера, снова закипела в его груди. «О чем думает этот слишком уж хладнокровный капитан? — покосился на Бунке майор Попель. — Даже не оглянулся, когда я тут Цехауера гонял. — Попель поморщился, сожалея, что свидетелем этой дикой сцены был посторонний человек. — Не пишет. Обдумывает. Точные формулировки ищет, чтобы не наговорить чего-нибудь лишнего».

Попель ошибался. Капитан глядел на лежащий перед ним лист невидящим взглядом. Мозг его напряженно искал и не находил выхода: «Что делать? Убить Попеля и по телефону отменить приказ? Но Цехауер сразу заподозрит неладное. Дождаться, когда их привезут сюда и отбить здесь?.. Риск большой. У нас только пистолеты и ножи. И все же другого выхода нет. Надо начать и кончить все здесь, в кабинете Попеля».

— Над чем задумались, капитан? — раздался за спиной голос Попеля. — Сложный вопрос попался?

— Никак нет, господин майор, — спокойно ответил капитан. — Просто восстанавливаю в памяти, как все происходило.

— Да, да, — благосклонно улыбнулся Попель. — Важно- восстановить все, как было. Особенно детали. В деталях будьте особенно точны. Одежда преступника, как он произносит слова. В общем, поточнее.

— Постараюсь, господин майор.

В кабинете воцарилась тишина, нарушаемая только скрипом пера да шелестом откладываемых капитаном исписанных листов. Время от времени капитан настороженно

прислушивался, не возвращается ли машина, уехавшая в Грюнманбург за радистами, кидал тревожный взгляд на стрелку часов, неуклонно подходящую к одиннадцати, и, вздохнув, снова принимался писать.

Попель тоже делал вид, что погружен в работу. Перед ним лежало одно из текущих «дел», расследуемых гестапо. Однако за целый час майор не прочел ни одной страницы. Тупо уставившись в исписанный мелким почерком гестаповского следователя лист дела, он пытался предугадать, какое влияние на его судьбу окажет факт проникновения в Грюнманбург русских разведчиков. В том, что это именно русские разведчики, Попель ни капельки не сомневался. Как к этому факту отнесутся в главной квартире гестапо? Что скажет и, главное, что сделает с ним, майором Попелем, фон Гейм? Чем больше майор вдумывался в создавшееся положение, тем больше мрачнело его лицо. «Хорошего, во всяком случае, ждать не приходится», — подвел безрадостный итог майор Попель. Звонок телефона оборвал нить его размышлений, звонили из Грюнманбурга. Майор обрадованно крикнул в трубку:

— Скоро вы там кончите возиться? Где Цехауер?! — и вдруг подскочил на стуле: — Что? Убит?! Сколько их? Один? А где второй? Ослы!.. Кто это говорит? Какой лейтенант Кольбе? А где генерал Лютце? Ладно, докладывайте по порядку.

Несколько минут майор слушал молча. До капитана доносились отдельные слова человека, кричавшего в трубку телефона там, в Грюнманбурге: «приказ не выполнен... Цехауер... у первой двери... снова пытались... убиты... придется таранить...»

— Сейчас приеду сам, — свирепо пообещал майор, когда докладывающий замолчал. — Советую к моему приезду все закончить, иначе...

Бросив трубку на рычажок аппарата, Попель раздраженно нажал кнопку звонка. Дежурный, поспешно войдя в кабинет, вытянулся у порога.

— Машину, — коротко бросил майор и, увидев, что дежурный растерянно затоптался у дверей, рявкнул: — Вы что, оглохли? Я сказал — машину.

— Разрешите доложить, господин майор, — виновато проговорил дежурный, — машина в готовности, но вашего шофера взял с собой господин Цехауер. Он рассчитывал скоро вернуться...

— Дурак, — убежденно констатировал Попель, словно не он отдавал Цехауеру приказание взять с собой всех шоферов. — Но ведь я в таком состоянии не могу сам вести машину.

— Разрешите предложить вам свои услуги, — повернулся к майору капитан Букке. — Я всецело в вашем распоряжении в качестве боевой единицы, — улыбаясь, поднялся со стула капитан. — Мой денщик Франц первоклассный шофер. Показания мною уже закончены.

— Да-а, пожалуй, так будет лучше, — еще колеблясь, проговорил Попель. Но открытая улыбка капитана? и готовность, с какою он предложил свои услуги, победили сомнения майора. Глядя на крупную фигуру капитана, Попель вспомнил, как смело кинулся Бунке заубийцей лейтенанта, вспомнил, что, кроме капитана, ему не с кем ехать в Грюнманбург, двенадцать километров по ночной дороге, и, хмуро улыбаясь, согласился:

— Благодарю вас, капитан. О вашей готовности помочь мне я доложу рейхсминистру. Она не останется без вознаграждения. Поехали.

Через десять минут черная приземистая машина По-пеля вылетела из ворот гестапо и, взяв с места недозволенную скорость, помчалась по улицам притихшего городка к Грюнманбургскому шоссе. За рулем сидел Франц — денщик капитана Бунке. Рядом с ним, прижавшись к дверце, нетерпеливо ерзал майор Попель, глядя в ночную темноту колючими, злыми глазами. Бунке расположился на заднем сиденье.

С минуту в машине все молчали. Первым заговорил капитан:

— Внимание, Франц, подходим к третьему километру. Включай свет.

Выхваченная из темноты огненным столбом фар, на обочине шоссе на секунду возникла фигура высокого коренастого мужчины. Человек отскочил в сторону, в заросли.

— Что за дьявол! — удивился майор Попель. — Откуда здесь пешеход в такое время? Ведь

уже скоро полночь.

Ему никто не ответил. Только Бунке еще раз напомнил своему денщику:

— Франц, внимание. Третий километр.

Глава 31

РУССКИЕ НЕ СДАЮТСЯ

Неожиданное появление Эрнста Брука в лаборатории «А», так смутившее Грету и Зельца и кончившееся столь печально для штандартенфюрера, было совсем не случайным. Пронырливый прислужник американских магнатов, обдумав сообщение Попеля о том, что труп Греты Верк обнаружен среди развалин Зегера, пришел к выводу, что хотя многое тут еще непонятно, однако сам факт гибели подпольщицы не вызывает сомнения. А раз так, принялся рассуждать Брук, значит надо усилить обработку Шарлотты Шуппе. Но ведь эта твердокаменная нацистка может не согласиться на самые заманчивые предложения. Недаром среди высокопоставленных эсэсовцев шли игривые разговоры, что фюрер сам лично вручал ей награды и, видимо, не только за научную работу. Как же тогда быть? И в этот момент в голове Брука мелькнула мысль о том, что, на худой конец, можно ограничиться только получением записей произведенных опытов. Штандартенфюреру было известно, что вторые экземпляры записей хранятся в сейфе генерала фон Лютце. Значит, можно снять с них фотокопию, не привлекая ничьего внимания.

Придя к такому выводу, Брук еще утром решил потребовать от генерала второй экземпляр записей. Но, к самому великому сожалению, утром он не смог подняться с постели. Рука, разбитая ударом камня в момент взрыва на холме, на малейшее движение отвечала такой болью, что у штандартенфюрера темнело в глазах. Правда, утром генерал сам навестил своего тайного родича, но в сопровождении двух дюжих охранников. Ясно, что разговор в этом случае ограничился только горячими соболезнованиями со стороны генерала и стонами вперемешку с ругательствами со стороны штандартенфюрера. Кроме того, Брук заметил, что генерал и без того находится в мрачном и даже встревоженном состоянии.

И действительно, последние дни фон Лютце был в отвратительном настроении. Все словно сговорились доставлять генералу как можно больше неприятностей. Пленных все еще не доставили. Дальнейшие исследования препарата «Цеэм» остановились, а начальство на все запросы отвечало требованием ускорить пуск в эксплуатацию «фабрики брикет».

Поэтому, когда накануне Грета попросила выдать ей контрольные записи опытов, генерал вначале ответил сердитым отказом. Но сообщение, что лаборатория через день вступит в строй, обрадовало фон Лютце, и он согласился, вопреки инструкции, выдать на двадцать четыре часа контрольный экземпляр, секретных материалов. Весь конец дня и вечер генерал предвкушал, как он в субботу донесет в Берлин, что «фабрика брикет» наконец-то заработала. Начальство, конечно, весьма благосклонно воспримет это сообщение. Генерал не сомневался, что в ближайшее время прочтет свою фамилию в списке лиц, награжденных фюрером за особые заслуги перед «Великой Германией».

Радужные мысли фон Лютце были развеяны грохотом взрыва на холме, за развалинами пивного завода. Генерал прекрасно понимал, что в Борнбурге и его окрестностях русских разведчиков может интересовать только вверенный ему, генералу Лютце, объект.

«О чем могли радировать эти разведчики, кроме как о Грюнманбурге, — размышлял фон Лютце. — Теперь неприятностей не оберешься».

Под словом «неприятности» генерал понимал всякие проверки, инспекционные выезды или вызовы для личного доклада вышестоящему начальству. Других неприятностей фон Лютце не ждал. По его мнению, он был в полной безопасности в подземельях Грюнманбурга. Генерал и до этого старался как можно реже подниматься на поверхность, а теперь решил полностью отказаться от личного общения с наземным миром.

Приняв это решение, фон Лютце повеселел. Пусть там, наверху, происходит что угодно.

Гестапо обязано обезвредить все тайные козни врагов, а Грюнманбург, кроме того, охраняется чуть не батальоном отборных эсэсовцев. Сюда-то уж неприятельские разведчики пробраться не сумеют. А зенитки, раскинутые вокруг Грюнманбурга, обеспечат безопасность с воздуха.

День прошел, как обычно. С утра генерал выслушал доклады заведующих секторами, обошел помещения подземного города и, не утерпев, сам поднялся на радиостанцию, чтобы сообщить в Берлин, что восстановление «фабрики брикет» будет закончено в ближайшие часы.

После этого генерал собрался отбыть в свои апартаменты, тем более, что рабочий день уже кончился. Фон Лютце проверял, заперты ли сейф и ящики стола, когда в кабинет вошел Брук. Генерал, видевший утром своего американского родича, сейчас стайным удовольствием отметил, что состояние Брука не улучшилось. Глядя на разукрашенную синяками и ссадинами физиономию штандартенфюрера, фон Лютце елеиным тоном сказал:

— Почему ты не лежишь, дорогой мой? Нельзя так небрежно относиться к здоровью. Тебе надо сейчас как можно больше лежать, лежать и лежать.

Покосившись на генерала, американец сердито проворчал:

— Ты еще посоветуй мне полечиться у своих врачей из сектора «С» препаратом «Цеэм». Дурака ищешь?

Генерал оскорбленно замахал руками:

— Как ты можешь говорить такие слова?! Разве я... Брук, морщась, усаживался в кресло.

— Когда же наконец у тебя заработает лаборатория «А»? — бесцеремонно прервал он генерала.

— Завтра, — подчеркнуто безразличным тоном ответил фон Лютце.

— Завтра? Ты это серьезно?

— Завтра ровно в двенадцать часов дня я рапортую, что «фабрика брикет» вошла в строй действующих предприятий, — на высоких нотах ликующе пропищал генерал.

— Завтра — это хорошо. Поздравляю тебя, — Брук поморщился от приступа острой боли в плече. — Да, кстати, — встрепенулся он, когда боль несколько ослабла. — Я еще не видел записей ольтов, которые велись до взрыва. Фрейлейн Шуппе тогда, помнишь» сказала, что второй экземпляр хранится у тебя. Я хочу его посмотреть.

— Посмотреть? — удивился генерал. — А что ты в них поймешь? Ведь в физике атомного ядра...

— Я ничего не понимаю. Ты это хотел сказать? — прервал Брук генерала. — Не смущайся. Не пойму я — поймут другие. Мне эти записи нужны всего на один вечер. Но записи должны быть все полностью, — безапелляционно закончил Брук. — Понял?

Генерал молчал, съезжившись в своем кресле. Он проклинал взрыв на холме за то, что он не был чуточку сильнее, не растер в порошок этого краснорожего верзилу. Генерал с радостью приказал бы своим эсэсовцам выкинуть американского кузена с территории Грюнман-бурга. Приказал бы... но при одном воспоминании о том, что в кармане Брука лежит еще не одна афишка, на которой напечатано «Осведомитель № 6976», генерала кидало в дрожь.

Фон Лютце трусливо отвел глаза в сторону:

— У меня нет сейчас контрольных записей, — негромко ответил он. — Они в лаборатории.

— Контрольные записи в лаборатории? Что ты чепуху городишь!.. — недоверчиво рассмеялся Брук.

— Я говорю серьезно, — задетый бесцеремонностью собеседника, повысил голос генерал.

— Фрейлейн Шуппе нашла в записях ошибки и сейчас переносит исправления из рабочего в контрольный экземпляр. Но она должна была вернуть записи к восемнадцати часам, — уже раздражаясь, потянулся за трубкой телефона генерал. — Я сейчас позвоню ей...

— Подожди, не звони, — остановил его Брук. — Я сам съезжу к фрейлейн Шуппе. Так будет гораздо лучше. Позвоню ей тоже сам.

— Этого делать нельзя, — решительно запротестовал генерал. — Вначале записи должны

быть возвращены в мой сейф, а потом...

Но договориться им не удалось. В кабинет проскользнул адъютант и что-то прошептал на ухо фон Лютце. Генерал встревожился:

— Боже мой! Что там еще случилось? Проси! — приказал он лейтенанту.

В кабинет вошел Цехауер.

— Хайль Гитлер! — рявкнул он от порога, высоко подняв правую руку.

Генерал и штандартенфюрер ответили на приветствие. Поблагодарив генерала, предложившего ему кресло, Цехауер покосился на Брука.

— Можете говорить свободно, — разрешил генерал. — Штандартенфюрер — доверенное лицо господина рейхсминистра.

Брук важно кивнул головой, подтверждая слова генерала.

— Господин генерал, — с извиняющейся улыбкой на лице заговорил Цехауер, — случилась неприятнейшая вещь. В аппарат возглавляемого вами учреждения проникли неприятельские разведчики, по всей вероятности, русские.

Генерал, испуганно пискнув, скорчился в уголке кресла. Брук подозрительным взглядом обшарил тонувшие в полутьме углы кабинета.

— Да, господин генерал, к сожалению, это, видимо, русские, — повторил Цехауер, наслаждаясь произведенным эффектом. — К счастью, мы вовремя установили это. Русские не успели принести нам никакого вреда.

— Но, кто же они? — истерически взвизгнул генерал. — Что вы тянете? Говорите!..

— Они ваши радисты, — скорбно развел руками Цехауер. — Сержант Гуго Гиберт и рядовой Петер Брунер.

— Радисты! — ошеломленно проговорил фон Лютце. — Но ведь их направили к нам из...

— Так точно, — подтвердил Цехауер. — Но по дороге их перехватила русская разведка. Тела Гиберта и Брунера обнаружены нами в лесу под Борнбургом, а к вам по их документам прибыли разведчики врага.

— Так что же вы до сих пор хлопали ушами? — завизжал от ярости генерал. — Ведь они у нас работают больше недели. Они ознакомлены с шифрами и кодами? Я часто бывал в радиостанции один. Ведь они могли и меня убить. Вы понимаете?

— И я каждый день один бывал в радиостанции, — шипел Брук. — Это возмутительно! Я доложу об этом господину рейхсминистру.

— Господа, пока они здесь, ничего страшного не произошло, — юлил Цехауер. — Все ставшие известными им секреты умрут вместе с ними. Господин генерал, я вас прошу, позвоните на радиостанцию. Пусть оба радиста придут сюда.

— Да вы с ума сошли! — вскочил генерал. — Они тут бог знает, что натворить могут!

— Никак нет, — уверял Цехауер. — Они сюда не дойдут. По всем коридорам стоят мои и ваши люди. Их схватят, едва лишь они выйдут из радиостанции.

— Так что же вы сами не поднимаетесь к ним наверх?! — крикнул Брук, вставая и отходя к столу генерала.

— Двери в верхний коридор заперты изнутри, — оправдывался Цехауер. — Ломать — займет много времени, а главное — они догадаются и тогда действительно натворят чего-нибудь.

Генерал нерешительно поднял трубку.

— Дайте радиостанцию, — буркнул он в телефон. — Радиостанция? Рядовой Брунер? Что вы сейчас делаете? Ведете прием? А где... этот... как его...

— Сержант Гиберт, — шепотом подсказал Цехауер.

— Да, да, где этот сержант Гиберт? Куда ушел? Кто ему позволил? Я?! Ну, ладно. Сейчас же явиться ко мне в кабинет. Отключите аппаратуру и запирайте радиостанцию. Что значит, не можете? Ведете прием? Хорошо. Как только закончите прием, бегом ко мне. Торопитесь...

Повесив трубку, генерал растерянно посмотрел на Цехауера.

— Говорит, что ведет прием шифровки из Берлина, — сообщил он.

— Врет, наверное, — усомнился Цехауер.

— Конечно, врет, — уверенно заговорил Брук. — Надо приказать прервать прием и немедленно явиться.

— Сразу нельзя. Надо подождать минут десять, — посоветовал Цехауер.

Медленно текли десять минут ожидания. Все три собеседника сидели молча, время от времени поглядывая на часы. Наконец Брук не выдержал:

— Звоните, генерал! Хватит с него и восьми минут. Генерал приказал соединить себя с радиостанцией.

Радист очень долго не отвечал. Брук и Цехауер с нетерпеливым ожиданием глядели на 'застывшее лицо фон Лютце. Но вот в мертвой тишине кабинета раздался слабый голос из трубки:

— Дежурный радист рядовой Брунер слушает.

— Прием закончили? — раздраженно закричал генерал. — Нет еще? Хватит валять дурака! Немедленно бросайте все и — ко мне. Повторите приказание!

В трубке что-то коротко пророкотало, и генерал, изумленно хлопая глазами, опустил ее на вилку аппарата.

— Ну что, что он ответил? — торопил генерала Брук, Фон Лютце взглянул на эсэсовца остановившимися от изумления глазами и шепотом ответил:

— Он посмел послать... меня... Меня... генерала фон Лютце!

Цехауер, покачав головой, встал и не спеша вышел из кабинета.

— Да-а-а! — протянул Брук. — Этому молодчику сейчас хватит тут работы, да и тебе тоже. Ну, а я пока съезжу в лабораторию. У меня после вчерашнего пропала охота связываться в такие дела. У русских чрезвычайно неприятная манера — делать все так, как они решили. Пока, кузен. Я торопиться не буду. Вернусь часикам к двенадцати. — И Брук вышел из кабинета, оставив генерала в полной растерянности.

* * *

В помещении радиостанции было тихо. Радист — высокий, могучего телосложения, краснощекий молодой человек лет двадцати трех-двадцати четырех, вытащив из укромного уголка небольшой ящик, бережно вынимал из него темно-зеленые пачки, накладывал их на столике за аппаратами. Осторожность, с какой радист брал в руки пачки, говорила о том, что в ящике лежит вещество, которое нельзя ни ронять на пол, ни даже резко встряхнуть, кладя на стол. Прежде чем взяться за это опасное дело, радист запер двери, ведущие из радиостанции в верхний коридор и из верхнего коридора — в юбщий... Уверенный, что никто не может помешать ему, радист работал не спеша, то напевая, то насвистывая мелодию популярной лирической песенки.

Освободив ящик, радист отнес его в отдаленный угол комнаты, взглянув на часы, довольно улыбнулся и запел на мотив той же лирической песенки;

Осталось, осталось всего полчаса лишь... Всего полчаса, и наступит назначенный срок.

Он сел перед аппаратом и занялся настройкой на какую-то нужную ему волну.

Зазвонил телефон.

Не поднимаясь с места, радист протянул руку к соседнему столику и снял трубку.

— Дежурный радист Петер Брунер слушает! — доложил он, беспечно облокотившись на край стола.

Но первые же услышанные им слова встревожили радиста. Он нахмурился.

— Сержанта Гиберта нет. Он отпущен до двадцати трех тридцати... По вашему разрешению, господин генерал... Не могу отлучиться... Веду срочный прием, работаю с Берлином. Слушаюсь.

Повесив трубку, радист с минуту сидел в мрачной растерянности.

— Значит, накрыли, — сказал он с горькой усмешкой. — А жаль! Генералу, видать, кое-что стало известно. Он хочет выманить меня отсюда. Не выйдет. — После недолгого раздумья, взглянув на часы, радист заговорил, словно отдавая себе приказ: — До двадцати

четырёх необходимо продержаться во что бы то ни стало. — После короткой паузы он решительно ответил сам себе: — Есть продержаться во что бы то ни стало, — и вскочил на ноги.

Выйдя из комнаты, радист быстро подошел к двери, ведущей в главный коридор, проверил, крепко ли она заперта. Он затянул до отказа винт запора и прошел было обратно в помещение станции, но вдруг остановился и начал рассматривать дорожку, застилавшую пол верхнего коридора. Усмехнувшись, радист сбегал в аппаратную, взял несколько пачек, перед этим вынутых из ящика, и аккуратно уложил их на пол, тщательно прикрыв дорожкой.

— Милости просим, дорогие гости, — насмешливо покосился он на запертую дверь, выключил свет и направился в помещение радиостанции. А там, захлебываясь, яростно верещал телефон. Радист крепко запер на все запоры последнюю дверь и подошел к телефону.

— Дежурный радист Петер Брунер слушает, — обычным тоном доложил он. — Нет еще. Прием будет идти не менее двух часов. Не-е-т. Это зависит не от вас, мой генерал, — насмешливо протянул он. — Никоим образом! Не могу. А идите вы... — и должно быть впервые со дня построения подземного города под сводами его купола громыхнуло словцо, которое бесполезно было бы искать в самых полных толковых словарях немецкого языка.

Еще несколько раз телефон начинал звонить, но радист больше не обращал на него никакого внимания.

На клочке бумаги он торопливо, размашистым почерком писал:

«Мои позывные — «Россия»! Мои позывные — «Россия»! Передайте командирам эскадрилий: даю пеленг с центральной радиостанции Грюнманбурга. Говорит «Россия»! Пусть слушают мой голос! Бомбить точно радиостанцию! Здесь Грюнманбург! Прощайте, дорогие друзья! Передайте мой горячий привет Родине любимой, друзьям! Бомбите точно на мой голос!.. Птенчик».

Затем, взяв лежавшую рядом с телефоном книжку «Майн кампф», он вытащил из кармана несколько газетных вырезок с солдатскими песнями и принялся за шифровку.

Шифруя, радист в то же время чутко прислушивался к тому, что творится за стенами радиостанции. Но толстые железобетонные стены и две тяжелых стальных двери были как будто непроницаемы для звука. Убедившись, что врагов в боковом коридоре еще нет, он сел к аппарату.

Далекая радиостанция под Москвой ответила сразу. Радист начал передачу. В этот момент послышались глухие удары. «Таранят дверь из главного коридора, — подумал радист, не отрываясь от ключа. — Взрывать не решаются. Надолго им хватит долбить».

И действительно, штурмующие радиостанцию долга топтались перед первой дверью. Брупер передал шифровку, подождал, когда поступит ответ, и, еще раз подтвердив точность своей радиограммы, получил привет далекой Родины и сообщение, что эскадрильи пойдут по его пеленгу.

Закончив работу, радист взглянул на часы.

— Как медленно все же идет время. Осталось еще больше часа, — проговорил он и, опершись подбородком на руку, задумался. Из-за стены, от первой двери, все еще неслись удары металла о металл. Радист механически начал считать удары:

— Раз... два... три...

Но сорок девятого удара не оказалось. Шум за дверью смолк.

— Неужели так быстро взломали? — встревожено поднял голову радист. Слабые отзвуки торжествующих человеческих голосов донеслись и сюда, в помещение радиостанции.

— Взломали, — констатировал радист и вдруг схватился за качнувшийся столик. Заскрежетала и затряслась стальная массивная дверь, словно какой-то силач гнул и корежил ее, стараясь вырвать из стены. Рев взрыва, сжатого стенами коридора, раскатился по всему подземному городу.

— Получили, сволочи, по морде! — торжествующе вскрикнул оглушенный радист. Первым долгом Брунер осмотрел радиоаппаратуру. Она оказалась в порядке. С успехом выдержала удар взорвавшегося мелинита и стена, смежная с коридором. Осмотрев ее, радист с удовлетворением подумал: «Значит, взрывная волна с двойной силой ударила вдоль коридора. Пожалуй, там всех смело. Что ж, можно повторить. Пусть еще раз попробуют». Осторожно положив в карманы еще несколько пачек мелинита, он с пистолетом в руке подошел к двери и отодвинул засовы. Но дверь не открывалась даже после того, как радист изо всех сил потянул ее на себя. Тяжелая стальная дверь была надежно заклинена взрывом. Невесело усмехнувшись, радист снова задвинул все засовы и, освободив карманы от опасного груза, уселся к аппарату.

Снова потекли нудные минуты ожидания. Уцелевшие от первого взрыва гестаповцы, видимо, не решались повторить штурм радиостанции.

Зазвонил телефон. Брунер недовольно покосился на него, но, все же снял трубку.

— Рядовой Брунер, — услышался в трубке незнакомый голос. — Сопротивление бесполезно. Приказываю зам сдаться. Это будет учтено...

— Кто со мною говорит?

— Лейтенант СС Кольбе.

— Лейтенант СС и такой дурак?! — удивился радист. — Зачем же мне сдаваться? Ведь вам меня все равно не взять. А как у вас? Много ваших опять взлетело в воздух?

— Мы поднимем взрывчатку наверх и придавим зас, как хомяка, — взвизгнул Кольбе.

— Попробуйте, дорогой, — ласково посоветовал Брунер. — От взрыва на куполе сдетонирует моя взрывчатка, а ее здесь немало, и от вашего подземного балагана только дырка останется. Генерал Лютце еще жив?

— Жив, — механически ответил Кольбе.

— Так вот и передайте ему, что он как раз и будет раздавлен, как хомяк.

— Это безумство, Брунер.

— К черту Брунера!.. — загремел радист. — Ваш Брунер догнивает в лесу под Борнбургом. Вы говорите с русским человеком, балтийским моряком, советской гвардии офицером Колесовым. Зарубите это себе на носу, фашистский балбес.

— Да как вы...

— Молчать, — оборвал Колесов. — Слушать, когда вам приказывает офицер советской гвардии. Можете штурмовать радиостанцию, хоть лоб разбейте, — это ваше дело. Я не уйду отсюда до тех пор, пока не найду это нужным. А теперь не мешайте мне, займитесь своим делом и вообще идите к черту.

Повесив трубку, он довольно улыбнулся:

— Поговорили. Хоть без дипломатии, зато здорово, Но, взглянув на часы, сразу стал серьезным.

— Пора! Наши на подходе.

Проверив, работают ли аппараты, радист наклонился к микрофону, и в эфир полетел молодой и звонкий взволнованный голос:

— Мои позывные — «Россия»! Мои позывные — «Россия!» У микрофона гвардии старший лейтенант Колесов. Жду вас, друзья мои. Выходите точно на мой голос. Торопитесь. Фашисты штурмуют радиостанцию, но до вашего прихода я продержусь. Торопитесь. Заходите точно на мой голос. Здесь проклятое гнездо — Грюнман-бург. Заходите точно на мой голос. Да здравствует Родина! Привет любимой Москве! Говорит гвардии старший лейтенант Колесов. Подо мною Грюнманбург. Заходите точно!..»

Дверь в радиостанцию глухо загудела от ударов. Фашисты начали второй приступ. Но старший лейтенант только пододвинул к себе ближе пачки мелинита и положил около локтя заряженный пистолет. Ни на секунду не отрываясь от микрофона, он кидал в эфир горячие слова призыва:

— Мои позывные — «Россия»! Мои позывные — «Россия»! Торопитесь, дорогие друзья! Торопитесь! Заходите точно на мой голос! Бейте без промаха! Здесь Грюнманбург!

Торопитесь, друзья! Мои позывные — «Россия»! Торопитесь! Я вас жду!

Глава 32

САМОЛЕТЫ ВЫШЛИ НА ЦЕЛЬ

Было уже четверть двенадцатого, когда Карл Зельц с Гретой остановились неподалеку от третьего километрового столба.

Они стояли рядом с шоссе, скрытые придорожными кустами и темнотой ночи.

— Прощайте, Карл, — обняла спутника девушка. — Желаю вам счастья. Вы помогли мне в самую трудную минуту...

— Пустяки, товарищ Грета, — взволнованно ответил Карл. — Нам иначе и нельзя. Мы — солдаты партии. Передайте там всем привет. Просто скажите: немецкие коммунисты шлют русским людям привет и просят не-забывать, что фашист и немец — не всегда одно и то же, и даже часто совсем наоборот.

— Передам, Карл. Обязательно передам.

— Поклонитесь за меня Кремлю и Мавзолею.

— Обязательно, Карл!

— Ну, желаю счастья.

Они крепко пожали друг другу руки.

— Может быть, мне лучше подождать здесь или проводить еще немного? — несмело предложил Зельц.

— Не нужно, Карл. Здесь осталось всего метров двести. Дойду одна. А вы возвращайтесь ко второму километровому столбу и ждите. Только будьте осторожны.

— Ничего. Не в первый раз.

— Если встреча не состоится, я возвращусь к вам, и мы уходим вместе, как условились.

— Есть, товарищ Грета.

Они замолчали перед минутой окончательного расставания. Грета снова взяла большие, твердые руки. Карла в свои ладони, сжала их. Вдруг Карл наклонился к уху девушки и шепотом сказал:

— Не забудьте, фрейлейн Грета, передать вашим отважным друзьям, что подпольщики Борнбурга отсалютуют их подвигу взрывом теплоэлектростанции.

— Не забуду, — так же шепотом ответила Грета. — А это будет? Они сумеют?

— Уже, — негромко рассмеялся Карл. — Все сделано. Ждут только сигнала. Взрыв в Грюнманбурге будет этим сигналом. Ну, пока. Вам уже пора.

— Пока, Карл. До скорой встречи.

Еще одно рукопожатие, и девушка пошла по окраине шоссе, в глубь черного, без единого приветливого огонька пространства.

Зельц проводил ее глазами. Но вместо того чтобы уйти, опустился на землю. Минут пятнадцать-двадцать, он лежал, чутко прислушиваясь, не донесется ли до него шум борьбы, крик о помощи. В глубине души Карл до последней минуты тревожился, не стала ли Грета жертвой чьей-нибудь тонкой провокации.

Но все было тихо. Значит, Грета благополучно добралась до места. Зельц встал, вышел на шоссе и не спеша пошел в направлении города. Он шел и думал, что самое позднее через сутки ему надо будет уехать из Борнбурга.

Он знал, что целая группа людей — его товарищи по борьбе, по партии — озабочены его судьбой, что уже заготовлены надежные документы и намечено место, куда он должен уехать, но где это место и какое имя он будет носить через сутки, Карл еще не знал. Он думал о русских радистах, засевших в Грюнманбурге.

«Вот это люди! Столько времени работали чуть не рядом, обоих много раз встречал и не подумал ничего. Даже считал их за самых отъявленных нацистов»,

Но одновременно с восхищением в груди Зельца проснулось -и недовольство собой.

Недовольство тем, что он не разгадал, не помог этим отважным людям. «Неужели их все-таки захватили?» — с болью думал Зельц, шагая по обочине шоссе.

Неожиданно яркий свет фар ослепил Зельца. Он отпрянул в сторону и, упав на землю, вырвал из кармана пистолет. Машина, как метеор, промелькнула мимо, но Карл безошибочно определил: «Мерседес начальника гестапо. Поехал за Гретой».

Он вскочил и со всех ног бросился вслед за машиной. «Их не может быть больше пяти человек, — соображал Зельц на бегу. — В темноте они не разберут, сколько нападающих. А мой «Вальтер» бьет, как часы. Посмотрим, господа гестаповцы, кто кого».

Впереди, как раз около километрового столба, мелькнул красный задний огонь остановившейся на шоссе машины. Зельц, припав к земле, прислушался. Но первое, что донеслось до него, был радостно взволнованный смех Греты. Затем мужской голос сказал: — Садитесь, товарищи. Время не ждет.

Стукнула дверца. Машина, на мгновение, осветив фарами растущие на обочине кусты, свернула с шоссе влево и, осторожно перевалив через кювет, помчалась по лощине.

Зельц встал с земли и облегченно вздохнул. С какой радостью он кинулся бы вслед за машиной, чтобы хоть раз обнять этих незнакомых, но дорогих ему людей, чтобы услышать от них хотя бы одно слово приветия и одобрения.

Но это было уже невозможно. Карл вытер рукою вспотевший лоб и только тогда заметил, что все еще стоит, сжимая в руке тяжелый «Вальтер». Забыв, что его все равно никто не увидит, он сунул пистолет в карман и поднял сжатый кулак над правым плечом, салютуя отъезжающим друзьям. Затем повернулся и пошел, маскируясь среди кустов, по направлению к Борнбургу. Через мгновение его сильная коренастая фигура скрылась в ночной темноте.

Майор Поп ель насторожился, услышав, как капитан Бунке предупредил своего денщика о подходе к третьему километру. Несколько мгновений майор сидел помрачневший, сгорбившийся. Кисти его рук, лежащие на коленях, вздрагивали. Даже удивление по поводу неожиданного путника на шоссе проявилось только в голосе майора, пошевелиться он не рискнул.

Когда же Бунке вторично приказал: «Франц, внимание! Третий километр!» и машина сбавила скорость майор Попель, глядя остановившимися глазами вперед через ветровое стекло, хрипло проговорил:

— Кажется, я проиграл, капитан?.. Не стреляйте... Сдаюсь.

Франц остановил машину и, оставив левую руку на баранке, правой сжал кисти рук майора.

— От вас зависит, останетесь ли вы живы, — ответил Бунке. — Франц, наручники. Они у него в правом кармане.

Попель с готовностью повернулся, чтобы денщик вынул наручники из его кармана, и взглянул на Бунке. Черный глазок ствола пистолета угрожающе смотрел на Попеля из рук капитана. Попелю показалось, что сердце у него перестало биться. Стараясь не лязгнуть зубами, он сделал попытку улыбнуться:

— Прошу вас, капитан, без кляпа. Я не заяц, кричать не буду. Проиграл — плачу.

— Не капитан Бунке, а майор Красной Армии, — услышал он в ответ. — Хорошо, обойдемся без кляпа. Но при малейшей попытке...

- Понимаю, — закивал Попель. — Разведчики всегда понимают друг друга с полуслова.

Ему никто не ответил. Франц добросовестно защелкнул на майорских руках наручники. Затем с той же добросовестностью он ощупал пояс и карманы майора. Пистолет казенного образца и кинжал, висевшие на поясе Попеля, а также маленький пистолет, хранившийся «на всякий случай» в боковом кармане кителя, звякнув, упали на заднее сиденье около капитана Бунке.

На шоссе было пусто. В кустах и ельнике — ни шороха. Казалось, ни одной живой души нет за узенькими кюветами шоссе. Майор Лосев вышел из машины и громко, с нарочитой мечтательностью сказал:

— Какая чудесная ночь! Она напоминает мне ночи Венеции.

С левой стороны шоссе, от невысокого километрового столбика, раздался слабый женский вскрик, а с противоположной стороны донеслось облегченное:

— Наконец-то!..

— Быстро сюда, друзья! — позвал майор.

Первой к машине подбежала Грета Верк.

— Я так волновалась! Я думала, что все сорвалось, — горячо говорила она, пожимая руку майора.

— А я уж боялся, что гестапо что-нибудь пронюха-ло, — весело заговорил, подходя к машине, Сенявин.

— Успокойтесь, фрейлейн Грета, все в порядке, — Ободрил майор Лосев девушку, беря у нее из рук чемоданчик и укладывая его в машину.

— О, я теперь уже ничего не боюсь. Самое страшное позади, — взволнованно рассмеялась девушка.

— Николай Михайлович, — тревожно шепнул капитан Сенявин Лосеву, — Степана Дмитриевича все еще нет.

— Степан Дмитриевич не придет, — тихо ответил Лосев.

— Как? — опешил Сенявин.

— Потом расскажу, — прошептал Лосев и громко пригласил: — Садитесь, товарищи. Время не ждет.

Между тем Грета открыла дверцу машины, рассчитывая сесть рядом с шофером. Место было занято. Она наклонилась, чтобы извиниться, и вдруг отпрянула в сторону. Перед нею сидел гестаповец. Не понимая, что произошло, она схватилась за пистолет. Но Попель испугался не меньше Греты. Защищаясь, он, молча, поднял руки к лицу, и Грета, увидев стальные браслеты на запястьях майора, облегченно перевела дух.

Добрые пять минут машина, лавируя между редкими кустами, мчалась по узкой, извилистой лощине среди холмов, заросших молодым и частым ельником. Старшему лейтенанту Глушкову несколько раз приходилось включать фары, чтобы не врезаться в заросли.

Машину подбрасывало во все стороны; иногда казалось, что еще мгновение — и она перевернется вверх колесами, но Глушков, не сбавляя скорости, гнал ее, как будто ехал по гладкому, ровному шоссе.

Постепенно лошина делалась все шире и шире и, наконец, незаметно перешла в большую, поросшую редкой травой каменистую равнину. Через несколько минут старший лейтенант затормозил машину.

— Здесь, товарищ майор, — сказал он, обращаясь к Лосеву.

— Правильно, — согласился капитан Сенявин. — Остальные два костра — на двести метров дальше.

Все вышли из машины. Гестаповца тоже вывели и для большей безопасности, уложив на землю, связали ему ноги. Лосев взглянул на светящийся циферблат часов.

— В нашем распоряжении около двадцати минут. Самолет придет со второй волной бомбардировщиков, — сказал он. — Вы, товарищи, сможете быстро найти те костры?

— Конечно, — подтвердили Глушков и Сенявин.

— Сколько раз и я и Степан Дмитриевич побывали здесь, — добавил Сенявин... — Нашим потом полит этот аэродром... — Так что же случилось со Степаном Дмитриевичем?.. — тревожно спросил он.

— Гвардии старший лейтенант Колесов Степан Дмитриевич принял бой с охранниками Грюнманбурга, — с торжественной взволнованностью ответил Лосев после короткого молчания. Вон этот шакал торопился в Грюн-манбург потому, что все его опричники не сумели справиться с одним русским офицером.

Установилось тяжелое молчание.

— Они его взяли? — тихо спросил Глушков.

— Нет. Полчаса тому назад он еще дрался с фашистами.

— Эх, Степа, Птенчик! — горестно скрипнул зубами Сенявин. — Не успел, значит...

Вдруг Сенявин, усевшийся было на землю, вскочил и подбежал к машине. Включив дорожный радиоприемник, он начал торопливо вертеть ручку настройки. Несколько секунд в аппарате стояли шум и треск. Но вот перекрывая воздушную какофонию, в тишине ночи зазвучал чистый, взволнованный голос Колесова.

— Торопитесь, друзья. Фашисты сейчас ворвутся. Буду отстреливаться, пока можно... Торопитесь! Бомбите точно на мой голос! Здесь Грюнманбург! Даю пеленг! Даю пеленг! Здесь Грюнманбург!

Грета, недостаточно знавшая русский язык, плохо понимала взволнованную речь, звучавшую из радиоприемника, которую в торжественном молчании слушали ее новые друзья. Зато ухо девушки первым уловило ровный гул моторов множества идущих на большой высоте воздушных кораблей.

— Самолеты! — воскликнула она. — Самолеты! Все прислушались.

— Наши! — вырвалось единодушное восклицание. Но даже приближение советской армады не в силах было оторвать Лосева и его товарищей от радиоприемника, в котором звучал страстный голос старшего лейтенанта Колесова.

— Друзья мои! — обращался к советским летчикам герой-разведчик. — Уже время. Я верю, что вы пришли, что вы сейчас кружите над Грюнманбургом. Не нужно колебаний! Бомбите точно по моему голосу! За здравствует Родина! Привет всем, дорогие друзья! Сотрите с лица земли вражеское гнездо. Фашисты... — голос неожиданно прервался. В радиоприемнике загрохотало.

— Отстреливается, — с болью в голосе проговорил Сенявин. Радиоприемник молчал. Протекло несколько томительных мгновений. Затем снова послышался, но теперь уже слабый, иногда затихавший до шепота голос Колесова:

— Отбилась! Сейчас снова придут. Прощайте, друзья! Передайте от гвардии старшего лейтенанта Колесова привет советскому народу. Бомбите точно! Идут! Прощайте! Взрываюсь!

И снова страшное мгновение — молчание. Вдруг окрепший голос Колесова провозгласил:

— Да здравствует Родина! Да здравствует партия! Бомбите!

Возглас оборвался коротким грохотом, и приемник умолк.

Радиостанция Грюнманбурга перестала существовать. Около машины все обнажили головы. Разведчики смотрели на радиоприемник, словно требовали от него повторить горячие слова навеки умолкшего друга. И, будто выполняя волю погибшего разведчика, тяжело вздрогнула земля. Советские бомбардировщики сбросили первую серию тяжелых фугасных бомб.

— Это вам задаток за русского разведчика Степана Колесова, — мрачно сказал Лосев, надевая фуражку. — Сейчас наступит расчет.

И в самом деле, на Грюнманбург обрушилась настоящая лавина. Даже здесь, почти в десяти километрах от места бомбежки, земля тяжело колыхалась и вздрагивала.

— Где ракетница? — спросил Лосев Глушкова,

— Здесь! — отойдя на десяток шагов от машины, Глушков покопался в траве под небольшим кустиком и, вернувшись, подал майору сумку с ракетницей и ракетами.

— К кострам! — приказал Лосев. — Зажигать но моей ракете. Торопитесь. Когда костры загорятся, бегом сюда.

Сенявин и Глушков кинулись исполнять приказание. Со стороны Грюнманбурга неслась неумолкаемый грохот взрывов. В небе гудело такое количество моторов, что казалось удивительным, как это самолеты могут лететь в такой тесноте и не сталкиваться друг с другом.

В сплошном гуле и грохоте утонуло не только перепуганное таяканье грюнманбургских зениток, но и еще один взрыв, раздавшийся в противоположной от Грюнманбурга стороне. Только огромное зарево, поднявшееся, казалось, совсем неподалеку, привлекло внимание майора.

— Что это? — удивился он. — Ведь там наши не бомбят.

— Это подпольщики Борнбурга салютуют вам и вашей авиации, — восторженно сообщила Грета. — Теплоцентральный взорвали.

— Молодцы... — майор пристально посмотрел на Грету. — А откуда ваши подпольщики узнали о нас? Проговорились? — Слова укоризны готовы были сорваться с уст майора, но в этот момент его чуткое ухо выделило из общего гула звук мотора одиночного самолета, идущего на небольшой высоте. Майор послал ракету вдоль равнины и, засунув ракетницу в карман, поджег свой костер. Одновременно вспыхнули костры Сенявина и Глушкова. Сделав всего один круг над кострами, самолет пошел на посадку. Сенявин и Глушков едва успели добежать от своих костров к майору, а тяжелая машина уже катилась по хрустящей каменистой почве равнины.

Подхватив под руки связанного гестаповца, разведчики в сопровождении Греты Верк побежали навстречу машине. Едва лишь самолет остановился, как из открывшейся в борту дверцы выскочил невысокий плотный человек и бегом кинулся навстречу разведчикам.

— Коля, майор Лосев! Жив? — кричал он.

— Жив, жив, — растроганно бормотал Лосев, обнимая подполковника Черкасова. — Что мне делается? Жив.

— Скорее в машину, друзья, — торопил подполковник, все еще обнимая и похлопывая майора то по плечу, то по спине, словно желая убедиться, что перед ним действительно живой и невредимый Лосев. — Задерживаться нельзя ни на минуту. Все в сборе?

— Все... кроме... — начал Лосев.

— Знаем, — коротко ответил Черкасов. — Мы треть йути шли, пеленгуясь на его голос... До самой последней минуты... Герой!

* * *

- Машина проходила над горящим Грюнманбургом. Все кинулись к окнам. Внизу полыхали и пламенели не только лес и трава. Горела сама земля. Два пункта — подземный город и лаборатория «А» — представляли два огромных пылающих кратера. Пробитые сверху фугасными бомбами развороченные холмы зияли раскаленными пропастями, как жерла вулканов.

— Слушай, Сеня, — окликнул вдруг майор Лосев. — А ведь это не обычные фугаски. Это...

— А ты думал как? — рассмеялся подполковник. — Догадался все-таки! Да, да. Они самые. Новинка. Не пожалели для такого случая.

Пылающий Грюнманбург остался позади. Сосредоточенно думавшая о чем-то Грета вдруг осторожно спросила майора:

— Скажите, господин капитан, утром ваши самолеты, еще будут здесь?

— Во-первых, не господин, а товарищ, во-вторых, не капитан, а майор и даже не Зигфрид Бунке, а Лосев Николай Михайлович, — рассмеялся тот. — А насчет наших самолетов я вам сообщить ничего не могу.

— Но к рассвету они улетят отсюда? — еще более встревожилась Грета.

— К рассвету, безусловно, улетят, — успокоил девушку Лосев. — А зачем вам это надо?

— Видите ли... товарищ майор, — запнулась на непривычном обращении Грета, — сердце нашей лаборатории находится так глубоко под землей, что его могут не разрушить даже ваши бомбы.

— Ну, что же?

— Тогда около четырех часов утра произойдет еще один взрыв. Не нужно, чтобы ваши самолеты в это время были над Грюнманбургом.

— Около четырех часов? — переспросил майор Лосев. — Ну, к этому времени наши машины будут уже у своих аэродромов.

— Тогда все очень хорошо, — облегченно улыбнулась девушка.

Такую оптимистическую оценку из всех находившихся в самолете людей не разделял только майор Попель. О нем в первый момент все забыли. Скрученный по рукам и ногам, он лежал на полу в самом хвосте самолета.

Первым вспомнил о пленнике подполковник Черкасов.

— Коля, — спросил он Лосева, — а это у тебя что за пассажир?

— Видный чиновник гестапо. Приехал из Берлина, видимо, специально для того, чтобы пригласить нас в гестаповские подвалы, — рассмеялся майор. — Да не сумел. Не оправдал оказанного ему высшим начальством доверия.

Хотя разговор шел на русском языке, гестаповец, услышав нелестную характеристику своих способностей, сердито передернул плечами.

Черкасов заметил это.

— Вы понимаете по-русски? — спросил он гестаповца. Попель, секунду поколебавшись, утвердительно кивнул головой.

На первые вопросы подполковника Черкасова гестаповец отвечал уклончиво.

— Что вы крутите! — недовольно поморщился подполковник. — Ведь все равно вы у нас заговорите.

— А скажите, господин подполковник, — ответил вопросом на вопрос Попель. — Если я буду говорить обо всем откровенно, меня не расстреляют?

— А вы что, к теще на блины едете? — рассердился подполковник. — Может быть, и расстреляем. Если вы служили в захваченных вашей фашистской ордой странах и были жестоки с местным населением, тогда вас будет судить суд той страны, в которой вы творили свои зверства. А там, конечно, не помилуют.

— Клянусь вам, господин подполковник, нигде, кроме фатерлянда, я не служил.

— Так чего же вы жметесь, как барышня? Разведчики и Грета с любопытством прислушивались к разговору. После короткого раздумья Попель ответил:

— Не будем спешить, господин подполковник. Господин майор подтвердит, что я держался корректно и сдался сам.

— Ну, вот то-то, — улыбнулся Черкасов. — Сейчас скажите только одно: как вы узнали о том, что русские разведчики появились в вашем тылу? В чем мы допустили промах?

— Промахи кое-какие были... Но дело не в них. Все началось с этой радиограммы из Грюнманбурга. Мы не могли ее расшифровать, а радист Макс Бехер умер, не сказав ни слова. Но все же мы поняли, что шифровка предназначена русскому командованию.

Подполковник даже подпрыгнул на месте и ударил себя по лбу.

— Что это со мной творится? — воскликнул он. — Совсем забыл. Ведь я подготовил вам сюрприз. Просил самого генерала, и по его ходатайству все устроилось. Подождите, я сейчас, — и подполковник почти бегом направился в кабину управления. Через короткое время он вышел в сопровождении высокого, худощавого старшины. Чуть гортанным голосом, мягко, по-восточному произнося слова, старшина отрекомендовался:

— Радист самолета, гвардии старшина Тохтасын Вахабов.

Черкасов с веселым лукавством глядел на разведчиков, ожидая возгласов удивления. Но разведчики невозмутимо поздоровались со старшиной, ничем не выразив, ни удивления, ни восторга. Подполковник явно был разочарован.

— Коля, — укоризненно взглянул он на майора Лосева. — Ты, по-моему, не расслышал. Это Тохтасын Вахабов. Он узбек.

Лосев недоумевающе взглянул на подполковника. «Какое отношение имеет к нам этот старшина? Ты что-то путаешь, дружище», — прочел Черкасов во взоре майора.

— Так вот это кто! — Лосев встал и снова крепко пожал руку старшины. — Расскажите же, как всё было!

— Э-э-э! Плохо было, — махнул рукой старшина. — Раненый в плен попал. Потом бежал с товарищами; сейчас снова воюю. — Затем, неуверенно выговаривая слова немецкого языка, старшина спросил Грету: — Вы, значит, знаете Макса Бехера? Я его Максимом звал. Нас, советских, там трое было. По-немецки немного только я говорил. Где сейчас Максим? Хорошо живет?

Грета замялась, не решаясь рассказать о трагической судьбе Макса Бехера.

— Нет, друг, больше твоего Максима. Коммуниста Макса Бехера расстреляли фашисты,

— с дружеской печалью ответил старшине Лосев.

— Как расстреляли? Кто донес? — вскинулся старшина. — Почему не помогли бежать? Нам ведь он помог!..

Лицо Тохтасына Вахабова вдруг покривилось. Стараясь сдержаться, он судорожно глотнул воздух, но слезы предательски заблестели на ресницах старшины. Он круто повернул и, сделав несколько шагов в хвост самолета, споткнулся о ноги майора Попеля. Быстро отерев глаза, он взглянул на гестаповца.

Попель под взглядом Вахабова трусливо съежился и подобрал ноги. Тохтасын молча продолжал смотреть на него, и лицо гестаповца начала заливать землистая бледность.

— Старшина! Возьмите себя в руки, — с теплой укоризной прозвучал голос Лосева.

Тохтасын вздрогнул и, снова круто повернувшись, торопливо ушел в кабину управления. Несколько минут стояло суровое молчание.

— Господин подполковник, — послышался хриплый голос Попеля, — прошу передать вашему командованию, что я на допросах могу сообщить много важных сведений. Пусть только меня не расстреливают. Я все расскажу откровенно...

Ему никто не ответил. Самолет проходил над линией фронта. Впереди лежала любимая, политая кровью, отвоеванная от врага земля.

Глава 33

ВСЕГДА ГОТОВЫ К ОТПОРУ

Раннее солнце ласкало землю первыми теплыми лучами, когда самолет, доставивший из фашистского тыла группу Лосева, приземлился на огромной поляне,

Со всех сторон поляну сплошной стеной окружали высокие, в три обхвата толщиной вековые сосны. Только в одном месте строй лесных гигантов как будто редел. Разбитая сотнями автомобильных шин и гусеницами тягачей песчаная дорога, незаметно выскользнув через эту брешь с поляны, потаенно пробиралась с секретного лесного аэродрома к сутолоке прифронтового шоссе.

Лес не умел молчать. В самую тихую, безветренную» погоду сосны гудели кронами, словно о чем-то встревоженно переговариваясь между собой. Даже в те минуты, когда, беря разгон, по поляне мчался тяжелый бомбардировщик, грохот его моторов не мог заглушить голоса леса.

И сейчас, едва открылись двери в борту самолета, первое, что услышали Лосев и его друзья, был этот встревоженный и немного печальный говор лесных великанов. Лосев не стал дожидаться, когда аэродромная прислуга подкатит к самолету лестницу. Выпрыгнув из машины, он с недоумением огляделся вокруг.

— Куда это ты привез нас, Сеня? — удивился он. — Здесь Подмосковьем и не пахнет.

— Да, — рассмеялся Черкасов, — я ведь и забыл что ты еще ничего не знаешь. Мы перебазировались. Подготовительный период прошел, подходят горячие-деньки. Вот и мы поближе к переднему краю подобрались.

— Где же мы сейчас?

— Не очень далеко от города Эн, — шутливо ответил подполковник, — попросту говоря, от Смоленска. Но это ненадолго. Скоро снова переезжать будем. Еще дальше.

— Хорошо, — удовлетворенно проговорил Лосев и, широко раскинув руки, полной грудью вдохнул пахнувший утренней росой и смолой воздух.

После того как были вызваны конвой и специальная машина для Попеля, разведчики, Грета и подполковник Черкасов разместились в двух газиках, и машины помчались по разбитому, выщербленному асфальту.

Подполковник Черкасов сел с Гретой и Лосевым. Утомленная всем пережитым, почувствовав наконец-то-себя среди друзей и в полной безопасности, девушка задремала. Но даже сейчас она не выпускала из рук черного чемоданчика.

Лосев наслаждался картиной утреннего пробуждения. Родины. Весело светило солнце, радостно щебетали птицы, и во все стороны расстилалась израненная, совсем недавно вырванная из лап врага, но уже возрождающаяся родная земля. Радостно и просторно было на душе у майора. Закончено большое, нужное и опасное дело. Задание Родины выполнено. Впереди, хотя и маленький, новее-таки отдых. Можно побыть самим собой, можно вспомнить, что еще молод, что существует на свете такое прекрасное время — весна. Неожиданно машина, свернув с магистрального шоссе, помчалась по узкой мощеной дороге, пролежавшей среди лугов.

— Сеня, — удивился Лосев. — Куда это мы? Разве...

— А что ж ты хочешь, чтоб я тебя в таком виде к командиру тащил? Ведь мы едем в открытой машине...

И в самом деле, зрелище было не совсем обычное. В машине, несущейся по шоссе в тылу советских войск, вместе с подполковником ехали два офицера-эсэсовца, а в следующей машине — сержант и рядовой солдат СС.

— Ты не заметил, как на тебя тарасили глаза шоферы и пассажиры встречных машин? А один газик встал «а дыбы, то есть на задний скат, и зафыркал. Наверно, прямо с передовой газик, — подсмеивался подполковник Черкасов.

— Так зачем же ты вызвал открытые машины? — недовольно проворчал Лосев.

— Не сердись, — успокоил друга Черкасов. — Дело не в машинах. Приказ генерала — отвезти всех в укромное место и заставить минимум двадцать четыре часа спать, есть, гулять и снова спать.

— Ну-у-у, — поразился Лосев. — С чего бы это?

— Не знаю, — уклончиво ответил Черкасов. — А хотя, зачем ты сейчас нужен? — шутливо добавил он. — Мы обо всем знаем из твоих радиogramм. Доложишь генералу позднее, — и уже с таинственным видом закончил: — А может быть, и не только генералу. Но об этом... я молчу.

— Ну что ж, молчи! — согласился Лосев. — Главное — что сейчас можно вздремнуть. Я, признаться, за эти дни спать вообще отвык.

— Ну, привыкай, привыкай, если успеешь привык-знуть, — добродушно подтрунивал подполковник.

Машины влетели в густой сосновый лес и вскоре свернули с мощеной дороги на просеку. Острый смолистый запах приятно защекотал ноздри. Под колесами хрустел слой сухой еловой хвои.

Через полчаса просека привела к небольшому лесному озеру. На высоком берегу под сенью вековых сосен раскинулся десяток деревянных домиков.

— Бывший леспромхоз, а сейчас фронтальной дом отдыха, — сообщил подполковник. — Только желающих отдохнуть маловато. Пошлют из части какого-нибудь отличного снайпера, разведчика или пехотинца, а он отоспится и через пару деньков удирает на попутных машинах обратно на передний край. Говорит, отдохнул, хватит, воевать надо.

— Как же немцы не сожгли эту благодать? — спросил Лосев, окидывая взглядом приветливые домики.

— Вначале не знали, потом боялись сюда забираться — партизаны рядом были, а после фрицам вообще не до того стало... Располагайтесь, — пригласил подполковник, когда приехавшие вошли на террасу. — Для вас все приготовлено. — Затем, обращаясь к Грете, Черкасов заговорил по-немецки: — Фрейлейн Верк, мы, не зная ваших вкусов и прочего, не смогли подготовить вам полный гардероб. Пока что сестра-хозяйка предоставит вам все необходимое. Отдыхайте. Во второй половине дня сюда приедет портниха и... ну, в общем, командование просит вас экипироваться полностью. Самое главное, не стесняйтесь... — обычно не лазивший за словом в карман, подполковник смешался.

— Благодарю, — по-немецки ответила Грета, — Только я отшен прошу говоряйт со мной по-русски, — смешно коверкая слова и розовея от смущения, попросила девушка. — Мне надо много знайт ваш язык.

— Хорошо,— добродушно улыбнулся подполковник.— Я буду говорить с вами по-русски.

— На моих руках...— начала Грета, приподнимая чемоданчик, но, запнувшись, вопросительно посмотрела на Лосева. Тот утвердительно кивнул головой.— На моих руках отшен важный документ. Надо быстро, быстро получай его гросс командование.

— Мы знаем об этих документах из радиограммы Лосева,— подтвердил подполковник Черкасов.— Если вы ничего не имеете против, то я сейчас же передам их командованию. А затем с ними, вероятно, ознакомятся наши ученые. Вы не возражаете?

— Нет! Нет! Возражайт нет! — радостно закивала Грета.— Это отшен важно. У, фашист такой документ не остался.

Через час в домике все стихло. После сытного завтрака разведчики и Грета разошлись по отведенным им комнатам. Подполковник Черкасов, убедившись, что все устроены, уехал. Легкий теплый ветерок, пропитанный запахами соснового леса, влетая в раскрытые настежь окна, тихо овевал разведчиков, спавших спокойно и безмятежно.

Генерал точно выдержал установленный им срок. Целые сутки никто не тревожил разведчиков. Даже подполковник Черкасов, и тот заехал только раз, и то лишь затем, чтобы привезти свежие газеты.

Но ровно через двадцать четыре часа перед домиком остановились две машины.

Лосев задумался, глядя, как мимо вырвавшейся из леса машины замелькали вначале поля и луга, затем сожженные и разбитые снарядами и бомбами дома многострадального Смоленска и под конец ведущее к фронту шоссе. Как непохож его теперешний приезд по вызову генерала на тот, который был несколько недель тому назад! Тогда не по-весеннему холодный дождь хлестал по земле, стояла темная, непогожая ночь, а сейчас весело сияет солнце и воздух напоен пьянящим ароматом русской весны.

Впрочем, есть одно, и это самое главное, что не изменилось за последние недели; вдоль шоссе, по направлению к фронту, по-прежнему шли колонны автомашин, наполненных ящиками со снарядами и консервами, дробно стучали колеса многочисленных обозов и шагала с винтовками «на ремень» упрямая русская пехота.

Разведчиков привезли не в управление, а прямо в ставку командующего фронтом. В ставке Лосева и его товарищей, видимо, ожидали. Командующий принял их немедленно. Охрана и офицеры штаба почтительно посматривали на трех офицеров-разведчиков, слава о дерзком подвиге которых уже передавалась из уст в уста. Появление вместе с разведчиками молодой красивой девушки, очень плохо говорившей по-русски, вызвало всеобщий интерес.

В огромном прохладном кабинете было всего три человека. Рядом с командующим сидел генерал, пославший в свое время разведчиков на задание. Он с гордостью смотрел на своих питомцев. Несколько в стороне от военных в мягком покойном кресле сидел третий человек, одетый в просторный, хорошо сшитый штатский костюм. Его сухое волевое лицо, глубоко сидящие внимательные глаза были не знакомы ни Лосеву, ни его друзьям.

После рапорта командующий дружески расспросил каждого разведчика о пережитом во вражеском тылу. Новые сведения об усилении в тылу у фашистов движения сопротивления, об активных действиях подпольщиков вызвали одобрительные улыбки маршала и генерала. Но майор Лосев, заканчивая свой доклад, добавил:

— Об этом может подробно рассказать наша спутница товарищ Грета Верк. Она принимала активное участие в подпольной работе.

Узнав все, что его интересовало, командующий поднялся с места. Встали и все остальные.

— Товарищи офицеры! Дорогие мои друзья и соратники,— заговорил маршал, с гордостью глядя на замерших перед ним разведчиков.— Вы совершили подвиг. По приказу Родины вы отважно проникли в самое логовище фашистского зверя, сумели разыскать подземные берлоги, в которых наши враги тайно готовили новые, самые подлые, самые свирепые средства уничтожения людей. Сегодня эти средства уже не страшны ни нашим воинам, ни

мирным жителям. Вы помогли Родине выбить их из лап врага. Верховное командование поручило мне передать вам за это глубокую благодарность. Партия и правительство считают, что вы достойны высокой награды, и награждают вас, — он взял со стола красные коробочки и, повысив голос, назвал фамилию первого из награжденных:

— Гвардии майор Лосев!

Командующий сам прикрепил орденские знаки на грудь майора, поздравил и поцеловал его. Один за другим подошли и получили награды Сенявин и Глушков. На столе остались еще две коробочки, при взгляде на них больно сжались сердца разведчиков.

— Среди вас нет одного, самого молодого,— понизив голос, продолжал командующий, склонив голову.— Гвардии старший лейтенант Колесов Степан Дмитриевич пал смертью героя, выполняя приказ Родины. Партия, Правительство и Верховное главнокомандование поручают вам, гвардии майор Лосев, лично отвезти матери Героя Советского Союза высокую награду сына. Передайте, что все мы вместе с нею гордимся ее замечательным сыном и скорбим о том, что его нет в нашем строю.

Стоя в нескольких шагах от Лосева, Грета широко раскрытыми, восторженными глазами следила, за процедурой награждения. И вдруг она услышала, как, не совсем уверенно произнося слова, командующий обратился к ней на немецком языке:

— Я рад приветствовать здесь отважную дочь немецкого народа. Дорогая фрейлейн Верк, горячо поздравляю вас с благополучным прибытием. Все, кто хочет бороться с фашистами,— наши друзья. И в нас вы найдете настоящих, искренних друзей. Уходя из фашистского логова, вы не захотели оставить врагам вашей родины важные научные документы. Правда,— усмехнулся маршал, — фашисты все равно не смогли бы их достать из того места, которое до позапрошлой ночи называлось Грюнманбургом. Наши летчики основательно поработали над фашистским гнездовьем, а подготовленный вами взрыв завершил остальное. Ваш подвиг — это подвиг патриота, любящего свою родину и ненавидящего фашистскую заразу. Правительство поручило специалистам ознакомиться с привезенными вами документами. Если вы ничего не имеете против, то сейчас один из них побеседует с вами.

— Здравствуйте, дорогая фрейлейн Верк,— заговорил на хорошем немецком языке седой человек в штатском костюме, подходя к столу и пожимая руку Грете.— Рад вас видеть здесь, у нас, а не по ту сторону фронта. Вас, конечно, интересует ценность привезенных вами документов? Если вы не возражаете, то мы сейчас обменяемся мнениями по этому вопросу.

— Говорите по-русскому,— упрямо качнула головой Грета,— я вас понимаю?.. Говору пока немножко плохо.

Ученый улыбнулся горячности девушки.

— Пожалуйста, — согласился он,— будем говорить порусски.

— Да вы присаживайтесь, товарищи, — пригласил командующий.— Разговор будет не короткий.

— Товарищ Верк,— заговорил ученый, когда все уселись.— Привезенные вами документы представляют большой политический интерес. Они служат доказательством того, что Гитлер и его свора видят свое спасение только в атомном оружии, они убедились, что обычным оружием им не победить Советского Союза. Но, как вы сами видели, советские разведчики лишили фашистских заправил этой самой последней надежды. Это одна сторона вопроса. Вторая сторона: какой научный интерес представляют привезенные вами документы? Я должен разочаровать вас, дорогой товарищ: для советских ученых эти записи не имеют никакой ценности. Достижения фашистской физики атомного ядра — этап, давно пройденный советскими учеными.

— Значит, Советская Россия имеет достигнуть передовой предел атомной науки? — удивленно спросила Грета.— Наши газеты много писали... как это? Совсем про другое. Немцы сейчас думаль, Советская Россия совсем... как это? совсем отстал... темный страна... науки нет...

— Если вы будете работать у нас в области атомной физики, то увидите, что советскими

учеными сделано немало, очень даже немало,— улыбнулся ученый.— Но наша цель — не атомное оружие, вернее, не только оружие. Задачи советской науки шире и неизмерима благороднее. Мы считаем, что атомная энергия должна быть подчинена человеку, должна работать на человека. Мы хотим заставить атомную энергию вращать колеса машин, двигать самолеты, копать землю — в общем мирно трудиться. И это мы сделаем. Скоро сделаем. Еще несколько лет, и это будет достигнуто.

— Это есть очень хорошо, — торжественно проговорила Грета. — Я буду просить работать рядом с русских ученых... После война будет другой Германия. Демократичной Германия нужна помощь от передовая советская физика. Я хотела изучать... я буду просить... — девушка запнулась, подыскивая ускользавшие слова.

— Мне кажется, что ваша просьба будет удовлетворена, — вмешался в разговор командующий. — Отдохнете, наберетесь сил и возьметесь за работу, которая вам по душе.

— Благодарю. Я... как это?., буду оправдать вашу заботу. Я буду работать на мир. Если очень будет надо, и для война... для бомба.

— Ну, уж если вынудят, — пожал плечами ученый, — то и мы не отстанем. Сделаем и атомную бомбу...

— Только у нас даже атомная бомба будет работать на мир. Вроде компресса для некоторых любителей войны, особенно для заокеанских, — со смехом закончил командующий. — Господа капиталисты привыкли на все воздействовать только страхом, привыкли уважать только силу. Ну, что ж, Советский Союз заставит всех господ капиталистов уважать себя, заставит считаться с собою, заставит бояться себя любых поджигателей новой войны. На том стоим.

...Генерал вышел из кабинета командующего вместе с разведчиками. Обняв на прощанье майора Лосева, генерал пообещал:

— Ты, Николай. Михайлович, когда возвратишься от матери Героя, можешь отгуливать те десять дней, которые я у тебя в тот раз отнял. Да маршал от себя еще десять дней добавил. Значит, у тебя двадцать дней отпую ка. Можешь съездить в Москву, досмотреть тот спектакль, с которого тебя увезли по моему приказанию.

Лосев поблагодарил генерала. А за его спиной подполковник Черкасов умоляюще шептал:

— Не уезжай в Москву, Коленька. Генерал только сейчас добрый, а потом прикажет мне: «Вызвать Лосева!» А..где я тебя тогда найду? До Москвы сейчас не близко. Не уезжай!..

— Уеду! — свирепо пообещал Лосев. — Уеду и там захоронюсь, что ты меня и через контрразведку не разыщешь.

— Не будь свиньей, Колька! — взмолился подполковник. — Отдыхай здесь. Кругом природа и... всякой такое. Рано нам отдыхать по-настоящему. Война-то ведь еще не кончилась. Не уедешь?

Но Лосев не отвечал, смотря куда-то в сторону с, улыбкой, которой Черкасов никогда не видел на лице своего друга. Подполковник посмотрел в направлении его взгляда. У окна Грета Верк прощалась с ученым. Увидев, кому адресована улыбка майора, Черкасов с лукавым любопытством посмотрел на Лосева.

— Ладно, — разрешил он, махнув рукой, — поезжай туда хочешь. Теперь-то тебя разыскать проще простого.